A 239/98

2007099091

А. 98

СИЛЬНЫЯ ПЕРСОНЫ

ВЪ ВЕРХОВНОМЪ ТАЙНОМЪ СОВѢТѢ

ПЕТРА II

И РОЛЬ КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА

ПРИ

ВОЦАРЕНІИ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Профессора А. С. Алексѣева.

Оттискъ изъ журнала *Русское Обозрѣніе* 1897 года.

МОСКВА.

1898.

А 239
98

СИЛЬНЫЯ ПЕРСОНЫ
ВЪ ВЕРХОВНОМЪ ТАЙНОМЪ СОВѢТѢ
ПЕТРА II
И РОЛЬ КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА
ПРИ
ВОЦАРЕНІИ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Профессора А. С. Алексѣева.

Оттискъ изъ журнала *Русское Обозрѣніе* 1897 года.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898.

Дозволено цензурой. Москва, января 11 дня 1898 года.

СИЛЬНЫЯ ПЕРСОНЫ ВЪ ВЕРХОВНОМЪ ТАЙНОМЪ СОВѢТѢ ПЕТРА II И РОЛЬ КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА ПРИ ВОЦАРЕНІИ АННЫ ІОАННОВНЫ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Своеобразная судьба Верховнаго Тайнаго Совѣта заинтересовала многихъ писателей. Но тотъ длинный рядъ страницъ, которыя посвящены исторіи этого учрежденія, мало говоритъ объ его будничной жизни: онѣ скорѣе вдохновлены тою политическою ролью, которую хотятъ приписать Верховному Тайному Совѣту и тѣмъ эпизодамъ въ его исторіи, которые даютъ поводъ, хотя и не всегда достаточный, говорить о „конституціонной попыткѣ 1730 г.“, о планѣ государственной реформы кн. Голицына, о борьбѣ политическихъ партій и т. д.

Къ такимъ эпизодамъ во всякомъ случаѣ не принадлежатъ тѣ событія, которыя пережилъ Верховный Тайный Совѣтъ въ царствованіе Петра II. Они заключаютъ въ себѣ мало точекъ опоры для разсужденія о политической роли этого учрежденія. И вотъ почему въ работахъ, посвященныхъ Верховному Тайному Совѣту, царствованіе Петра II остается въ тѣни и о немъ говорится только вскользь.

А между тѣмъ судьба Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Петра II очень поучительна и даетъ богатый матеріалъ какъ для вѣрной оцѣнки значенія этого учрежденія вообще, такъ и для уразумѣнія настоящаго смысла тѣхъ событій, которыя связаны съ воцареніемъ Анны и которыя привели къ его паденію.

Но если наши историки и мало говорятъ о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ царствованіе Петра II, то то немногое, что они о немъ сообщаютъ, имѣетъ очень опредѣленное содержаніе; оно сводится къ слѣдующему основному положенію.

Верховный Тайный Совѣтъ въ царствованіе Петра II окончательно вооружается всѣми функціями верховной власти и фактически овладѣваетъ всѣмъ тѣмъ, что хотѣлъ себѣ юридически гарантировать „конституціоннымъ проектомъ“ 1730 г.

„Когда умеръ Петръ II“, пишетъ проф. Щегловъ, „Верхов-

ный Тайный Совѣтъ стоялъ на вершинѣ управленія государствомъ, имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ права самодержавной власти“ [1]. „По тестаменту Екатерины“, говоритъ проф. Корсаковъ, „Верховному Тайному Совѣту во время малолѣтства Петра II прямо предоставляется полная власть, равная государской... При Петрѣ II, особенно по сверженіи Меншикова, Верховный Тайный Совѣтъ почувствовалъ въ себѣ еще болѣе силы и весьма естественно стремился все болѣе и болѣе расширять свою власть“ [2].

Эту власть онъ въ знаменательную ночь на 19 января и закрѣпилъ извѣстными кондиціями. Тѣсная связь между самовластіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Петра II и замыслами верховниковъ очень рѣзко подчеркивается проф. Загоскинымъ. Онъ утверждаетъ, что уже вскорѣ послѣ паденія Меншикова военный элементъ потерялъ значеніе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, преобладаніе получаютъ здѣсь люди родословные, которые преслѣдуютъ цѣли олигархическія, доводящія ихъ до желанія уничтожить и безъ того фиктивно существовавшее при Екатеринѣ I и Петрѣ II самодержавіе — и эти замыслы, встрѣтивъ отпоръ въ массѣ шляхетства, повлекли за собою уничтоженіе этого тенденціознаго учрежденія... „Только имѣя въ виду всѣ указанныя обстоятельства, продолжаетъ почтенный профессоръ, можно понять, какимъ образомъ учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта было актомъ, подготовленнымъ къ событіямъ 1730 г.: въ этомъ учрежденіи нашли себѣ выходъ олигархическія стремленія родословныхъ людей, это учрежденіе дало имъ возможность сплотиться, стать во главѣ государственнаго управленія, подчинивъ власти своей даже Сенатъ,—а отсюда только одинъ шагъ до обстоятельствъ, которыми сопровождалось воцареніе Анны Іоанновны“. Г. Филипповъ однако думаетъ, что тутъ и одного шага не было и что Верховный Тайный Совѣтъ уже къ концу царствованія Петра проложилъ весь безъ остатка путь, который велъ къ его самовластію, формулированному въ кондиціяхъ. Онъ даже горячо полемизируетъ съ тѣми писателями, которые хотятъ выставить ограничительные пункты заимствованіями изъ Швеціи; по его мнѣнію, эти кондиціи самобытное явленіе, органическій результатъ нашего историческаго прошлаго. „При юномъ Императорѣ“, говоритъ г. Филипповъ, „особенно послѣ паденія Меншикова, Совѣтъ неминуемо становился самимъ складомъ всѣхъ событій царствованія, учрежденіемъ, которое правило государствомъ вмѣсто персоны монарха. Стремленіе къ политическому господству, которое отличало это олигархическое учрежденіе во все его недолгое существованіе, не находило себѣ теперь никакого ограниченія ни въ личности монарха, ни въ такихъ временщикахъ,

---

[1] Государственный Совѣтъ въ Россіи, въ особенности въ царствованіе Александра I. Ярославль 1892 г. стр. 573.

[2] Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны. Казань. 1880 г. стр. VIII.

какъ Меншиковъ... Многое въ этомъ верховенствѣ Совѣта было, конечно, случайнымъ, являлось лишь, если можно такъ выразиться, попустительствомъ со стороны верховной власти, выпустившей изъ своихъ слабыхъ рукъ бразды правленія, но это верховенство Совѣта, особенно при маломъ умѣніи общества отличать фактъ отъ права, было такъ ярко, такъ наглядно, что оставалось только закрѣпить его при первомъ удобномъ случаѣ политическимъ актомъ въ незыблемое право. Извѣстны кондиціи, предложенныя Совѣтомъ Аннѣ Іоанновнѣ и ею принятыя. Наши ученые, касавшіеся вопроса объ этихъ кондиціяхъ, какъ А. Д. Градовскій, Д. А. Корсаковъ и др., выставляютъ ихъ заимствованіями изъ Швеціи"... Съ этимъ, однако, никакъ не хочетъ согласиться г. Филипповъ. „Совѣту не для чего было", говоритъ онъ, „играть чужую роль, когда его собственная роль— въ царствованіе Петра II по крайней мѣрѣ—была такова, что прямо наводила на мысль закрѣпить за собою de jure то, что de facto ему и безъ того принадлежало. И вотъ почему кондиціи, предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ, въ сущности не вносили фактически ничего новаго въ дѣятельность Совѣта, который и раньше, отчасти уже при Екатеринѣ I, пользовался всѣмъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ себѣ юридически гарантировать при воцареніи Анны. Случайно кондиціи могли быть списаны съ извѣстнаго шведскаго образца, но этотъ образецъ именно потому и былъ къ этому пригоденъ, *что въ немъ было кодифицировано кратко и точно все то*, чѣмъ уже владѣлъ Совѣтъ къ концу своего существованія" [1].

Взглядъ на роль Верховнаго Тайнаго Совѣта приведенныхъ авторовъ ничего не оставляетъ желать по своей ясности и опредѣленности. По этому воззрѣнію самовластительныя тенденціи Верховнаго Тайнаго Совѣта, уже ярко обнаружившіяся въ царствованіе Екатерины, въ правленіе ея преемника достигаютъ своего апогея, самодержавіе царя фактически упразднено, вся полнота власти въ рукахъ Совѣта, кондиціи, предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ, не вносятъ ничего новаго въ нашъ государственный строй и являются только конечнымъ результатомъ всего предшествующаго развитія.

Такой взглядъ на значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Петра II является вполнѣ логичнымъ съ точки зрѣнія тѣхъ писателей, которые хотятъ установить тѣсную связь между учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и „конституціонною попыткой" 1730 г. Если учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта было уступкой боярской партіи, стремившейся со времени смерти Петра ограничить самодержавную власть, и если кондиціи являются договоромъ между этимъ боярствомъ и царицей, то понятно, что царствованіе Петра II нельзя изображать иначе, какъ тѣмъ періодомъ въ исторіи этого учрежденія, когда окончательно созрѣли тѣ тенденціи, которыя были заложены въ него при самомъ его возникновеніи.

---

[1] Исторія Сената, стр. 135, 136.

Но эта логическая стройность въ изображеніи исторіи Верховнаго Тайнаго Совѣта куплена очень дорогою цѣной: она куплена цѣной полнаго игнорированія той исторической обстановки, при которой жило это учрежденіе въ царствованіе Петра II.

Послѣдующее изложеніе имѣетъ своею задачей напомнить читателю эту обстановку и, познакомивъ съ ролью Верховнаго Тайнаго Совѣта при Меншиковѣ, показать, что послѣ паденія всесильнаго регента, не Верховный Тайный Совѣтъ игралъ первенствующую роль, а отдѣльныя сильныя персоны, которыя имѣли весьма отдаленное отношеніе къ этому учрежденію и черпали свой авторитетъ и свое вліяніе не въ принадлежности къ Верховному Тайному Совѣту, а въ фаворѣ молодаго царя и что попытка ограничить самодержавную власть исходила не отъ этихъ сильныхъ персонъ, а отъ кн. Голицына, оттертаго и приниженнаго Долгорукими въ царствованіе Петра II. Кондиціи 1730 г.—не органическій плодъ предшествующаго развитія, не результатъ общественнаго движенія, имѣющаго корни въ нашемъ прошломъ, а политическая интрига небольшаго кружка лицъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ общенародья и дѣйствовавшихъ помимо и вопреки его желаніямъ, политическая интрига, которая, какъ и всякая интрига, могла временно внести смуту и безурядицу въ нашу государственную жизнь, но была не въ силахъ свернуть эту жизнь съ пути, предначертаннаго ему его прошедшимъ.

Глава I.

Завѣщаніе Екатерины и регентство Меншикова.

I. Завѣщаніе Екатерины и порученіе регентства Верховному Тайному Совѣту.

Верховный Тайный Совѣтъ былъ при Екатеринѣ, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ, [1] совѣщательнымъ учрежденіемъ въ сферѣ, предоставленной непосредственной дѣятельности императрицы: онъ распорядительной власти въ области верховнаго управленія не имѣлъ, а представлялъ собою органъ не самостоятельный, постановленія котораго по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ безъ утвержденія верховной власти силы не имѣли.

Съ вступленіемъ на престолъ одиннадцатилѣтняго Петра юридическая природа этого учрежденія видоизмѣняется. Завѣщаніе Екатерины облекаетъ Верховный Тайный Совѣтъ на время малолѣтства императора чрезвычайными полномочіями: на него возлагается регентство.

Завѣщаніе Екатерины опредѣлило, что по ея смерти вступаетъ на престолъ великій князь Петръ Алексѣевичъ „со всѣми правами и прерогативами", которыми владѣла она. Но, „за юностью, онъ не имѣетъ въ правительство вступать". „Во время малолѣтства", говорится далѣе въ завѣщаніи, „имѣютъ администрацію вести наши обѣ цесаревны, герцогъ и прочіе члены Верховнаго Совѣта, который обще изъ 9 персонъ состоять имѣетъ. И симъ имѣть полную власть правительствующаго самодержавнаго государя, токмо опредѣленія о сукцессіи ни въ чемъ не отмѣнять".[2] Порученіе Верховному Тайному Совѣту регентства было вполнѣ естественно: оно предписывалось тогдашними обстоятельствами и представляло собою единственный исходъ изъ того положенія, которое было создано преждевременною кончиной Екатерины и вступленіемъ на престолъ малолѣтняго Петра. Екатерина не могла предоставить правленіе одной персонѣ: между членами императорской фамиліи не было никого, кто былъ бы способенъ занять мѣсто регента. Единственное мужское лицо въ императорской семьѣ былъ герцогъ Голштин-

---

[1] Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ В. Т. Совѣта въ царствованіе Екатерины I. *Русск. Об.* 1896, и отд. Москва. 1896 г.

[2] Полное Собраніе Законовъ. № 5070.

скій. Но онъ пользовался такимъ всеобщимъ нерасположеніемъ и такъ былъ обдѣленъ природой всякими государственными способностями, что императрица, при всемъ желаніи выдвинуть своего зятя, никоимъ образомъ не могла на немъ остановить своего выбора. Регентства добивался и Меншиковъ, но никто, кромѣ него самого, не могъ желать видѣть во главѣ управленія вельможу, для обузданія властолюбивыхъ стремленій котораго былъ между прочимъ созданъ Верховный Тайный Совѣтъ. А разъ не находилось лица, которому можно было бы поручить регентство, ничего другаго не оставалось, какъ вооружить чрезвычайными полномочіями учрежденіе. И вполнѣ естественно, что этимъ учрежденіемъ явился Верховный Тайный Совѣтъ, въ которомъ засѣдали первые министры и всѣ ближайшіе и довѣренные сотрудники Екатерины.

Прежде, чѣмъ завѣщаніе Екатерины закрѣпило за Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ правительственныя полномочія, за предоставленіе регентства этому учрежденію высказалось собраніе изъ высшихъ государственныхъ чиновъ, созванное во дворецъ по поводу опасной болѣзни императрицы [1]. Вотъ какъ намъ объ этомъ собраніи разсказываетъ Лефортъ въ своемъ письмѣ отъ 9 мая 1727 г. „Въ прошлое воскресенье, видя, что царица не можетъ уже выздоровѣть, были призваны во дворецъ высшіе чины (les chefs): Тайный Совѣтъ, Сенатъ, Синодъ, гвардейскіе полковники и президенты коллегій для разсужденія о различныхъ мѣрахъ. Начали съ вопроса о престолонаслѣдіи, были четыре различныхъ мнѣнія: одно за великую княжну Елизавету, другое за герцогиню Голштинскую, третье за сына царевича и регентство Меншикова до его совершеннолѣтія и послѣднее, взявшее верхъ, было за сына царевича на слѣдующихъ условіяхъ: сынъ царевича, объявленный наслѣдникомъ, вступитъ на престолъ не ранѣе 16 лѣтъ, когда окончится его несовершеннолѣтіе. Во время его малолѣтства Верховный Тайный Совѣтъ останется въ томъ же составѣ за исключеніемъ того, что герцогиня Голштинская и великая княжна Елизавета будутъ въ немъ предсѣдательствовать. Ни одно рѣшеніе Совѣта, какое бы оно ни было, не будетъ имѣть силы, если оно не будетъ принято и подписано всѣми членами безъ исключенія. Сынъ царевича долженъ дать клятву, какъ и его подчиненные, не мстить подписавшимъ смертный приговоръ его отцу. Шестнадцати лѣтъ

[1] Исторія Россіи, т. XIX, стр. 93.

царевичъ будетъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, но прежде чѣмъ вступить на престолъ, онъ и государство обязуются выплатить каждый по 1.500.000 звонкою монетой какъ герцогинѣ Голштинской, такъ и великой княжнѣ Елизаветѣ и раздѣлить поровну всѣ брилліанты, оставшіеся послѣ царицы".[1]

Эти постановленія, насколько они касаются Верховнаго Тайнаго Совѣта, перешли и въ завѣщаніе Екатерины, которое возвело ихъ на степень государственнаго закона. Въ нихъ никто и не думалъ видѣть самовластительныхъ тенденцій Верховнаго Тайнаго Совѣта и они никому не внушали никакихъ опасеній за цѣлость самодержавнаго строя. Напротивъ, всѣ привѣтствовали ихъ какъ актъ государственной мудрости и всѣ ждали отъ нихъ наилучшихъ послѣдствій. „Императрица", пишетъ Лефортъ 7 (18) мая, — „оставила распоряженія, заслуживающія всеобщаго одобренія и водворяющія въ государствѣ спокойствіе, достойное удивленія." [2]

Между тѣмъ эти распоряженія, отъ которыхъ современники ожидали такъ много хорошаго, остались на бумагѣ и никогда не дождались практическаго осуществленія. Верховному Тайному Совѣту съ обѣими цесаревнами во главѣ не суждено было стать Совѣтомъ регентства, который имѣлъ бы „полную власть правительственную самодержавнаго государя". Регентомъ съ первыхъ же дней царствованія Петра выступило не коллегіальное учрежденіе, а единая персона въ лицѣ Меншикова; Верховный же Совѣтъ снизошелъ фактически на степень Совѣта правителя или, вѣрнѣе, на степень присутственнаго мѣста, который велъ текущія дѣла верховнаго управленія и оформливалъ мнѣнія и предписанія всесильнаго регента.

Тѣ, которые рѣшили поручить Верховному Тайному Совѣту регентство, предполагали, что онъ будетъ вершить дѣла коллегіально и не предоставитъ простора личному управленію сильныхъ персонъ. Для обузданія властолюбивыхъ аппетитовъ именно этихъ сильныхъ персонъ и было при устройствѣ регентства выдвинуто на первый планъ коллегіальное начало. На собраніи государственныхъ чиновъ, о которомъ намъ разсказываетъ Лефортъ, было выдѣлено въ особый параграфъ требованіе, по которому рѣшенія должны были приниматься не иначе, какъ съ общаго согласія, а въ тестаментѣ тоже постановленіе выражено

---

[1] Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. III, стр. 464, 465.

[2] Тамъ же, стр. 467.

еще точнѣе и опредѣленіе. Шестой пунктъ завѣщанія требуетъ, чтобы дѣла „вершать всегда множествомъ голосовъ и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ“. Внушители этихъ постановленій очевидно предполагали, что отношенія между членами Верховнаго Тайнаго Совѣта останутся тѣ же, что и при Екатеринѣ, и что власть Меншикова будетъ умѣряться вліяніемъ другихъ членовъ. Они забывали, что малолѣтній Петръ не можетъ играть той роли, которую играла Екатерина, умѣвшая поддерживать авторитетъ своего зятя, и умѣрять имъ властолюбивыя наклонности Меншикова; они не предвидѣли, что съ ея смертью герцогъ утратитъ свое вліяніе и что некому будетъ сплачивать членовъ, способныхъ противодѣйствовать преобладанію свѣтлѣйшаго князя. А это именно и случилось при воцареніи малолѣтняго Петра: со смертью Екатерины исчезли условія, поддерживавшія въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ равновѣсіе между отдѣльными членами, и сразу прорвалась та плотина, которая сдерживала властолюбивыя стремленія Меншикова, почувствовавшаго себя теперь хозяиномъ положенія и полновластнымъ господиномъ.

И мы должны на слѣдующихъ страницахъ напомнить читателю о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли послѣ смерти Екатерины въ отношеніяхъ между членами Верховнаго Тайнаго Совѣта и которыя роковымъ образомъ привели къ фактическому регентству Меншикова.

II. Сильныя персоны въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ во время регентства Меншикова.

Въ царствованіе Екатерины герцогъ Голштинскій и кн. Меншиковъ были самыми сильными людьми въ государствѣ и самыми вліятельными членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Между ними шла все время ожесточенная борьба, и только наканунѣ смерти императрицы Меншиковъ одержалъ рѣшительный перевѣсъ надъ своимъ соперникомъ [1]. Онъ сталъ на сторону сына царевича, пріобрѣлъ въ его сторонникахъ сильныхъ приверженцевъ, выманилъ у Екатерины согласіе на бракъ наслѣдника престола съ его дочерью, сумѣлъ затѣяннымъ имъ процессомъ противъ Девіера и его сообщниковъ разсѣять партію герцога и лишить его въ лицѣ гр. Толстаго самаго энергичнаго и даровитаго союзника.

---

[1] Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, стр. 120.

То, что сохранилъ герцогъ и что было закрѣплено за нимъ завѣщаніемъ Екатерины, теперь высокой цѣны имѣть не могло. Но Меншиковъ и это немногое не хотѣлъ уступить своему врагу. Еще въ сентябрѣ 1727 г. онъ поклялся выпроводить герцога за предѣлы Россіи [1]. Теперь наступило время осуществить эту угрозу. Ему было тѣмъ легче это сдѣлать, что со смертью Екатерины положеніе герцога при русскомъ дворѣ потеряло подъ собою всякую почву. Молодой царь не только не былъ склоненъ покровительствовать герцогу, а напротивъ, искалъ случая отомстить ему за то высокомѣріе, съ которымъ когда-то относился къ нему иноземный принцъ. Герцогъ при жизни императрицы очень добивался званія генералиссимуса и одно время имѣлъ основаніе надѣяться стать во главѣ русской арміи [2]. Теперь этимъ званіемъ Петръ облекаетъ Меншикова. „Это повышеніе“, разсказываетъ Лефортъ, „привело въ такое смущеніе Голштинскій дворъ и царское семейство, что до сихъ поп не могутъ придти въ себя. Изъ этого видно, что Меншиковъ пользуется властью, у нихъ же осталось одно названіе... Когда Меншиковъ получилъ новый чинъ, онъ попросилъ позволенія у его величества самому объявить это герцогу Голштинскому. Царь отвѣчалъ ему: Не ходите, онъ уже безъ того довольно сердитъ на меня“ [3]. Молодому императору доставляло удовольствіе досаждать герцогу и давать ему почувствовать, что онъ не забылъ тѣхъ обидъ, которыя онъ долженъ былъ переносить, когда герцогъ былъ у власти. „Было замѣчено“, разсказываетъ Маньянъ, „что герцогъ Голштинскій и его супруга при выходѣ изъ залы по смерти царицы не были никѣмъ сопровождаемы [4]. Вновь вступившій царь припомнилъ, что герцогъ Голштинскій занялъ мѣсто впереди него при церемоніи его предка, и этотъ молодой монархъ пожелалъ по своемъ прибытіи въ церковь удалить великую княжну и свою сестру изъ того ряда, въ которомъ она находилась позади двухъ принцессъ и поставить ее рядомъ съ собою“ [5].

Видя нерасположеніе къ себѣ царя, имѣя въ Меншиковѣ непримиримаго врага, безжалостно преслѣдовавшаго его [6], рас-

---

[1] Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, стр. 117.

[2] С. Р. И. О. т. LXXV, стр. 15 и 16.

[3] С. Р. И. О. т. III, стр. 471.

[4] Тамъ же, т. LXXV, стр. 13.

[5] Тамъ же, т. LXXV, стр. 14.

[6] Тамъ же. т. III, стр. 480, 487.

терявъ всѣхъ своихъ союзниковъ, ни въ комъ не находя себѣ поддержки, герцогъ долженъ былъ наконецъ понять, что его дѣло проиграно и что ему ничего другаго не остается, какъ по добру по здорову вернуться въ свое отечество. „Нужно сознаться“,пишетъ Маньянъ, „что положеніе герцога въ этой странѣ стало настолько тягостнымъ, что не только ему нечего ждать здѣсь какой-либо поддержки, но чуть-чуть не стали обращаться съ нимъ, какъ съ государственнымъ преступникомъ...“ Герцогъ Голштинскій просилъ разрѣшенія удалиться отъ русскаго двора, и удовольствіе, испытанное по этому поводу княземъ Меншиковымъ, ручалось ему за то, какъ онъ смѣло можетъ разсчитывать со стороны царя на всякое содѣйствіе, въ которомъ онъ будетъ нуждаться, чтобы вернуться въ Голштинію [1]. 25 іюля герцогъ и герцогиня покинули Петербургъ. Отъѣздъ ихъ имѣлъ характеръ чуть ли не бѣгства. „Ничто не сравнится“, замѣчаетъ по этому поводу Маньянъ, „съ тою поспѣшностью, которую выказалъ герцогъ Голштинскій, чтобы быть за предѣлами этого государства. Принцъ этотъ приказалъ укладывать свои вещи и приготовить экипажи съ такою стремительностью, что приводитъ весь городъ въ удивленіе“ [2].

Съ отъѣздомъ герцога власть Меншикова ни съ чьей стороны не могла болѣе встрѣтить отпора. Будущій тесть императора вполнѣ подчинилъ себѣ всю царскую семью, которая послѣ ссылки гр. Толстаго и паденія авторитета герцога видѣла въ Меншиковѣ единственнаго вельможу, могущаго защитить ея интересы и способнаго взять на себя всю тяжесть управленія. Уже 24 мая Мардефельдъ доноситъ своему королю: „Могущество кн. Меншикова невообразимо возросло въ нѣсколько дней. Онъ вполнѣ овладѣлъ какъ душой, такъ и личностью молодаго царя. Онъ окруженъ однѣми креатурами князя, а для предохраненія себя отъ всякихъ случайностей послѣдній уговорилъ его жить у себя на островѣ, при чемъ онъ уступилъ ему половину дворца и домикъ въ саду“ [3]. „То, что я доносилъ прежде вашему величеству касательно кн. Меншикова“, пишетъ Мардефельдъ 17 іюня, „будто онъ играетъ игру, заставляющую многихъ роптать и которая ему лично можетъ сдѣлаться весьма опасною, видоизмѣняется теперь тѣмъ, что, во-первыхъ, князь

---

[1] С. Р. И. О., т. LXXV, стр. 41, 42.
[2] Тамъ же, т. LXXV, стр. 51, 52.
[3] Тамъ же, т. XV, стр. 342.

низложилъ всѣхъ своихъ противниковъ и никто и двигаться не смѣетъ, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что императорское семейство пришло къ тому мнѣнію, будто между всѣми вельможами Россійской Имперіи нѣтъ другаго, который лучше занялъ бы мѣсто при особѣ императора и былъ бы болѣе способенъ на строгія рѣшенія и исполненіе ихъ“ [1]. „Здѣсь никогда не боялись“, увѣряетъ Лефортъ, „и не слушались такъ покойнаго царя, какъ теперь Меншикова: все преклоняется передъ нимъ, все подчиняется его приказаніямъ, и горе тому, кто его ослушается“ [2].

Но никто и не дѣлалъ попытки его ослушаться, и менѣе всего Остерманъ. Всесильный регентъ очень дорожилъ услугами опытнаго и усерднаго министра. Онъ вѣрилъ въ его преданность, довѣрилъ ему воспитаніе молодаго императора и избралъ его въ дѣлахъ государственныхъ своимъ ближайшимъ помощникомъ. Близость Остермана къ Меншикову и вытекавшая отсюда вліятельность на ходъ правительственныхъ дѣлъ засвидѣтельствована современниками. Маньянъ удостовѣряетъ, что Меншиковъ руководится совѣтами Остермана [3]. Лефортъ напоминаетъ своему двору, что болѣе чѣмъ когда-либо нужно беречься Меншикова и Остермана [4], а въ другомъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ, что Меншиковъ при помощи Остермана исполняетъ должность регента: другіе члены, прибавляетъ онъ, предоставили имъ правленіе [5].

Этими другими членами, полное безсиліе которыхъ Лефортъ этими словами отмѣчаетъ, были Апраксинъ, Голицынъ, Головкинъ.

Старикъ Апраксинъ, сознавая свою дряхлость и тяготясь новыми порядками, хотѣлъ еще въ апрѣлѣ 1726 г. удалиться отъ дѣлъ [6]. Теперь, когда ему, заслуженному сотруднику Петра, пришлось склонять сѣдую голову передъ всесильнымъ Меншиковымъ, онъ снова дѣлаетъ попытку сойти со сцены и удалиться на покой. Но Меншиковъ, который не желалъ ухода заслуженнаго, но безвреднаго вельможи, не внялъ его просьбѣ, и старый адмиралъ долженъ былъ подчиниться его волѣ. „Адмиралъ

---

[1] С. Р. И. О., т. XV, стр. 350, 351.

[2] Тамъ же, т. III, стр. 478; ср. также 481, 487, т. LXXV, стр. II.

[3] Тамъ же, т. LXXV, стр. II.

[4] Тамъ же, т. III, стр. 478.

[5] Тамъ же, т. III, стр. 475.

[6] Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, стр. 123.

Апраксинъ", пишетъ Маньянъ, „весьма недовольный неограниченною властью, которую присвоилъ себѣ князь Меншиковъ въ одинаковой степени какъ во флотѣ, такъ и среди сухопутныхъ войскъ, просилъ недавно позволенія удалиться отъ дѣлъ подъ тѣмъ предлогомъ, что его преклонный возрастъ не позволяетъ ему больше трудиться. Но кн. Меншиковъ отвѣтилъ лишь тѣмъ, что такъ какъ онъ, Апраксинъ, принималъ до сихъ поръ важное участіе во всѣхъ рѣшеніяхъ и трудился на пользу государства столь же ревностно, сколько и дѣятельно, то является страннымъ, что онъ проситъ отставки въ такое время, когда больше всего нуждаются въ немъ, въ его знаніяхъ и совѣтахъ. Есть основаніе думать", прибавляетъ Маньянъ, „что поводомъ къ такому отвѣту Меншикова служитъ не простое желаніе раздѣлять съ кѣмъ бы то ни было власть, *такъ какъ единственно его воля служитъ въ настоящее время закономъ*" [1].

Это понимали и Голицыны. И если еще лѣтомъ 1726 г. фельдмаршалъ Голицынъ писалъ своему брату Дмитрію во всемъ слушаться Меншикова, дабы этимъ пріобрѣсти его расположеніе [2], то теперь, когда власть свѣтлѣйшаго князя достигла своего апогея, они удвоили свое усердіе и еще больше научились дорожить его благоволеніемъ. Не мечтая при тогдашнихъ обстоятельствахъ о самостоятельной роли, они хотѣли, по крайней мѣрѣ, удержаться въ томъ положеніи, которое предоставлялъ Меншиковъ преданнымъ ему людямъ. Меншиковъ, который сталъ относиться подозрительно къ Долгоруковымъ, все болѣе втиравшимся въ расположеніе молодаго императора, шелъ охотно на встрѣчу Голицынымъ. Если Остерманъ былъ ему нуженъ какъ дѣльный и энергичный помощникъ, то Голицынами онъ дорожилъ какъ видными представителями стараго боярства, которые могли оказать противовѣсъ возрастающему фавору Долгорукихъ. И вотъ худородный Меншиковъ заключаетъ союзъ съ родовитыми Голицынами, и этотъ союзъ долженъ былъ быть закрѣпленъ бракомъ между сыномъ Меншикова и дочерью фельдмаршала Голицына. 2 августа 1727 г. Лефортъ доноситъ, что „Меншиковъ теперь тѣсно связанъ съ Голицынымъ и какимъ образомъ? посредствомъ предстоящей женитьбы молодаго Меншикова на дочери фельдмаршала" [3].

---

[1] С. Р. И. О., т. LXXV, стр. 20, 21.

[2] Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, стр. 121.

[3] С. Р. И. О., т. III, стр. 485.

А черезъ три дня онъ пишетъ: „Навѣрно можно сказать, что будетъ свадьба молодаго Меншикова на дочери Голицына, фельдмаршала, который долженъ сюда пріѣхать [1]“. 19 августа тотъ же Лефортъ извѣщаетъ, что фельдмаршалъ Голицынъ прибылъ въ Москву: „его ждутъ къ свадьбѣ дочери. Онъ будетъ играть важную роль. Меншиковъ теперь согласился, что онъ слишкомъ старъ быть герцогомъ Курляндскимъ, но онъ хочетъ, чтобы тотъ, кто будетъ тамъ герцогомъ, женился на его младшей дочери“ [2]. Маньянъ также знаетъ объ этомъ планѣ Меншикова—соединить бракомъ свою семью съ семьею Голицыныхъ. „Этотъ планъ“, пишетъ онъ 19 августа, „пріятенъ обѣимъ сторонамъ, и Голицынъ принялъ его тѣмъ охотнѣе, что ему доставляется при этомъ мѣсто въ Верховномъ Совѣтѣ, которое онъ долженъ будетъ вскорѣ занять, такъ какъ его ждутъ на-дняхъ изъ Украины“ [3].

Голицынъ теперь во власти всесильнаго Меншикова. Фельдмаршалу обѣщано мѣсто въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, его сыну—младшая дочь регента, а въ перспективѣ—герцогская корона. Это много, это даже, можетъ быть, больше, чѣмъ ожидали Голицыны. И они довольны и готовы отплатить Меншикову неизмѣнною преданностью и вѣрною службой. Князь Дмитрій Голицынъ въ ожиданіи пріѣзда своего брата, который долженъ рядомъ съ нимъ занять мѣсто въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, ведетъ себя въ немъ тихо и смирно. Онъ держитъ себя также скромно, какъ и Головкинъ, который давно отказался отъ всякой активной роли и, продолжая быть канцлеромъ, всецѣло уступилъ веденіе иностранной политики Остерману [4]. По свидѣтельству Маньяна, Головкинъ и, Голицынъ вполнѣ подчинились руководству Меньшикова, „воля котораго теперь законъ“. Дѣла не рѣшаются болѣе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. „И если какія-либо распоряженія нуждаются въ нѣсколькихъ подписяхъ членовъ Совѣта, то подписаніе протоколовъ не встрѣтитъ препятствій со стороны канцлера Головкина и даже кн. Голицына, когда эти распоряженія будутъ присланы имъ, какъ это уже было сдѣлано двѣ недѣли тому назадъ“ [5].

---

[1] С. Р. И. О., т. III, стр. 487.

[2] Тамъ же, т. III, стр. 488.

[3] Тамъ же, т. LXXV, стр. 65.

[4] Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, стр. 123.

[5] С. Р. И. О., т. LXXV, стр. 21.

III. Дезорганизація Верховнаго Тайнаго Совѣта въ регентство Меншикова.

При такихъ отношеніяхъ между отдѣльными членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, которые всѣ склонились безропотно передъ властью Меншикова, это учрежденіе не могло сохранить тотъ характеръ, который хотѣло ему придать завѣщаніе Екатерины: коллегіальное регентство Совѣта силой вещей должно было извратиться въ личное регентство Меншикова. И мы дѣйствительно видимъ, что на первыхъ же порахъ организація, данная Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ тестаментомъ императрицы, претерпѣваетъ существенныя измѣненія и очень быстро совершенно разлагается.

Измѣняется прежде всего личный составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Во главѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, согласно завѣщанію Екатерины, должны были стоять, кромѣ императора, двѣ царевны и герцогъ Голштинскій. Но члены императорской фамиліи, по словамъ Мардефельда, во власти Меншикова: они убѣдились, что онъ одинъ способенъ руководить государственными дѣлами, и добровольно отказались отъ всякаго участія въ нихъ. Обѣ цесаревны вовсе не посѣщаютъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: онѣ посѣтили только то засѣданіе, на которое были приглашены и всѣ члены императорской фамиліи и на которомъ присутствовали и Синодъ, и Сенатъ, и генералитетъ и другихъ чиновъ люди, „которые тогда въ томъ домѣ быть случились“. Онѣ и не подписываютъ ни протоколы, ни указы. Они закрѣпили только одинъ указъ (о пожалованіи Меншикова въ въ генералиссимусы) и два протокола (отъ 15 мая)[1]. Этимъ и ограничилось все ихъ участіе въ дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Герцогъ также очень рано сходитъ со сцены и отказывается отъ всякаго соперничества съ Меншиковымъ. Уже 15 (26) мая Мардефельдъ сообщаетъ своему королю, что герцогъ Голштинскій рѣшился не противодѣйствовать Меншикову ни въ чемъ и не вмѣшиваться ни въ какія дѣла[2]. И дѣйствительно, изъ 32 засѣданій, которыя были въ маѣ и іюнѣ, онъ посѣтилъ только 5, въ іюлѣ же онъ не былъ ни разу въ Верховномъ Тайномъ

---

[1] С. Р. И. О., т. LXIII, стр. 480, 509, 525.

[2] Тамъ же, т. XV, стр. 314.

Совѣтѣ, а 24 этого мѣсяца совсѣмъ покинулъ Россію. Изъ массы протоколовъ (около 225), изготовленныхъ въ эти три мѣсяца, онъ закрѣпилъ только восемь.

Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ вмѣсто девяти членовъ засѣдаютъ, такимъ образомъ, всего пять: Меншиковъ, Апраксинъ, Головкинъ, кн. Голицынъ, Остерманъ. Но степень и характеръ участія этихъ членовъ въ дѣлахъ Совѣта далеко не одинаковы.

Меншиковъ, фактическій регентъ, и Остерманъ, его правая рука, рѣдко посѣщаютъ засѣданія Совѣта. Они рѣшаютъ дѣла у себя въ кабинетѣ и отсюда посылаютъ свои приказы. Остальные члены зато усердно сидятъ въ Совѣтѣ, выслушиваютъ эти приказы, облекаютъ ихъ въ форму протоколовъ и подписываютъ ихъ [1].

Въ четыре мѣсяца регентства Меншикова Апраксинъ, несмотря на свою старость и на желаніе удалиться на покой, не пропустилъ ни одного засѣданія. Головкинъ изъ 58 засѣданій пропустилъ 7, кн. Голицынъ—6, а между тѣмъ при Меншиковѣ засѣданія Верховнаго Тайнаго Совѣта были чаще, чѣмъ въ соотвѣтствующіе мѣсяцы въ царствованіе Екатерины. Въ четыре лѣтніе мѣсяца (май, іюнь, іюль, августъ) 1726 г. было 48 засѣданій, а въ тѣ же мѣсяцы 1727 г.—58.

Завѣщаніе Екатерины требовало, чтобы „вершить дѣла множествомъ голосовъ и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ“. Между тѣмъ за все время регентства Меншикова дѣла множествомъ голосовъ рѣдко когда рѣшаются: свѣтлѣйшій князь повелѣваетъ одинъ. То онъ приказываетъ принять ту или другую мѣру, [2] то онъ предписываетъ разсмотрѣть такое-то дѣло и учинить

---

[1] Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ закрѣпили всѣ 56 протоколовъ, подписанныхъ въ маѣ, Апраксинъ и Голицынъ закрѣпили также всѣ 97 протоколовъ, состоявшихся въ іюнѣ, Головкинъ только 8 изъ нихъ оставилъ безъ своей подписи. Въ августѣ мѣсяцѣ всѣ протоколы (70) подписаны Апраксинымъ и Головкинымъ, а Голицынъ оставилъ одинъ протоколъ безъ подписи. Остерманъ же подписалъ за все это время всего 5 протоколовъ, Меншиковъ—56.

[2] На засѣданіи 24 мая, на которомъ кромѣ него былъ одинъ только Апраксинъ, Меншиковъ *приказалъ* дѣла бароновъ Унгерновъ разобрать и чтобы ихъ выпустить на добрыя поруки... и островъ, который у нихъ въ арендѣ, отдать изъ камеръ-коллегіи другимъ добрымъ людямъ. (LXIII, стр. 588) 12 іюня онъ пришелъ въ Верховный Тайный Совѣтъ прежде чѣмъ собрались остальные члены, и не дожидаясь ихъ прихода, приказалъ отписную Петра Толстово деревню отдать тому, кто билъ челомъ прежде. Когда же пришли остальные члены, онъ объявилъ, приказано отъ него будетъ

по нему резолюпію, [1] то онъ вноситъ въ Совѣтъ готовое мнѣніе, которое и принимается безъ дальнѣйшихъ разсужденій и вносится туть же въ протоколъ, [2] то онъ перерѣшаетъ по-своему дѣла, уже облеченныя въ форму протокола, или приказываетъ внести въ нихъ ту или другую поправку. [3] Меншиковъ вообще обращается довольно безцеремонно съ тѣмъ тріумвиратомъ, который постоянно засѣдалъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ (т. е. Апраксинымъ, Головкинымъ и Голицынымъ). Онъ очень часто не только не бралъ на себя труда объявлять имъ свою волю на засѣданіяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, предпочитая распоряжаться изъ своего кабинета, но и не стѣснялся, когда считалъ

въ Верховный Тайный Совѣтъ подать извѣстіе о расходѣхъ тамошнихъ магистратскихъ и что тѣмъ депутатамъ, которые здѣсь живутъ, изъ казны жалованье давать запрещено (т. LXIII, стр. 696). Нерѣдко онъ не являлся въ Верховный Тайный Совѣтъ, изъ дому приказывалъ дѣлать то или другое распоряженіе. Въ журналѣ 12 іюня записано: А того дня его свѣтлость генералиссимусъ въ домѣ своемъ изволилъ приказать послать указъ въ Малороссійскую коллегію, чтобы у гетманши жалованныя грамоты на данныя мѣстности отобрать и прислать сюда. Другой указъ къ Вельяминову, чтобы былъ немедленно (LXIX, стр. 58) на засѣданіе 14 августа, на которомъ присутствовали по обыкновенію Апраксинъ, Головкинъ, Голицынъ, явился оберъ-секретарь Масловъ и „объявилъ отъ свѣтлѣйшаго князя приказъ, чтобы изволили опредѣлить указомъ, дабы Коломенскій архіерей имѣлъ смотрѣніе надъ здѣшними попами по примѣру какъ въ Москвѣ Крутицкой. Разсуждено Синоду объявить о томъ словесно (т. LXIX, стр. 236).

[1] Въ журналѣ 8 августа записано, что собранія Верховнаго Тайнаго Совѣта въ этотъ день не было, но по повелѣнію гг. министровъ его свѣтлости генералиссимусу и рейхсмаршалу оберъ-секретарь о дѣлахъ доносилъ, при чемъ его свѣтлость изволилъ спросить о вѣдомости, кому даны были изъ дворцовыхъ волостей деревни, а потомъ отняты и его свѣтлость приказалъ донесть собранію Верховнаго Тайнаго Совѣта, *чтобы изволили, разсмотрѣть* и у кого отняты безвинно, тѣмъ отдать, чтобы напрасной обиды не было (LXIX, стр. 224).

[2] На засѣданіи 13 іюня слушано его свѣтлости мнѣніе и расписаніе по силѣ тестамента блаженныя и вѣчно достойныя памяти ея И. В. о дачѣ собственной Е. В. фамиліи вотчины, которое апробовано и велѣно записать протоколъ, что тому согласны (т. LXIII, стр. 721 ср. также стр. 595 и т. LXIX стр. 98).

[3] 16 іюня свѣтлѣйшій князь крѣпилъ протоколы сего мѣсяца 14, изъ которыхъ не закрѣпилъ одного о нижегородскомъ губернаторѣ Ржевскомъ, котораго велѣно было здѣсь до рѣшенія дѣла удержать, а приказалъ, чтобы его туда отпускали немедленно, а дѣло бъ его слѣдовали только подъ штрафомъ велѣть ему, чтобы онъ всю надлежащую очистку здѣсь оставилъ, другаго объ ингерманландскихъ лѣсахъ, чтобы яснѣе изобразить (т. LXIII, стр. 747).

это нужнымъ, приглашать ихъ къ себѣ на домъ. И такія приглашенія, имѣвшія характеръ приказаній, немедленно же исполнялись. [1]

IV. Отношенія императора къ Верховному Тайному Совѣту.

Не безъ вліянія Меншикова сложились и своеобразныя отношенія императора къ Верховному Тайному Совѣту.

Тестаментъ Екатерины опредѣляетъ, что императоръ имѣетъ присутствовать въ Совѣтѣ, но что онъ не имѣетъ за юностью въ правительство вступать и что Верховный Тайный Совѣтъ будетъ имѣть „полную власть правительствующаго самодержавнаго государя". Все участіе въ засѣданіяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, обезпеченное этимъ закономъ малолѣтнему государю, сводится, очевидно, къ одному присутствію, самостоятельнаго же участія въ рѣшеніяхъ Совѣта этотъ законъ императору не предоставлялъ: въ Совѣтѣ онъ—только одинъ изъ 9 членовъ, которые рѣшали всѣ дѣла множествомъ голосовъ. Самый параграфъ (7) о присутствіи императора поставленъ послѣ параграфа (3, 4, 5, 6), опредѣляющихъ, что императоръ не имѣетъ за юностью въ правительство вступать и что вся правительственная власть предоставляется Верховному Совѣту.

Но и эти постановленія тестамента Екатерины остались мертвою буквой: императоръ, съ одной стороны, очень лѣниво пользовался правомъ, закрѣпленнымъ за нимъ завѣщаніемъ, и рѣдко посѣщалъ Верховный Тайный Совѣтъ [2], съ другой стороны, совершалъ государственные акты, выходившіе далеко за предѣлы того участія въ правительственной дѣятельности, которое ему было предоставлено тестаментомъ. Онъ издаетъ самостоятельныя распоряженія, посылаетъ Верховному Тайному Совѣту указы и

---

[1] 21 іюня на засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта собрались по обыкновенію Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ. На засѣданіе является Степановъ и доноситъ, что его свѣтлость желаетъ съ ними для нѣкотораго нужнаго дѣла видѣться. И бывшіе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ тогда же въ его свѣтлости поѣхали. А въ бытность ихъ тамъ, былъ и вице-канцлеръ Остерманъ (т. LXIX, стр. 123).

[2] До ареста Меншикова императоръ посѣтилъ кромѣ торжественнаго засѣданія, на которомъ было прочитано завѣщаніе Екатерины и на которомъ присутствовали всѣ члены императорской фамиліи, всего еще только 2 засѣданія (21 іюня и 2 августа) т. LXIII, стр. 782 и т. LXIX, стр. 192—197.

дѣлать ему предписанія, которыя безпрекословно исполняются [1].

Всѣ эти повелѣнія императора, которыми нарушались постановленія завѣщанія Екатерины, объявляются Верховному Тайному Совѣту Меншиковымъ и Остерманомъ. Они были, очевидно, внушены регентомъ: Меншиковъ не только не имѣлъ никакого интереса охранять неприкосновенность тестамента, требовавшаго коллегіальныхъ, а не единоличныхъ рѣшеній, но ему, напротивъ, было выгодно выдвигать императора, находившагося въ его власти, на первый планъ для того, чтобы распоряжаться отъ его имени и пользоваться имъ какъ орудіемъ для проведенія своихъ честолюбивыхъ плановъ.

Съ предоставленіемъ Верховному Тайному Совѣту „правительствующей власти самодержавнаго государя“ именные, объявленные изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта указы должны были утратить тотъ характеръ, который они имѣли при Екатеринѣ, когда правилъ не Совѣтъ, а самодержавная Государыня. Они и перестали быть повелѣніями суверена, состоявшимися по выслушаніи мнѣнія совѣщательнаго учрежденія, а стали теперь повеленіями Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ самостоятельнаго органа, которому тестаментомъ Екатерины была делегирована высшая правительственная власть. Если поэтому въ предшествовавшее царствованіе эти указы могли быть отправляемы только на основаніи протоколовъ, подписанныхъ членами Верховнаго Тайнаго Совѣта и апробованныхъ императрицей сло-

[1] 16 іюля „его свѣтлость объявилъ, что И. В. по прошенію княгини Натальи Голицыной указалъ, которыя отца ея вотчины село Гари взяли было въ дворцовымъ, а потомъ ей отданы сколько бы того жъ въ дворцѣ доходовъ взято, то ей отдать (т. XIII, стр. 747). 21 іюля Степановъ, объявивъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ просительное отъ свѣтлости письмо, на которомъ письмѣ подписано, „что учинить по тому прошенію и закрѣплено собственною Е. В. рукой“ (т. LXIX, стр. 122). 19 іюля Меншиковъ присылаетъ въ Верховный Тайный Совѣтъ допошеніе, въ которомъ говорится, что императоръ пожаловалъ оберъ-кухмистера Яна Фелтинга указомъ данныхъ ему изъ Кабинета 500 р. за тридцатилѣтнюю службу съ него не спрашивать (т. LXIX, стр. 175). 28 іюля тотъ же Меншиковъ посылалъ въ Верховный Тайный Совѣтъ допошеніе о томъ, что императоръ указалъ дать генералъ-маіору Ивану Колтовскому въ вѣчное потомственное владѣніе мызу Азилову съ деревнями и т. д. (т. LXIX, стр. 184). 29 августа докладывано о письмѣ барона Андрея Ивановича, въ которомъ объявляетъ, что Е. И. В. съ Петра Бема пошлинъ въ вотчинную коллегію и въ печатный приказъ съ пожалованныхъ ему вотчинъ брать не указано (т. LXIX, стр. 259) и многія другія.

весно или письменно, то теперь протоколы, въ которыхъ изготовлялись указы, въ утвержденіи суверена не нуждались, и подпись членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта была достаточна для ихъ обязательной силы. Императоръ, конечно, могъ подписывать протоколы, но эта подпись не имѣла характера апробаціи суверенома, а было закрѣпой протокола однимъ изъ девяти членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Такъ какъ нельзя было предполагать, что одиннадцатилѣтній императорь будетъ исправно посѣщать засѣданія Верховнаго Тайнаго Совѣта, а тѣмъ менѣе вникать во всѣ лѣла текущей администраціи, то уже въ самомъ началѣ регентства было рѣшено, что государь не будетъ подписывать всѣ протоколы, а только по важнѣйшимъ дѣламъ. Въ журналѣ 12 мая 1727 года мы читаемъ: потомъ еще докладывано, всѣ ли протоколы подписывать Е. И. В. и государынямъ цесаревнамъ. О томъ разсуждено, что Е.И.В., такъ и государынямъ цесаревнамъ не о важныхъ дѣлахъ протоколовъ крѣпить не надобно и для того вышеозначенные протоколы закрѣпить изволили, не оставляя мѣсть къ подписанію Е. И. В. и государынямъ цесаревнамъ [1]. На засѣданіи 12 мая былъ возбужденъ вопросъ „объ отправляемыхъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта указѣхъ всѣ ли присутствующіе изволятъ оные подписывать или по прежнему учрежденію д. с. с. Степанова повелѣно по состоявшимся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ протоколамъ надлежащіе указы отправлять по прежнему за рукою д. с. с. Степанова“. На этомъ же засѣданіи указъ о пожалованіи генералафельдмаршала князя Меншикова въ генералиссимуса былъ подписанъ собственною рукой Е. И. В. и государынь цесаревенъ и прочихъ присутствующихъ особъ; другими словами, повелѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта было непосредственно облечено въ форму указа безъ предварительнаго составленія протокола.

Повелѣнія Верховнаго Тайнаго Совѣта, такимъ образомъ, или непосредственно облекались въ форму указовъ и тогда подписывались его членами, или же указы составлялись на основаніи протоколовъ, подписанныхъ членами, и тогда въ закрѣпѣ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта не нуждались и контрасигновались однимъ Степановымъ.

Именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ, то есть такихъ, которые исходили бы отъ императора, безъ предварительнаго обсужденія въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, по точному смыслу

[1] С. Р. И. О., т. LXIII, стр. 481, ср. также LXIII, 747.

тестамента Екатерины, который всю правительствующую власть самодержавнаго государя предоставилъ этому учрежденію, существовать не могло. И, тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что наперекоръ постановленіямъ тестамента, императоръ посылаетъ указы Верховному Тайному Совѣту, которые передаются этому учрежденію или въ видѣ доношеній, подписанныхъ Меншиковымъ, или въ видѣ предписаній, собственноручно подписанныхъ императоромъ. Эти предписанія облекаются затѣмъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ въ форму протоколовъ, подписанныхъ членами Верховнаго Тайнаго Совѣта [1], и въ такомъ видѣ получаютъ обязательную силу. Это было опять однимъ изъ тѣхъ нарушеній завѣщанія Екатерины, въ которыхъ нельзя не усмотрѣть попытки Меншикова заручиться въ лицѣ императора лишнимъ орудіемъ воздѣйствія на государственныя дѣла и удобнымъ средствомъ все и вся подчинить своей власти.

Подведемъ итоги.

Завѣщаніе Екатерины поручаетъ регентство на время малолѣтства Петра Верховному Тайному Совѣту, состоящему изъ девяти лицъ. Но этотъ законодательный актъ въ своихъ существенныхъ чертахъ не находитъ себѣ приложенія. Цесаревны устраняютъ себя отъ всякаго участія въ дѣлахъ Совѣта, герцогъ также складываетъ оружіе предъ Меншиковымъ, который дѣлается фактически регентомъ государства. Онъ правитъ при содѣйствіи Остермана, своего перваго министра. Онъ же выдвигаетъ молодаго императора, который совершенно въ его власти, и пользуется его именемъ, чтобы посылать указы Верховному Тайному Совѣту. Этотъ Совѣтъ, въ которомъ засѣдаютъ обыкновенно только Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ, низводится на степень присутственнаго мѣста, завѣдующаго текущими дѣлами верховнаго управленія и запосящаго въ свои протоколы повелѣнія всесильнаго временщика. Эта приниженность Верховнаго Тайнаго Совѣта не могла не бросаться въ глаза современникамъ, и они отмѣчаютъ ее въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ. Уже 13 (24) мая Лефортъ, говоря о совѣтѣ регентства, замѣчаетъ, что „Меншиковъ ворочаетъ всѣмъ и я полагаю, впослѣдствіи будетъ поступать также“ [2]. Маньянъ пишетъ: „что единственно его (т. е. Меншикова) воля служитъ въ настоящее

---

[1] Тамъ же, т. LXIII, стр. 651, 658 (протоколъ № 308) 659, т. LXIX, стр. 122, 123, 175, 212, 213.

[2] С. Р. И. О., т. III, стр. 475.

время закономъ; никто не рѣшится ему противорѣчить, такъ что дѣла не рѣшаются больше въ собраніи Совѣта, а пребываніе въ Петергофѣ еще менѣе, повидимому, дастъ возможность къ такимъ рѣшеніямъ, и если какія распоряженія нуждаются въ нѣсколькихъ подписяхъ членовъ Совѣта, подписаніе протоколовъ не встрѣтитъ препятствій со стороны канцлера Головкина и даже кн. Голицына". „Все, что только пожелаютъ князь Меншиковъ и баронъ Остерманъ," замѣчаетъ Мардефельдъ, „можетъ считаться исполненнымъ, и правительственный Совѣтъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ скоромъ времени сдѣлается пустымъ украшеніемъ".

Глава II.

Упраздненіе регентства.

1. Воспріятіе Петромъ II самодержавія.

Въ первыхъ числахъ сентября 1727 г. Петръ II объявляетъ себя совершеннолѣтнимъ, вступаетъ въ свои самодержавныя права, упраздняетъ регентство и отмѣняетъ тѣ чрезвычайныя полномочія, которыя были предоставлены Верховному Тайному Совѣту тестаментомъ Екатерины.

6 сентября императоръ издаетъ именной указъ, объявленный не въ Верховномъ Совѣтѣ, а Верховному Совѣту и, совершая этотъ актъ самодержавнаго государя, этимъ самымъ объявляетъ, что тестаментъ Екатерины пересталъ дѣйствовать и что онъ, Петръ II, вступилъ въ правительство „со всѣми правами и прерогативами". Если этотъ указъ уже по своей формѣ указывалъ на совершившійся государственный переворотъ, то не менѣе характерно его содержаніе.

Въ этомъ указѣ говорилось: „И понеже мы такожде *Всемилостивѣйше намѣрены* для лучшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ и къ лучшей пользѣ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ *сами въ Верховномъ нашемъ Тайномъ Совѣтѣ присутствовать* и для того потребно, дабы оный Совѣтъ всегда отправлялся *при боку нашемъ*, того ради извольте въ томъ же нашемъ лѣтнемъ дворцѣ занять одну палату, въ которой бы по пріѣздѣ нашемъ оный Совѣтъ отправляемъ быть могъ" [1].

---

[1] П. С. З. З. № 5.150.

7 сентября императоръ объявилъ гвардейскимъ офицерамъ, что принимаетъ на себя командованіе своими войсками, находившимися въ рукахъ Меншикова, и что отнынѣ они не должны повиноваться никакимъ приказамъ, кромѣ тѣхъ, которые будутъ даны отъ имени Е. И. В. генералъ-маіорами Салтыковымъ и Юсуповымъ [1]. 8 сентября императоръ является въ Верховный Тайный Совѣтъ и подписываетъ „приготовленныхъ два указа о бытности и присутствіи его величества впередъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и о неслушаніи указовъ или писемъ князя Меншикова и другихъ, и который оставленъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, тотъ подписанъ и отъ министровъ, а который посланъ въ Сенатъ и въ печать велѣно издать токмо за единой собственноручною рукою его императорскаго величества отправленъ“ [2]. Въ этомъ указѣ, состоявшемся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, но подписанномъ уже однимъ императоромъ, говорится: „Понеже мы всемилостивѣйшее намѣреніе взяли отъ *сего времени сами въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствовать и всѣмъ указамъ отправленнымъ быть за подписаніемъ собственной нашей руки и Верховнаго Тайнаго Совѣта*, того ради повелѣли, дабы никакихъ указовъ или писемъ, о какихъ бы дѣлахъ оныя ни были, которыя отъ князя Меншикова или отъ кого бы инаго партикулярнаго писаны или отправлены будутъ, не слушать и по оными отнюдь не исполнять подъ *опасеніемъ нашего гнѣва*; и о семъ публиковать всенародно во всемъ государствѣ и въ войскѣ изъ Сената“ [3]. На томъ же засѣданіи, на которомъ этотъ указъ былъ подписанъ государемъ, посланъ былъ къ князю Меньшикову генералъ-лейтенантъ и маіоръ отъ гвардіи Семенъ Салтыковъ съ объявленіемъ ареста, „чтобы онъ съ двора своего никуда не съѣзжалъ“ [4]. На слѣдующій день 9 сентября было опять засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, на которомъ присутствовалъ императоръ. „Докладывано его императорскому величеству о князѣ Меншиковѣ и о другихъ по приложенной запискѣ руки вицеканцлера Остермана, которая сочинена была передъ приходомъ его величества по общему совѣту всего Верховнаго Тайнаго Совѣта, и его величество потому чинить и указы свои приготовить и посылать указалъ... И по выходѣ его величества указъ о лишеніи чиновъ князя Менши-

[1] Т. LXXV, стр. 83.
[2] Т. LXIX, стр. 270.
[3] П. С. З. З. № 5.151.
[4] Т. LXIX, стр. 271.

кова написанъ, который его величество въ своихъ покояхъ подписать повелѣлъ и со онымъ посланъ былъ къ князю Меншикову генералъ-лейтенантъ и маіоръ отъ гвардіи Семенъ Салтыковъ и тотъ ему указъ объявилъ и двѣ кавалеріи Святаго Андрея и Святаго Александра привезъ [1].

Этимъ рядомъ указовъ и распоряженій императора Верховный Тайный Совѣтъ претерпѣлъ радикальную перемѣну въ своей организаціи и въ степени своей власти. Онъ съ высоты самостоятельнаго органа верховнаго управленія, которому принадлежала вся правительствующая власть самодержавнаго государя, низводится на степень совѣщательнаго учрежденія „при боку“ самодержавнаго государя. Одинъ изъ его членовъ и притомъ самый вліятельный вычеркивается повелѣніемъ императора изъ числа его членовъ, лишается всѣхъ чиновъ и отличій и высылается изъ столицы. Число членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта низводится до четырехъ; въ немъ остаются теперь: Апраксинъ, Головкинъ, Голицынъ и Остерманъ, изъ которыхъ только послѣдній пользуется авторитетомъ и вліяніемъ у государя.

Сентябрьскіе указы Петра II знаменуютъ собою, такимъ образомъ, полный разгромъ тѣхъ полномочій, которыя были предоставлены Верховному Тайному Совѣту тестаментомъ Екатерины. А между тѣмъ эти указы не только не вызываютъ никакого протеста со стороны членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, который и въ качествѣ учрежденія политическаго будто бы „твердо и неуклонно проводилъ лишь одну идею, идею собственнаго верховенства“ [2], а напротивъ, привѣтствуются имъ, какъ благодѣтельный актъ, освобождающій ихъ отъ тиранніи Меншикова. И не только члены Верховнаго Тайнаго Совѣта одобряли рѣшеніе императора, но и все русское общество радовалось совершившемуся государственному перевороту, упразднившему регентство и перенесшему всю правительствующую власть на самодержавнаго государя. „Этотъ переворотъ“, пишетъ Лефортъ, „причинилъ здѣсь всеобщую радость, не исключая даже самыхъ вѣрныхъ его любимцевъ“ [3]. „Трудно описать“, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „всеобщую радость, причиненную паденіемъ Меншикова. Всѣ начинаютъ свободно дышать“ [4]. А вотъ что писалъ Егоръ Пашковъ, членъ военной коллегіи, къ

[1] Т. LXIX, стр. 271.
[2] Филипповъ. Исторія Сената, стр. 481.
[3] Т. III, стр. 492.
[4] Т. III, стр. 496.

другу своему Ивану Черкасову: „Преиде и погибе суетная слава прегордаго Голіаѳа, котораго Богъ всесильною десницей сокрушилъ, о томъ многія радости исполнены всѣ, также и азъ многогрѣшный, славя святую Троицу, пребываю безъ всякаго страха“ [1].

2. Отношенія Петра II къ Меншикову въ первые мѣсяцы послѣ смерти Екатерины.

Кто же былъ виновникомъ этого счастливаго переворота, встрѣченнаго въ русскомъ обществѣ такимъ всеобщимъ сочувствіемъ?

Въ низверженіи регентства и въ воспріятіи Петромъ II самодержавія принимали участіе многіе, но главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является самъ императоръ.

Всѣ сознавали и чувствовали тяжелый гнетъ безграничнаго авторитета Меншикова, но никто не былъ въ силахъ вступить съ нимъ борьбу, взять на себя присвоенную имъ роль и взвалить на себя то бремя, которое онъ несъ на своихъ сильныхъ плечахъ. „Если Меншиковъ умретъ“, пишетъ Лефортъ $^{1}/_{12}$ іюля, „то на это будутъ смотрѣть какъ на худо и добро. На добро потому, что избавятся отъ безграничной власти, которую никто не осмѣлился бы себѣ присвоить... На смерть Меншикова смотрятъ, какъ на несчастье въ томъ смыслѣ, что *никто не замѣнитъ его въ дѣлѣ исполнительной власти, не желая взять на себя всю тяжесть такихъ обязанностей.* Боятся, что всѣ дѣла не остановились бы и не стали бы ссылаться другъ на друга“ [2].

И дѣйствительно среди русскихъ вельможъ не было никого, кто могъ бы замѣнить Меншикова и вступить съ нимъ въ борьбу, чтобы исторгнуть изъ его энергичныхъ рукъ кормило правленія. Отдѣльные вельможи могли роптать, подкапываться подъ него, интриговать противъ него, но на открытое состязаніе съ нимъ никто изъ нихъ способенъ не былъ. Долгорукіе держались еще въ тѣни и не выступали на политическую арену. Голицыны, сознавая свое безсиліе передъ авторитетомъ Меншикова, вступили съ нимъ въ сдѣлку. Головкинъ и Апраксинъ скромно засѣдали въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и не отваживались на самостоятельную роль. Остерманъ, который стоялъ всего ближе къ Меншикову и изъ высокаго положенія регента извлекалъ для себя всего больше выгоды, менѣе другихъ имѣлъ поводъ начи-

---

[1] К. Арсеньевъ. Царствованіе Петра II. 1839 г. стр. 40 Ср. также Соловьева Исторія Россіи. Т. XIX, стр. 146.

[2] Т. III, стр. 484.

нать походъ противъ своего патрона. Но если онъ и тяготился диктатурой Меншикова, то во всякомъ случаѣ не взялъ бы на себя инициативу въ борьбѣ, исходъ которой былъ сомнителенъ. Остерманъ предпочиталъ предоставлять другимъ рискованныя предпріятія, зная, что держась въ сторонѣ, онъ всегда успѣетъ во-время занять мѣсто, наиболѣе соотвѣтствующее его интересамъ.

Положеніе Меншикова во главѣ управленія было, такимъ образомъ, положеніемъ безспорнымъ, и онъ въ этой области не имѣлъ соперниковъ.

Но была другая область, въ которой его преобладаніе далеко не было такимъ несомнѣннымъ.

Меншиковъ былъ не только регентомъ, но и присвоилъ себѣ право опекуна надъ несовершеннолѣтнимъ императоромъ.

Императоръ зналъ, что онъ былъ обязанъ короной Меншикову. Онъ зналъ, что Меншиковъ была та политическая сила, которая поборола его враговъ, вывела его изъ униженнаго положенія, выпавшаго на его долю въ царствованіе Екатерины, и разчистила ему путь къ престолу. Онъ и считался съ этою силой и первое время безропотно подчинялся ей. „Меншиковъ, пишетъ Мардефельдъ 13 (24) мая, вполнѣ овладѣлъ какъ душой, такъ и личностью молодого царя". „Царь, пишетъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ,—отдался теперь совершенно въ руки Меншикова." [1]

Но такое настроеніе не могло быть устойчивымъ въ воспріимчивой и безпокойной душѣ одиннадцатилѣтняго монарха. Оно и очень скоро испарилось на свѣжемъ воздухѣ новой обстановки, въ которой очутился Петръ, предаваясь забавамъ и развлеченіямъ, свойственнымъ его возрасту. Эти забавы раздѣляла съ нимъ его сестра, великая княжна Наталья Алексѣевна, которую Петръ очень любилъ и которая имѣла большое вліяніе на брата. Въ нихъ же принимали участіе семнадцатилѣтняя тетка царя, красивая, подвижная и вѣчно веселая царевна Елизавета Петровна, и шестнадцатилѣтній князь Иванъ Долгорукій, сынъ князя Алексѣя, назначеннаго Меншиковымъ гофмейстеромъ при княжнѣ Натальѣ. Остерманъ, наставникъ Петра, не мѣшалъ веселиться этому молодому обществу и сумѣлъ даже пріобрѣсти особенное расположеніе сестры царя, въ которой распозналъ удобное орудіе воздѣйствія на молодого монарха. „Нельзя до-

[1] Тамъ же, т. XV, стр. 342.

статочно налюбоваться, пишетъ Лефортъ, — на разсудительное поведеніе великой княжны. Она—Минерва для царя; его сестра и Остерманъ составляютъ тріумвиратъ, не *всегда исполняющій внушенія Меншикова.*“ [1] Великая княжна имѣетъ большое вліяніе на царя. Остерманъ своими поступками заслуживаетъ довѣріе царя, которымъ онъ вполнѣ овладѣлъ. [2] Въ обществѣ этихъ близкихъ ему людей юный царь любилъ вращаться и отдыхать отъ суровыхъ, а подчасъ и грубыхъ наставленій назойливаго опекуна. Онъ уже въ это время тѣснѣе сближается съ Долгорукими, съ княземъ Алексѣемъ и его сыномъ Иваномъ, которые умѣли льстить его вкусамъ и потакали его инстинктамъ, не всегда хорошимъ. А эти инстинкты сказались въ немъ очень рано. Петръ вообще былъ развитъ не по лѣтамъ. Онъ былъ высокаго роста и своею внѣшностью не производилъ впечатлѣніе одиннадцатилѣтняго мальчика. „Почти невѣроятно, пишетъ Мардефельдъ, — какъ быстро изъ мѣсяца въ мѣсяцъ растетъ императоръ: онъ достигъ уже средняго роста взрослаго человѣка, и притомъ такого сильнаго тѣлосложенія, что навѣрное достигнетъ роста покойнаго своего дѣда. И въ этомъ сильномъ тѣлѣ уже очень рано сказались и сильныя страсти“.

„Страсть царя къ принцессѣ Елизаветѣ, пишетъ Маньянъ,— не удалось заглушить, какъ думали раньше; напротивъ, она дошла до того, что причиняетъ теперь дѣйствительно министерству очень сильное безпокойство. Царь до того всецѣло отдался своей склонности и желаніямъ своимъ, что не мало кажется затрудненій, какимъ путемъ предупредить послѣдствія подобной страсти, и хотя этому молодому государю всего двѣнадцать лѣтъ, тѣмъ не менѣе Остерманъ замѣтилъ, что большой рискъ оставлять его наединѣ съ принцессой Елизаветой и въ этомъ отношеніи безусловно необходимо имѣть постоянный надзоръ за ними“. [3] „Царь уже дастъ знать, пишетъ де-Лиріа, — что уже можетъ быть другомъ женскаго пола и даже въ высочайшей степени: онъ уже имѣлъ свои любовныя похожденія... Не удивляйтесь, прибавляетъ де-Лиріа,—этой преждевременной скороспѣлости: несмотря на всю суровость этого климата, молодежь какъ мужчины, такъ и женщины развиваются здѣсь гораздо скорѣе, чѣмъ у насъ, и мальчики одиннадцати лѣтъ уже женятся“. [4] И въ этомъ

---

[1] Т. III, стр. 479, 480.

[2] Т. XV, стр. 396.

[3] Тамъ же, т. LXXV, стр. 137.

[4] Восемнадцатый вѣкъ, изд Бартенева, кн. II, стр. 31.

не по лѣтамъ развитомъ физически мальчикѣ, производившемъ своимъ ростомъ и тѣлосложеніемъ впечатлѣніе взрослаго человѣка, жила уже и воля взрослаго и сильнаго человѣка, который любилъ повелѣвать и умѣлъ заставлять себя слушать. „Монархъ, пишетъ Лефортъ 15 (26) іюля, *повелѣваетъ какъ властелинъ и дѣлаетъ, что хочетъ.*“ [1]

И вотъ этого монарха, который умѣлъ уже властвовать, Меншиковъ хотѣлъ подчинить своей суровой опекѣ. Неудивительно, что Петръ возымѣлъ къ нему непреодолимую ненависть и охотно поддавался внушеніямъ тѣхъ, которые напоминали ему, что онъ, а не Меншиковъ, господинъ и что пора ему сбросить опеку человѣка, который присвоилъ себѣ неподобающую ему роль отца и наставника.

Но если Петръ не любилъ Меншикова, какъ своего ментора, то еще болѣе ненавидѣлъ его, какъ своего будущаго тестя. Молодой императоръ, который любилъ женское общество и умѣлъ питать и цѣнить нѣжныя привязанности, испытывалъ, какъ обидное насиліе надъ своими чувствами, свои отношенія къ навязанной ему Меншиковымъ невѣстѣ. И чѣмъ болѣе онъ привязывался къ красивой и веселой цесаревнѣ Елизаветѣ, тѣмъ рѣзче сказывалась въ немъ его антипатія къ скучной и непривлекательной княжнѣ Меншиковой. И онъ не умѣлъ скрывать этой своей антипатіи, и первое открытое проявленіе его неудовольствія противъ Меншикова былъ ропотъ противъ необходимости видѣть въ его дочери свою будущую супругу. Уже 10 (21) іюня Лефортъ пишетъ: „Изъ всего видно, что онъ сдѣлался женихомъ, чтобы только уступить Меншикову и отвязаться отъ его просьбъ; мнѣ даже кажется, что послѣдній далъ знать ему чрезъ извѣстную женщину, что если онъ не исполнитъ желанія покойной императрицы, ему будетъ худо, объ чемъ царь совѣтовался съ своею сестрой и для собственнаго самосохраненія рѣшили такъ поступить“. [2] Черезъ недѣлю 17 (28) іюня Лефортъ опять доноситъ, что „Меншикова всѣ очень боятся, но зато и ненавидятъ. Его торопливость женитьбой дочери не мало этому содѣйствуетъ, его будущій зять первый ропщетъ и совсѣмъ не любитъ свою невѣсту, что можетъ быть со временемъ придетъ“. [3]

Въ концѣ іюня Меншиковъ заболѣваетъ настолько серьезно,

---

[1] Тамъ же, т. III, стр. 484.
[2] Тамъ же, т. III, стр. 480.
[3] Тамъ же, т. III, стр. 481.

что опасаются за его жизнь. [1] Эта болѣзнь, продолжавшаяся нѣлый мѣсяцъ, имѣла для него роковое значеніе.

Императоръ пожилъ на свободѣ, вкусилъ всю сладость этого приволья и теперь не желалъ болѣе подчиняться, а хотѣлъ повелѣвать властелиномъ. „Послѣдняя болѣзнь Меншикова, пишетъ Маньянъ, — отвлекла его вниманіе, постоянно устремленное на юнаго царя, и съ тѣхъ поръ началась противъ него буря.“ [2] И эта буря разразилась очень скоро.

Меншиковъ не замѣчалъ происшедшей въ государѣ перемѣны и продолжалъ обращаться съ нимъ по прежнему. Но Петръ не хотѣлъ больше переносить этого обращенія. И столкновенія между ними стали неизбѣжны. „Явились депутаты изъ одной провинціи, разсказываетъ Маньянъ,—чтобы поклониться своему новому государю и поднести ему по старому здѣшнему обычаю хлѣбъ-соль; а на хлѣбъ было положено 700 дукатовъ золотомъ; молодой монархъ, движимый чувствомъ дружбы къ великой княжнѣ, сестрѣ своей, отдаетъ ей сначала все въ подарокъ, но принцесса, къ огорченію своему, замѣчаетъ, что князь Меншиковъ беретъ все это у нея изъ рукъ для того, чтобы, какъ онъ заявилъ, сдѣлать лучшее употребленіе изъ этихъ денегъ. Въ то же время пришли также другіе депутаты и поднесли царю нѣсколько кусковъ парчи. Молодой государь отдаетъ ихъ также великой княжнѣ, но явилась свояченица Меншикова Варвара и взяла ихъ отъ великой княжны. Новый этотъ поступокъ разгнѣвалъ царя до того сильно, что онъ пошелъ въ ту же минуту къ князю Меншикову и заговорилъ съ нимъ, скрестивши руки, съ сжатыми кулаками, такъ грозно, что князь былъ совершенно смущенъ и разстроенъ его словами“. [3] Если молодой царь Меншикову только показывалъ кулаки, то онъ упражнялъ ихъ надъ его сыномъ, давая волю своей ненависти къ отцу. „Царь, разсказываетъ Лефортъ, въ своемъ письмѣ отъ 12 (23) августа,—иногда мститъ на сынѣ Меншикова, котораго онъ бьетъ, пока тотъ не попроситъ пощады.“ [4] Меншиковъ не придаетъ однако особеннаго значенія этимъ вспышкамъ гнѣва Петра: онъ уѣзжаетъ въ свое имѣніе, Ораніенбаумъ, и думаетъ, что, оправившись отъ болѣзни и собравшись съ силами, онъ еще успѣетъ угомонить строптиваго мальчика. Онъ тѣмъ болѣе разсчитывалъ на это, что

[1] Тамъ же, т. III, стр. 483, 484, 485.
[2] Тамъ же, т. LXXV, стр. 79.
[3] Тамъ же, т. LXXV, стр. 79, 80.
[4] Тамъ же, т. III, стр. 489.

Остерманъ, которому онъ безусловно довѣрялъ, и который безотлучно находился при императорѣ, постоянно успокоивалъ его и писалъ ему письма, въ которыхъ увѣрялъ, что „его императорское величество радуется о счастливомъ вашей великокняжеской свѣтлости прибытіи въ Ораніенбаумъ, и отъ сердца желаетъ, чтобы сіе гулянье ваше дрожайшее здоровье совершенно возстановить могло.“ Къ этому письму Петръ приписываетъ: „И я при семъ вашей свѣтлости, и святлѣйшей княжне, и невѣсте, и своячине, и тетке и шурину поклонъ отдаю любительный.“ [1] Но въ то самое время, когда Петръ посылалъ Меншикову этотъ „любительный“ поклонъ, онъ въ союзѣ съ своимъ наставникомъ уже рѣшилъ свергнуть иго ненавистнаго ему человѣка. [2]

И въ этихъ усиліяхъ поддерживали его теперь не только его приближенные, но и министры, товарищи Меншикова.

3. *Участіе вельможъ въ низверженіи Меншикова.*

Пока царь былъ во власти регента и преданъ ему, по словамъ Мардефельда, душой и тѣломъ, до тѣхъ поръ министры были безсильны предъ авторитетомъ Меншикова. Теперь же, когда самъ царь возмутился противъ этого авторитета, они поспѣшили воспользоваться его настроеніемъ, чтобы положить конецъ безграничной власти всесильнаго князя. Они стали нашептывать Петру объ его несправедливости и его грубомъ произволѣ и о необходимости во что бы то ни стало положить предѣлъ его самовластію. [3] И когда они убѣдились, что императоръ охотно ихъ выслушиваетъ и готовъ идти на встрѣчу ихъ желаніямъ, тогда они выступили открыто съ своимъ планомъ, имѣвшимъ цѣлью сверженіе Меншикова.

Этотъ планъ заключался въ томъ, чтобы упразднить регент-

---

[1] Исторія Россіи Соловьева, т. XIX, стр. 138.

[2] С. Р. И. О. т. III, 489.

[3] „У канцлера Головкина, разсказываетъ Маньянъ, есть дача по той дорогѣ въ Петергофъ, куда отправился императоръ, и царь остановился тамъ, чтобы поохотиться; тогда этотъ министръ воспользовался случаемъ, чтобы выразить молодому государю скорбь, испытываемую имъ по поводу неумолимой жестокости князя Меншикова къ самымъ вѣрнымъ подданнымъ и слугамъ его царскаго величества,—жестокости, доводившей многихъ до отчаянія, взять хоть, напримѣръ, удаленіе Ягужинскаго, все преступленіе котораго заключается въ непріязни, питаемой къ нему Меншиковымъ. Головкинъ такъ трогательно разсказалъ объ этомъ событіи, что царь, зная сверхъ того честность канцлера, по своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, началъ рѣзко говорить съ княземъ Меншиковымъ объ этомъ дѣлѣ“.

ство В. Т. Совѣта и объявить царя совершеннолѣтнимъ. „Князь Долгоруковъ, пишетъ Маньянъ,—видя, что и ему грозитъ та же участь (то есть быть высланнымъ изъ Петербурга, подобно Ягужинскому) удвоилъ свои старанія, чтобы, во-первыхъ, отвратить этотъ ударъ, а, во вторыхъ, склонить канцлера, князя Голицына и генералъ-адмирала, своихъ родныхъ и друзей къ тому, чтобы свергнуть иго, сдѣлавшееся для всѣхъ невыносимымъ. Тогда всѣ вмѣстѣ разсудили, что по основнымъ законамъ русскимъ несовершеннолѣтія существовать не должно, а несовершеннолѣтіе, установленное царицынымъ завѣщаніемъ, должно продолжаться еще четыре года и дастъ, разумѣется, князю Меншикову возможность погубить ихъ всѣхъ безвозвратно въ этотъ долгій промежутокъ времени, если не оградятъ себя отъ его тиранія сильными мѣрами; и къ этимъ мѣрамъ должно прибѣгнуть тѣмъ скорѣе, что князь Меншиковъ, злоупотребляя присвоенною имъ себѣ неограниченною властью, беретъ каждый день суммы изъ государственной казны, нанося ущербъ общественному спокойствію, которое начинаетъ нарушаться, благодаря прекращенію всякихъ платежей“ [1]. Въ письмѣ отъ 19 (30) сентября Маньянъ опять говоритъ объ участіи членовъ В. Т. Совѣта въ упраздненіи регентства и въ возстановленіи самодержавія. Поступки Меншикова возбудили противъ него всѣхъ русскихъ и принудили, наконецъ, членовъ Совѣта и другихъ значительныхъ вельможъ привести все въ дѣйствіе, чтобы склонить царя освободить ихъ отъ гнета, подъ которымъ они изнывали во время властвованія князя Меншикова, *и побудить этого молодого государя рѣшиться править самому по примѣру покойнаго царя своего дѣда, который съ одиннадцати лѣтъ принялъ бразды правленія, что соотвѣтствуетъ основнымъ законамъ русскаго государства, не признающимъ вовсе несовершеннолѣтія монарха* [2]. Мардефельдъ съ своей стороны подтверждаетъ, что въ воспріятіи юнымъ царемъ самодержавія и въ упраздненіи регентства русскіе вельможи видѣли единственное средство свергнуть тяготѣвшее надъ ними иго Меншикова. 5 (16) сентября онъ пишетъ: „Какъ новость отсюда можно сообщить, судя по спорамъ и разсказамъ, что весь дворъ находится въ ожиданіи важной перемѣны. Я полагаю, что императоръ будетъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, ибо князь Меншиковъ, пользуясь не-

[1] Тамъ же, т. LXXV, стр. 81.
[2] Тамъ же, т. XXV, стр. 86, 87.

совершеннолѣтіемъ государя во вредъ государству, завладѣлъ могуществомъ и авторитетомъ правителя и старается слишкомъ ограничить значеніе особы императора и администраціи. *Такъ какъ нѣтъ никого, кто бы могъ состязаться съ нимъ, то нѣтъ болѣе дѣйствительнаго средства къ его униженію, какъ придать полный авторитетъ самодержавной власти царя*“ [1].

. . . . . .

Но князь вмѣсто того, чтобы подумать о послѣдствіяхъ своего упорства и отказаться отъ своего рѣшенія относительно Ягужинскаго, разсердился лишь на Ягужинскаго еще больше (тамъ же, т. LXXV, стр. 80, 81).

Этотъ планъ вельможъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій настроенію и намѣреніямъ царя и его ближайшихъ совѣтниковъ, и былъ приведенъ въ исполненіе Петромъ, обнаружившимъ въ эти дни энергію и силу воли, которыхъ Меншиковъ и не подозрѣвалъ. Рѣшившись [2] вступить въ права самодержавнаго государя, Петръ уже явно сталъ обнаруживать свое недовольство Меншиковымъ и обращался съ нимъ какъ самовластный императоръ. „День именинъ великой княжны (26 августа), разсказываетъ Лефортъ,—прошелъ въ спорѣ между царемъ и Меншиковымъ. Какъ только послѣдній хотѣлъ съ нимъ говорить, тотъ поворачивалъ ему спину. Царь поддерживаетъ свою власть. Онъ сказалъ одному изъ своихъ любимцевъ послѣ нѣсколькихъ исканій со стороны Меншикова, на которыя онъ не отвѣчалъ: „Смотрите, развѣ я не начинаю его вразумлять [3]“. Черезъ нѣсколько дней царь заговорилъ еще рѣзче: „Меншиковъ, сказалъ онъ, можетъ быть думаетъ обходиться со мной, какъ съ моимъ отцомъ, но ему не придется давать мнѣ пощечины“ [4]. Въ отвѣтъ на успокоительныя рѣчи Остермана Петръ заявляетъ ему, что онъ покажетъ, кто императоръ: онъ—или Меншиковъ [5].

И Петръ сдержалъ свое слово. Рядомъ именныхъ указовъ, съ содержаніемъ которыхъ мы познакомили читателя выше, онъ сложилъ власть Меншикова, разорвалъ тестаментъ Екатерины, упразднилъ регентство и 8 сентября вступилъ въ Верховный Тайный Совѣтъ самодержавнымъ государемъ во всеоружіи тѣхъ „правъ и прерогативъ“, которыми пользовались его предшественники.

---

[1] Тамъ же, т. XV, стр. 385.
[2] Тамъ же, т. LXXV, стр 86.
[3] Исторія этихъ дней разсказана Лефортомъ тамъ же, т. Ш, стр. 490, 492, 493.
[4] Тамъ же, т. Ш, стр. 494.
[5] Тамъ же, т. Ш, стр. 491.

Глава III.

Сильныя персоны и Верховный Тайный Совѣтъ послѣ паденія Меншикова.

Самый сильный человѣкъ въ государствѣ, который несъ послѣдніе мѣсяцы одинъ на своихъ плечахъ все бремя управленія, навсегда сошелъ со сцены. Регентство Верховнаго Тайнаго Совѣта упразднено, и молодой императоръ, объявленный совершеннолѣтнимъ, вступилъ въ осуществленіе своей самодержавной власти.

Но по силамъ ли юному монарху эта власть?

Петръ II еще очень молодъ и въ дѣлахъ неопытенъ. Но въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ засѣдаютъ испытанные совѣтники, убѣленные сѣдинами, сотрудники его великаго дѣда: Апраксинъ, Головкинъ, кн. Голицынъ; здѣсь же и дѣловитый и вѣрный слуга Остерманъ, котораго императоръ такъ любитъ и наставленіями и совѣтами котораго онъ такъ дорожитъ. Ни одинъ изъ нихъ не заявляетъ притязанія на ту роль, которая сгубила Меншикова. Да императоръ и не позволитъ никому захватить неподобающей ему власти. Онъ хочетъ повелѣвать самъ и покажетъ, что умѣетъ заставлять себя слушать. И дѣйствительно, на первыхъ же порахъ онъ проявляетъ большую самоувѣренность и выступаетъ властелиномъ, передъ волей котораго всѣ должны склоняться безпрекословно.

„Царь, пишетъ Лефортъ 31 сентября (11 октября),—унаслѣдовалъ направленіе своего дѣда: упорный въ своихъ планахъ, не любя возраженій, онъ, хотя и совѣтуется, но дѣлаетъ все, что хочетъ“ [1]. „Хотя государю“, замѣчаетъ де-Лирія, „еще не исполнилось и 13 лѣтъ, но такъ какъ онъ уже объявленъ совершеннолѣтнимъ, то никто не смѣетъ ни говорить ему ни о чемъ, ни совѣтовать“ [2]. Авторитетъ молодого монарха, который, несмотря на свои юные годы, успѣлъ проявить свою власть и подчинить ей всѣхъ окружающихъ, наводитъ Лефорта на размышленія о той необыкновенной силѣ, которую пріобрѣла въ Россіи власть монарха. Эта необыкновенная сила внушаетъ ему опасенія за будущность Россіи и въ особенности за участь въ ней иностранцевъ. „Можно составить себѣ понятіе о будущемъ

---

[1] Т. III, стр. 502.

[2] Восемнадцатый вѣкъ. Бартенева, ч. II, стр. 30.

Россіи, пишетъ онъ,—видя молодого монарха, не принимающаго никакихъ совѣтовъ, дѣйствующаго по своей собственной волѣ и по внушеніямъ своего довѣреннаго друга Долгорукова, самого нуждающагося быть подъ строгимъ надзоромъ. Если бы мы переѣхали въ Москву, куда желаютъ русскіе, какую сильную поддержку встрѣтили бы они въ бабкѣ его величества, только и жаждущей покорепенія иностранцевъ. Тамъ намъ представится совершенно другое. Подкрѣпляемый въ своихъ деспотическихъ наклонностяхъ, если бы кто либо не понравился ему или сталъ бы ему противорѣчить, онъ въ состояніи былъ бы сказать ему: Я тебѣ этого не забуду“ [1]. Но какъ бы сильна власть въ рукахъ молодого императора ни была, его юные годы давали тѣмъ не менѣе широкій просторъ вѣсу и вліянію сильныхъ персонъ. Между ними должна была теперь начаться борьба, и намъ предстоитъ на слѣдующихъ страницахъ ознакомиться съ ней и отмѣтить ея главныхъ участниковъ.

1) Остерманъ.

Послѣ паденія Меншикова Остерманъ выдвинулся на первый планъ. Онъ содѣйствовалъ низверженію регента и помогъ царю высвободиться изъ опеки ненавистнаго человѣка. Петръ еще больше привязался къ нему и не могъ обходиться безъ его совѣтовъ. „Баронъ фонъ Остерманъ, пишетъ Мардефельдъ,—пользуется милостью императора до такой степени, какъ никогда прежде, и царь дастъ ему столько доказательствъ своего расположенія къ нему, какъ ему только можетъ быть желательно“ [2]. „Остерманъ, говоритъ Маньянъ,—занимаетъ первое мѣсто по довѣрію, питаемому къ нему царемъ. Онъ постоянно при его особѣ“ [3]. Лефортъ подтверждаетъ эти показанія Мардефельда и Маньяна, увѣряя, что „царь не можетъ жить безъ своего Остермана“ [4]. Когда послѣдній заболѣлъ, то императоръ вмѣстѣ съ княжнами Наталіей и Елизаветой каждый день навѣщали его по нѣсколько разъ [5]. Вѣсъ Остермана обусловливался однако не только этою близостью къ царю, но и тѣмъ, что онъ изъ всѣхъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ самымъ способнымъ, знающимъ и энергичнымъ министромъ. Маньянъ го-

[1] Т. III, стр. 508.
[2] Тамъ же, т. XV, стр. 392.
[3] Тамъ же, т. LXXV, стр. 110, 116.
[4] Тамъ же, т. III, стр. 501.
[5] Тамъ же, т. III, стр. 510.

воритъ, что изъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта одинъ Остерманъ пользуется довѣріемъ царя [1]. „Нѣтъ ни одного человѣка", замѣчаетъ Лефортъ, „который хотѣлъ бы приняться за дѣло. Все сваливаютъ на Остермана" [2].

Положеніе Остермана имѣло однако и свои слабыя стороны. Онъ былъ иностранецъ, окружалъ себя нѣмцами, выдвигалъ ихъ и покровительствовалъ имъ, и этимъ возбуждалъ къ себѣ неудовольствіе русскихъ. „Сторонники Остермана", говоритъ Лефортъ, „иностранцы, имѣющіе мало значенія, какъ Сапѣга, Минихъ и и многіе другіе, идущіе только по пятамъ Остермана" [3]. „Остерманъ, говоритъ де-Лиріа,—такъ худъ съ русскими, какъ нельзя больше, и они рѣшительно хотятъ удалить его отъ царя. Многіе хотѣли бы удалить его совсѣмъ, но большая часть того мнѣнія, что его нужно удержать въ министерствѣ до того времени, пока не найдется возможность замѣнить его другимъ. Ненависть противъ Левенвольда не ослабѣваетъ, и такъ какъ Остерманъ съ упорствомъ продолжаетъ поддерживать его, то опая видимо падаетъ на его голову, и я боюсь, какъ бы эта дружба не послужила новымъ мотивомъ къ его низверженію" [4].

2) Князья Долгорукіе.

Между тѣми, которые хотѣли устранить Остермана, на первомъ мѣстѣ стоялъ князь Алексѣй и его сынъ Иванъ. Они послѣ паденія Меншикова значительно возвышаются: кн. Алексѣй былъ назначенъ помощникомъ воспитателя, а его сынъ пропзведенъ въ камергеры. Но они не заявляли притязаній тягаться съ Остерманомъ на государственномъ поприщѣ. Они завидовали не его правительственному авторитету, а его близости къ царю. Они были готовы помириться съ его преобладаніемъ въ государственныхъ дѣлахъ, лишь бы удалить его изъ придворной сферы и стать здѣсь въ непосредственныя отношенія къ государю.

Средства, къ которымъ они прибѣгали для достиженія этой цѣли, рисуютъ ихъ нравственный образъ далеко не съ привлекательной стороны.

Въ своемъ письмѣ отъ 28 ноября (9 декабря) Лефортъ говоритъ о развращающемъ вліяніи Долгорукихъ на царя. „Камер-

---

[1] Тамъ же, т. LXXV, стр. 110.

[2] Тамъ же, т. III, стр. 511.

[3] Тамъ же, т. III, стр. 511. Ср. такъ же т. V, стр. 296.

[4] Восемнадцатый вѣкъ Бартенева, ч. II, стр. 43, 44.

геръ Долгорукій, пишетъ онъ,—не только поддерживаетъ дурныя наклонности царя, но и служитъ самымъ покорнымъ орудіемъ при исполненіи поступковъ, недостойныхъ монарха". [1] Въ донесеніи отъ 5 (16) декабря мы находимъ новые примѣры тѣхъ педагогическихъ пріемовъ, которые помощникъ воспитателя примѣнялъ къ молодому царю. „Можно было бы подумать, пишетъ онъ,—что эти безразсудные (т. е. Долгорукіе, отецъ и сынъ) помогаютъ царю въ распутствѣ, внушая ему наклонности, недостойные его сана".

„Мнѣ извѣстна одна комната, продолжаетъ Лефортъ,—смежная съ биллiардной, гдѣ помощникъ главнаго воспитателя доставляетъ ему разныя пріятныя удовольствія; онъ теперь хлопочетъ съ извѣстною особой, бывшею у Меншикова и о которой я уже говорилъ прежде, и если мнѣ вѣрно передавали, то это лицо служитъ фрейлиной у великой княжны Елизаветы и ей обѣщаютъ 50.000 рублей. Слыхано ли это дѣло: цѣлую ночь разъѣзжать по улицамъ, ложиться спать только въ 7 часовъ утра. Его сестра и Остерманъ, дѣйствующіе заодно, потеряли всякое значеніе съ своими увѣщаніями. Великая княжна часто бываетъ очень огорчена поступками царя, слѣдующаго только прекраснымъ правиламъ Долгорукихъ". [2]

Мардефельдъ разсказываетъ, что императоръ слѣпо слѣдуетъ своимъ молодымъ любимцамъ, а въ особенности князю Ивану Долгорукому, въ ихъ развратныхъ забавахъ (т. XV, стр. 392). „Съ нѣкотораго времени, говоритъ Лефортъ, онъ (т. е. Петръ II) взялъ привычку ночь превращать въ день. Онъ цѣлую ночь рыскаетъ съ своимъ камергеромъ Долгорукимъ и ложится только въ 7 часовъ утра. Остерманъ употребляетъ всевозможныя усилія направить его на путь истинный; но эти ночныя прогулки не прекращаются. Это даетъ поводъ думать, что вѣроятно цѣль этихъ прогулокъ какая-нибудь личность, выисканная Долгорукими. Послѣ неуспѣшныхъ увѣщаній Остерманъ притворился больнымъ, чтобы не выходить изъ комнаты и взвалить вину на своего помощника; но этотъ послѣдній, полагая, что сынъ его лучше обдѣлаетъ дѣло, оставилъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней своего воспитанника во власти молодого дуралея". [3]

Трудно представить себѣ роль, болѣе отвратительную, чѣмъ та,

---

[1] Тамъ же, т. III, стр. 150.

[2] Тамъ же, т. III, стр. 513.

[3] Тамъ же, т. III, стр. 506, 507.

которую въ это время взяли на себя Долгорукіе: они систематически развращали молодого царя съ цѣлью поработить его себѣ и сдѣлать его послушнымъ орудіемъ своихъ низменныхъ цѣлей. Объ этихъ цѣляхъ уже въ это время проникли слухи въ общество: Маньянъ въ письмѣ отъ 7 (18) октября пишетъ о новыхъ планахъ, клонящихся къ тому, чтобы дать царю въ супруги одну изъ дѣвицъ изъ рода Долгорукихъ. Этой цѣли всецѣло отдался одинъ изъ князей Долгорукихъ; онъ—генералъ арміи и уже нѣсколько недѣль приближенъ къ царю въ качествѣ воспитателя; его двѣ дочери однихъ лѣтъ съ здѣшнимъ государемъ, какъ говорятъ, обладающія замѣчательною красотой, усиленною еще внутренними достоинствами, говорятъ, уже успѣли, благодаря заботамъ отца, привлечь къ себѣ вниманіе молодого монарха.[1] „Должность Долгорукова при царѣ, пишетъ Лефортъ того же числа,—дастъ поводъ думать, нѣтъ ли какой скрытой западни у Долгорукихъ“ тѣмъ болѣе, что у него есть хорошенькія дочери, которыя могли бы имѣть виды на царя“.[2]

3) Князья Голицыны.

Голицыны стояли теперь вдали отъ этихъ придворныхъ интригъ; они должны были расплачиваться за свой союзъ съ падшимъ Меншиковымъ: ихъ подозрѣвали въ властолюбивыхъ планахъ, которые они преслѣдовали вмѣстѣ съ всесильнымъ регентомъ, и ненависть, которую возбудилъ противъ себя Меншиковъ, падала теперь на ихъ головы. „Въ настоящее время, пишетъ Маньянъ 30 сентября (10 октября),—трудятся надъ разборомъ его (т. е. Меншикова) бумагъ, между которыми недавно былъ найденъ проектъ, клонящійся къ тому, чтобы удалить изъ совѣта генералъ-адмирала Апраксина, канцлера Головкина и Остермана и назначить вмѣсто нихъ генерала Чернышева, нынѣшняго рижскаго губернатора, генерала Волкова и еще одного, носящаго ту же фамилію и состоящаго теперь совѣтникомъ военной коллегіи; всѣ трое—приверженцы князя Меншикова, безпрекословно исполняющіе его волю. Одинъ князь Голицынъ не былъ затронутъ этимъ преобразованіемъ вслѣдствіе предполагавшагося тогда брака между сыномъ князя Меншикова и дочерью фельдмаршала Голицына. Увѣряютъ, что это открытіе возбудило большое недовѣріе среди трехъ вышеупомянутыхъ членовъ Совѣта къ обоимъ князьямъ Голицынымъ, заставляя подозрѣвать ихъ

[1] Тамъ же, т. LXXV, стр. 104.
[2] Тамъ же, т. III, стр. 503.

въ томъ, что они были заодно съ княземъ Меншиковымъ; чуть ли не опасаются даже, что, благодаря этому обстоятельству, произойдетъ скоро въ Совѣтѣ разъединеніе; нѣкоторые предполагаютъ, что между ними, генералъ-адмираломъ, канцлеромъ и Остерманомъ, составляется планъ—смѣстить обоихъ Голицыныхъ съ мѣстъ, занимаемыхъ ими въ Совѣтѣ и въ войскѣ. Лица, вѣрящія въ существованіе такого плана, передаютъ, что фельдмаршалъ Голицынъ со времени своего возвращенія изъ Украйны не могъ еще добиться своего допущенія въ Совѣтъ, хотя и являлся туда нѣсколько разъ, чтобы отдать отчетъ Совѣту о своемъ управленіи арміей; къ тому же прибавляютъ, что Совѣтъ вмѣняетъ фельдмаршалу въ преступленіе то, что онъ покинулъ армію безъ приказанія Совѣта и пріѣхалъ сюда единственно по порученію князя Меншикова". [1] Въ слѣдующемъ письмѣ Маньянъ снова возвращается къ союзу Голицыныхъ съ Меншиковымъ и тѣмъ серьезнымъ послѣдствіямъ, которыя этотъ союзъ повлекъ за собою для обоихъ Голицыныхъ, очутившихся теперь во враждебныхъ отношеніяхъ со всѣми вліятельными людьми, овладѣвшими довѣріемъ и расположеніемъ императора. „Источникомъ настоящихъ затрудненій, говорилъ онъ,—является, повидимому, тотъ самый союзъ, возникшій, говорятъ, между двоими Голицыными и княземъ Меншиковымъ, въ виду задуманнаго брака, о которомъ я упомянулъ въ послѣдней депешѣ и который дѣйствительно былъ бы очень подходящъ для Голицыныхъ изъ-за несмѣтныхъ сокровищъ князя Меншикова". „Этотъ союзъ вызвалъ, по словамъ Маньяна, другой союзъ – между Остерманомъ и Головкинымъ, которые, опасаясь той громадной власти, которую пріобрѣли бы Голицыны въ союзѣ съ Меншиковымъ, соединились вмѣстѣ, чтобы дать отпоръ грозившей имъ съ этой стороны опасности. Тріумвиратъ,—такъ называетъ Маньянъ оборонительный союзъ Остермана съ Головкинымъ и Апраксинымъ,—какъ кажется, возникъ лишь подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ подозрѣній, явившихся у адмирала и у канцлера, въ томъ, что двое Голицыныхъ питаютъ замыслы болѣе пагубные, чѣмъ всѣ тѣ, которые приписывались честолюбивому и вспыльчивому характеру князя Меншикова. Предвѣстникомъ подобныхъ замысловъ явились, какъ они думаютъ, хлопоты, предпринятыя фельдмаршаломъ Голицынымъ, какъ только онъ сюда пріѣхалъ, съ цѣлью добиться возвращенія князя Меншикова, и они видѣли

[1] Тамъ же, т. LXXV, стр. 98, 99.

одну только хитрость въ тѣхъ ограниченіяхъ, которыя фельдмаршалъ при этомъ дѣлалъ, чтобы возвратить Меншикову одну только свободу, не отдавая ему ни одной изъ его должностей“ [1]. И Голицыны дѣйствительно усердно хлопотали о возвращеніи Меншикова, видя въ этомъ единственное средство возстановить утраченное ими вліяніе. „Я узналъ, пишетъ Маньянъ,—что на царской аудіенціи, полученной фельдмаршаломъ Голицынымъ послѣ положительнаго обѣщанія Остерману ничего не говорить о князѣ Меншиковѣ, рѣчь тѣмъ не менѣе шла только о немъ. Голицынъ поставилъ государю на видъ, что хотя его братъ—членъ Совѣта и онъ болѣе чѣмъ кто-либо не одобрялъ хищничества и растратъ, производившихся княземъ Меншиковымъ, ему казалось однако, что важныя услуги, оказанныя княземъ его императорскому величеству, могли бы заслужить нѣкоторое смягченіе въ его наказаніи; кромѣ того, княземъ Голицынымъ не было сообщено о замыслахъ, грозившихъ вышеозначенному Меншикову, а на подобный образъ дѣйствія они не могутъ смотрѣть иначе, какъ на нанесенную имъ обиду, которая заставляетъ ихъ просить у его императорскаго величества позволенія удалиться въ свои помѣстья“ [2].

Но это заступничество Голицыныхъ за Меншикова не привело ни къ чему: оно не смягчило участи Меншикова, а только еще больше возстановило царя противъ Голицыныхъ. Молодой государь не скрывалъ своей непріязни къ нимъ и открыто выражалъ свое недовольство ихъ поведеніемъ. „Остерманъ, пишетъ Лефортъ 30 сентября (11 октября),—пользуется довѣріемъ царя, который ненавидитъ Голицыныхъ за ихъ сношенія съ Меншиковымъ и за то, что они слишкомъ много выказывали свои властолюбивыя стремленія. Недѣлю тому назадъ, когда пріѣхалъ царь, фельдмаршалъ Голицынъ поспѣшилъ встрѣтить его. И впередъ послалъ сына своего камергера доложить о себѣ. Увидя это, царь переѣхалъ черезъ мостикъ въ саду и запретилъ часовому пускать кого бы то ни было; тотъ долженъ былъ удалиться; но на другой день Голицынъ обѣдалъ рядомъ съ государемъ, который далъ ему замѣтить, что его присутствіе ему непріятно. Неоднократно старался Голицынъ открыть себѣ доступъ въ Верховный Тайный Совѣтъ для отдачи отчета,—я знаю, что до сихъ поръ это ему еще не удавалось“ [3]. Фельдмаршалъ

---

[1] Тамъ же, т. LXXV, стр. 103.

[2] Тамъ же, т LXXV, стр. 117.

[3] Тамъ же, т. III, стр. 502.

Голицынъ добивался также напрасно мѣста петербургскаго губернатора, и послѣ мѣсячнаго безплоднаго пребыванія въ Петербургѣ онъ получаетъ приказаніе покинуть столицу. „Кажется, пишетъ Лефортъ 19 октября (4 ноября),—сила не на сторонѣ Голицыныхъ. Фельдмаршалъ получилъ приказаніе ѣхать въ Москву и съ тѣхъ поръ снова является при дворѣ. Онъ сильно домогался мѣста петербургскаго губернатора, но царь не измѣнилъ своему рѣшенію и оставилъ эту должность за Сапѣгой. Правда, баронъ Остерманъ много тому солѣйствовалъ: онъ и Ягужинскій очень дружны съ нимъ“ [1].

Князь Д. И. Голицынъ, членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, остается одинъ въ Петербургѣ предметомъ вражды и недовѣрія остальныхъ своихъ товарищей: Апраксина, Головкина и Остермана, предметомъ ненависти Долгорукихъ. Если послѣдніе всегда враждовали съ Голицынымн, то союзъ Голицыныхъ съ Меншиковымъ теперь еще болѣе разжегъ эту ненависть. „Я долженъ всеподданнѣйше донести вашему королевскому высочеству, пишетъ Мардефельдъ 12 (23) декабря,—что внутреннее состояніе императорскаго русскаго двора переживаетъ опасный кризисъ, ибо оба семейства князей Голицыныхъ и Долгорукихъ сильно интригуютъ другъ противъ друга“ [2]. „Голицыны и Долгорукіе, пишетъ де-Лиріа,—первые и сильнѣйшіе изъ всѣхъ русскихъ бояръ, но съ нѣкотораго времени они во враждѣ между собою; если одна сторона указываетъ для какого-нибудь важнаго поста одного изъ своихъ друзей, другая никакъ не хочетъ уступить“. Лефортъ также говоритъ о семейной враждѣ, издавна существующей между Долгорукими и Голицынымн, и называетъ ихъ заклятыми врагами [3].

4. Разъединеніе и соперничество вельможъ.

Паденіе Меншикова усилило, такимъ образомъ, рознь между русскими вельможами и еще болѣе подчеркнуло ихъ разъединеніе; всѣ соперничали между собою изъ-за вліянія и близости къ императору и распадались на отдѣльныя группы честолюбцевъ, интриговавшихъ другъ противъ друга.

Голицыны стояли, послѣ того какъ Меншиковъ впалъ въ немилость, одинокими и безсильными: ихъ ненавидѣлъ государь, съ ними враждовали Долгорукіе, имъ не довѣряли и ихъ сто-

---

[1] Тамъ же, т. III, стр. 503, 504.
[2] Тамъ же, т. XV, стр. 392.
[3] С. Р. И. О., т. III, стр. 501.

ронились члены Верховнаго Тайнаго Совѣта—Остерманъ, Головкинъ, Апраксинъ. Долгорукіе подкапывались подъ Остермана, который въ свою очередь пытался удалить царя отъ вреднаго вліянія князя Алексѣя и его сына и вмѣстѣ съ тѣмъ обезопасить себя отъ ихъ возрастающаго вліянія. Головкинъ и Апраксинъ не могли долюбливать иноземца Остермана, который заслонялъ своимъ авторитетомъ ихъ вліяніе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, но они изъ боязни честолюбивыхъ плановъ Голицына, хлопотавшаго о возвращеніи Меншикова, временно соединились съ нимъ. Образовались такимъ образомъ три группы враждовавшихъ между собою лицъ: во-первыхъ—два брата Голицыны, во-вторыхъ—князья Долгорукіе, въ-третьихъ—Остерманъ съ Головкинымъ и Апраксинымъ.

Это разъединеніе вельможъ, распавшихся на отдѣльныя враждовавшія между собою группы, подмѣтили и иностранные министры.

Въ своемъ письмѣ отъ 7 (18) октября Маньянъ пишетъ: „Въ послѣдней депешѣ я отмѣтилъ лишь слегка признаки розни, начинавшей тогда проявляться между членами русскаго Верховнаго Совѣта, потому что причины, которымъ приписывалась эта рознь, сводились главнымъ образомъ къ стремленію удалить двухъ князей Голицыныхъ и устранить ихъ: одного изъ того же Верховнаго Совѣта, а другаго отъ командованія войсками; между тѣмъ предпріятіе такого рода казалось, по общему мнѣнію, вздорнымъ и неосуществимымъ въ виду тѣхъ опасныхъ послѣдствій, которыя бы оно неминуемо повлекло за собою; тѣмъ не менѣе здѣшній дворъ подвергся этой опасности теперь, и охватившее всѣхъ пламя раздора послужило недавно къ образованію трехъ партій: первая партія, преобладающая въ Совѣтѣ и прозванная на этомъ основаніи русскимъ тріумвиратомъ, состоитъ изъ генералъ-адмирала, канцлера и Остермана. Вторую составляютъ: родъ Голицыныхъ, а третью—родъ Долгоруковыхъ“ [1]. Лефортъ въ своемъ письмѣ отъ 30 сентября (11 октября) вполнѣ подтверждаетъ эти показанія Маньяна. Онъ пишетъ: „Арестъ Меншикова породилъ несогласія между знатными, доходящія до крайности. Кто бы могъ представить себѣ, что, видя этого знатнаго человѣка низверженнымъ, они не постарались предохранить себя отъ подобной же немилости, что, повидимому, не замедлитъ послѣдовать. У насъ составился тріумвиратъ, оспаривающій вер-

[1] Тамъ же, т. LXXV, стр. 102.

ховную власть. Одна партія состоитъ изъ Остермана, Головкина и Апраксина, поддерживаемая царемъ и Головкинымъ, посланникомъ, котораго еще ждутъ; другая партія изъ Долгорукихъ, а третья изъ Голицыныхъ. Эти три партіи должны были бы соединиться, но они себя не берегутъ“ [1].

5) Императоръ.

Это безсиліе вельможъ, разъединенныхъ непримиримымъ соперничествомъ и ослаблявшихъ другъ друга своею взаимною враждой, было тѣмъ явленіемъ, которое бросалось въ глаза иностранцамъ такъ же рѣзко, какъ и сильная и безспорная власть, сосредоточившаяся въ рукахъ молодого монарха. И эта власть представлялась имъ чѣмъ-то единственно прочнымъ и незыблемымъ среди постоянныхъ перемѣнъ и колебаній, которымъ подвергался нашъ государственный строй. „Невозможно смотрѣть, говоритъ Лефортъ,—безъ удивленія на различныя перемѣны русскаго двора, и мнѣ кажется, что ему грозятъ большіе перевороты. Вообще о постоянствѣ въ управленіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что все предоставлено на произволъ судьбы. По моему, единственное дѣло, въ чемъ успѣли русскіе и которое, какъ мнѣ кажется, самое прочное, состоитъ въ томъ, что они сообщили власти своихъ правителей характеръ самодержавія и деспотизма, чѣмъ онъ вполнѣ и пользуется. Царь заставляетъ бояться и слушаться себя безпрекословно и дѣлаетъ все, что хочетъ“ [2]. „Всѣ его слушаются, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—и никто, кромѣ Остермана, не смѣетъ возражать, да и тотъ не слишкомъ много“ [3]. „Онъ остается твердъ въ своемъ намѣреніи никого не слушаться и дѣйствовать по своей волѣ“ [4]. „Хотя знать этого государства, говоритъ Мардефельдъ,—стала бы состязаться и интриговать между собою и всякій захотѣлъ бы овладѣть дѣлами, но исходъ этихъ распрей все-таки зависѣлъ бы отъ воли царствующаго императора или императрицы, какъ это и случилось въ этотъ разъ, и не послѣдовали бы никакія значительныя перемѣны въ государствѣ. Ибо послѣ того, какъ покойный государь превратилъ необузданныхъ и вольныхъ стрѣльцовъ въ регулярную и строго подчиняющуюся дисциплинѣ милицію, которая обоготворяетъ царя, всякая

[1] Тамъ же, т. III, стр. 503.
[2] Тамъ же, т. III, стр. 508.
[3] Тамъ же, т. III, стр. 506.
[4] Тамъ же, т. III, стр. 510.

мечта недоброжелателей Россіи о большой внутренней революціи должна вызвать улыбку у знающихъ положеніе страны и способности русской націи“ [1].

Въ письмѣ отъ $^{15}/_{26}$ февраля 1728 г. Мардефельдъ выражаетъ увѣренность, что интриги вельможъ, желающихъ сдѣлать бабку царя правительницей, не удадутся, ибо онъ узналъ изъ вѣрнаго источника, что молодой императоръ выразилъ намѣреніе оставаться самодержавнымъ и не дать себѣ другаго властелина. Такія слова слишкомъ достаточны, чтобы сразу покончить со всѣми попытками различныхъ партій.[2]

6) Верховный Тайный Совѣтъ.

Если воля самодержавнаго государя имѣла такое значеніе, то неудивительно, что взоры всѣхъ были направлены на молодого монарха, ища въ немъ опору своему вліянію и покровительство своимъ интересамъ. Неудивительно, что Верховный Тайный Совѣтъ остается совершенно въ тѣни и что его значеніе меркнетъ передъ авторитетомъ того, кто является теперь источникомъ власти и милостей. И понятно, что борьба, которая идетъ изъ-за власти и изъ-за царскихъ милостей, происходитъ теперь не въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, а далеко за его стѣнами. Эта борьба сосредоточена на соперничествѣ между Остерманомъ и Долгорукими. Долгорукіе не имѣютъ никакого отношенія къ Верховному Тайному Совѣту, Остерманъ ведетъ съ ними войну не изъ-за правительственнаго авторитета, который они у него и не оспариваютъ, а и изъ-за близости къ императору, личностью котораго они хотятъ овладѣть ради достиженія задуманнаго ими брачнаго проекта. Центромъ интригъ является дворъ, а не правительственная сфера, и борьба происходитъ не изъ-за политическаго вѣса, а изъ-за личнаго вліянія на монарха. Самые близкіе къ императору вельможи Долгорукіе членами Верховнаго Тайнаго Совѣта не состоялп. Въ этомъ учрежденіи нѣтъ теперь никого, кромѣ Остермана, кто могъ бы похвалиться расположеніемъ государя, и никогда еще Верховный Тайный Совѣтъ не былъ такъ бѣденъ вліятельными людьми, какъ въ этотъ злополучный періодъ своего существованія.

Остерманъ является теперь единственнымъ посредникомъ между императоромъ и его Совѣтомъ [3]. Но это значеніе не имѣетъ

[1] Тамъ же, т. XV, стр. 349.
[2] Тамъ же, т. XV, стр. 394.
[3] Т. LXIX стр. 447, 804, 805, 511, 725, 907, 271, 331, 769, 25.

ничего общаго съ тѣмъ авторитетомъ, которымъ пользовался Меншиковъ не только во время своего регентства, но и при Екатеринѣ. Чувствуя къ себѣ нерасположеніе русскихъ вельможъ и зная о направленныхъ противъ него интригахъ князей Долгорукихъ, Остерманъ сознавалъ шаткость своего положенія. Онъ велъ себя крайне скромно и осторожно и не только не подчеркивалъ свою вліятельность, а напротивъ держалъ себя въ тѣни и во всемъ совѣтовался съ своими товарищами, несмотря на желаніе послѣднихъ всю тяжесть отвѣтственнаго правительственнаго труда взвалить на него. „Остерманъ, говоритъ Мардефельдъ, далекъ отъ мысли присвоить себѣ такую неограниченную власть, чтобы нація пала передъ нимъ ницъ. Онъ основательно знаетъ націю и отлично умѣетъ переносить ихъ природное высокомѣріе, и такъ какъ онъ больше заботится обогатить ихъ, чѣмъ самого себя (ибо до сихъ поръ съ твердостью отказывался отъ всѣхъ подарковъ), то они охотно видятъ, что онъ заваленъ дѣлами и несетъ то бремя, которое они по своей прирожденной лѣности не хотятъ носить“ [1]. „Со времени низверженія Меншикова, говоритъ де-Лиріа,—баронъ Остерманъ, первый воспитатель царя и вице-канцлеръ, есть собственно первый министръ, но, какъ иностранецъ, онъ не смѣетъ ничего дѣлать самъ по себѣ и во всемъ сносится съ тремя другими членами Верховнаго Совѣта, дѣйствуя съ величайшею осторожностью и скрытностью [2].

Первое время послѣ паденія Меншикова Верховный Тайный Совѣтъ собирался очень часто, и императоръ часто бывалъ на его засѣданіяхъ [3]. Но постепенно борьба, которая возгорѣлась между сильными персонами, до такой степени отвлекла вниманіе всѣхъ, что государственныя дѣла отошли на второй планъ и министры стали очень лѣниво посѣщать Совѣтъ [4]. Императоръ, все болѣе поддававшійся вліянію Долгорукихъ, проводилъ дни въ забавахъ и развлеченіяхъ и потерялъ вкусъ къ дѣламъ [5]. Министры хотѣли помочь горю и настоятельно просили монарха

[1] Тамъ же, т. XV, стр. 377.

[2] Восемнадцатый вѣкъ Бартенева, ч. II, стр. 30.

[3] Онъ посѣтилъ Верховный Тайный Совѣтъ 8, 9, 10 и 18 сент. (См. т. LXIX, стр. 270, 271, 274, 276).

[4] Въ сентябрѣ было 22 засѣданія, въ октябрѣ 20, въ ноябрѣ всего 11, въ декабрѣ 5, въ январѣ 6.

[5] Несмотря на заботы и доброе расположеніе Остермана, царь дѣйствуетъ, слѣдуя своимъ собственнымъ влеченіямъ, отчего всѣ дѣла идутъ хуже (т. V, стр. 505).

чаще посѣщать ихъ совѣщанія. 17 ноября Петръ явился въ Верховный Тайный Совѣтъ и обѣщался исполнить ихъ просьбу [1], но обѣщанія своего не сдержалъ, и эта попытка министровъ вдохнуть жизнь въ замиравшее учрежденіе не удалась: дѣла продолжали идти вяло, засѣданія становились все рѣже и безсодержательнѣе и грозили полнымъ застоемъ. „Все коснѣетъ, пишетъ Лефортъ 18 (29) ноября [2],—страждетъ и едва между всѣмъ этимъ является Остерманъ, намѣренія котораго хороши, но который не можетъ поспѣть".

Между тѣмъ соперничество сильныхъ персонъ и ихъ взаимная вражда становились все напряженнѣе. Всѣ чувствовали, что такое положеніе не можетъ продолжаться, всѣ ожидали кризиса и всѣ думали, что онъ наступитъ въ Москвѣ, гдѣ императоръ возложитъ на себя корону, распредѣлитъ роли между вельможами и своимъ властнымъ словомъ укажетъ каждому свое мѣсто. И въ ожиданіи этой развязки, никто не хотѣлъ браться за государственныя дѣла и всѣ предоставляли ихъ своему естественному теченію. „Стыдно смотрѣть, пишетъ Лефортъ 23 декабря (3 января),—какъ все дѣлается. Остерманъ ни за что не хочетъ взяться, тѣмъ болѣе другіе. Все откладывается до Москвы, но я сомнѣваюсь, чтобы дѣла пошли тамъ лучше, нежели здѣсь".

И Лефортъ оказался правъ: дѣла не пошли лучше въ Москвѣ, и Верховному Тайному Совѣту не суждено было возродиться къ новой жизни и вернуть себѣ то значеніе, которое онъ имѣлъ при Екатеринѣ...

Глава IV.

Фавориты Петра II.

I. Князь Иванъ Долгорукій и его отношенія къ Петру II.

Пока дворъ жилъ въ Петербургѣ, кн. Долгорукіе стояли въ сторонѣ отъ правительственныхъ сферъ и никакихъ административныхъ должностей не занимали. Съ переходомъ же царя въ Москву картина мѣняется: два Долгорукихъ, князь Алексѣй Григорьевичъ и князь Василій Лукичъ, назначаются членами В. Т. Совѣта; возвышается въ чинахъ и царскій любимецъ кн. Иванъ: императоръ возводитъ его въ оберъ-камергеры и жалуетъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго.

---

[1] Т. LXIX, стр. 766.

[2] Т. V, стр. 509.

Посмотримъ же, какая роль выпала на долю Долгорукихъ въ послѣдніе два года царствованія Петра II, на чемъ основывалась ихъ сила и въ чемъ выразилось ихъ вліяніе?

Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, любимецъ царя, теперь первый человѣкъ въ государствѣ. Онъ силенъ своею близостью къ Петру. Императоръ безразлученъ съ нимъ, онъ его обожаетъ, онъ безъ него жить не можетъ. „Особеннымъ расположеніемъ его величества“, пишетъ Рондо 7 (18) августа 1728 г., „въ настоящее время пользуется князь Долгорукій, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати. Съ нимъ государь проводитъ дни и ночи, онъ единственный непремѣнный участникъ всѣхъ, очень частыхъ разгульныхъ похожденій императора [1]“.

„Расположеніе царя къ князю Ивану таково“, говоритъ де-Лиріа 25 іюля (5 августа) 1728 г., „что царь не можетъ быть безъ него ни одной минуты; когда на-дняхъ его ушибла лошадь и онъ долженъ былъ лечь въ постель, его царское величество спалъ въ его комнатѣ“ [2]. „Удивительная привязанность царя къ своему фавориту“, восклицаетъ Лефортъ 15 (26) августа 1728 г. „Съ тѣхъ поръ какъ онъ боленъ, государь каждую ночь приходитъ ложиться подлѣ его постели на полу [3]“.

Князь Иванъ не могъ обворожить молодого царя ни высокими качествами своей души, ни дарованіями своего ума, которыя были самыми заурядными. Императоръ просто дорожилъ имъ какъ разбитнымъ и веселымъ товарищемъ, въ обществѣ котораго онъ чувствовалъ себя пріятно и непринужденно. На него всѣ и смотрѣли, какъ на царскаго забавника: по словамъ Рондо, онъ состоялъ при государѣ, „какъ бы главнымъ образомъ для развлеченія [4]“.

Но эти развлеченія очень скоро извращаются въ грубое распутство, которое и нарушаетъ добрыя отношенія между товарищами и служитъ причиной ихъ взаимнаго охлажденія. По мѣрѣ того какъ новые пріятели, окруженные придворными льстецами, росли безъ надзора и руководства, и все болѣе предавались безшабашному веселью, ихъ юношескія забавы постепенно утрачиваютъ свой невинный и безобидный характеръ, игры и забавы смѣняются попойками и ночными приключеніями, и веселыя товарищескія бесѣды уступаютъ мѣсто безпробудному ку-

---

[1] T. YXVI, стр. 4.

[2] Восемнадцатый вѣкъ, Бартеньева, ч. II, стр. 62.

[3] T. V, стр. 310.

[4] T. LXVI, стр. 44.

тежу. „Молодой царь“, пишетъ Лефортъ 21 мая (1 апрѣля) 1728 г., „предается своимъ удовольствіямъ и часто проводитъ цѣлыя ночи Богъ знаетъ гдѣ. Не знаю, что онъ творитъ, но есть поводъ думать, что онъ не теряетъ своего времени [1]“.

„Охота“, говоритъ Рондо, „господствующая страсть царя; о нѣкоторыхъ же другихъ страстяхъ“, прибавляетъ онъ, „упоминать неудобно [2]“. „Поведеніе царя“, по словамъ де-Лиріа, „приводитъ въ отчаяніе всѣхъ, желающихъ ему добра, потому что кромѣ того, что онъ рискуетъ повредить своимъ дѣламъ, онъ въ большой опасности для своего здоровья по причинѣ въ высшей степени безпорядочной и утомительной жизни, какую онъ ведетъ здѣсь. Баронъ Остерманъ въ отчаяніи и не въ состояніи помочь этому [3]“.

Не зная серьезнаго труда, весь отдавшись удовольствіямъ и безпорядочнымъ развлеченіямъ, интересы царя мельчали, его нравственное чувство притуплялось, его умственный кругозоръ суживался. „Вблизи царя“, говоритъ Рондо, „нѣтъ ни одного человѣка, способнаго внушить ему надлежащія необходимыя свѣдѣнія по государственному управленію, ни малѣйшая доля его досуговъ не посвящается совершенствованію его въ познаніи гражданской и военной дисциплины. Часы, свободные отъ верховой ѣзды, охоты, развлеченій, проходятъ въ слушаніи пустыхъ росказней о томъ, что случилось съ такимъ-то или такимъ-то. Природа, правда, его не обидѣла, но и лучшая почва остается безплодною, если къ ея обработкѣ не приложить хотя бы нѣкотораго труда [4]“. „Царь“, пишетъ Лефортъ, „только участвуетъ въ разговорахъ о собакахъ, о лошадяхъ, объ охотѣ, слушаетъ всякій вздоръ, хочетъ жить въ сельскомъ уединеніи, а о чемъ-нибудь другомъ и знать не хочетъ. Преданный совершенно своимъ страстямъ, онъ не слушается никакихъ совѣтовъ [5]“. Постоянныя развлеченія безъ просвѣта и сплошныя удовольствія безъ роздыха утомляютъ царя, пресыщаютъ его, наводятъ на него скуку и равнодушіе ко всему. Ничего не въ состояніи болѣе не заинтересовать его, ни оживить. „Богъ знаетъ“, восклицаетъ Лефортъ, „что онъ любитъ. Онъ становится

---

[1] Тамъ же, т. V, стр. 304.
[2] Тамъ же т. LXVI, стр. 4.
[3] Восемнадцатый вѣкъ, Бартеньева, ч. II, стр. 153.
[4] Тамъ же, т. LXVI, стр. 56.
[5] Тамъ же, т. V, стр. 316.

равнодушнымъ ко всему, кромѣ охоты [1]". Но и охота скоро пріѣдается ему. „Царю не понравилось", разсказываетъ Лефортъ въ письмѣ отъ 10 (21) ноября „общество дочерей Долгорукихъ, куда его, усталаго и соскучившагося охотой, тянули, несмотря на его зубную боль; это отвращеніе дошло до того, что третьяго дня при въѣздѣ сюда онъ роздалъ всѣмъ желающимъ большую часть своихъ собакъ, посылая охоту ко всѣмъ чертямъ и употребляя бранныя слова, относящіяся къ подстрекателямъ. Сколько разъ оставлялъ онъ охоту и возвращался одинъ на привалъ [2]".

Еще болѣе опускался и грубѣлъ молодой Долгорукій. Развратъ его дѣлаетъ такіе успѣхи, что онъ удаляется отъ царя, чтобы въ болѣе тѣсной и въ менѣе взыскательной компаніи предаваться дикому разгулу. „Поведеніе молодого Долгорукаго", пишетъ Лефортъ, „непонятно... развлеченія замѣнили трудъ и нравы совершенно развращены, часть дня онъ проводитъ вдали отъ царя... Большую часть дня проводятъ въ веселіяхъ, покровительствуемыхъ Венерой и Бахусомъ, и не смыкаютъ глазъ до выхода царя, который часто встаетъ, когда фаворитъ ложится спать [3]".

Медовый мѣсяцъ товарищескихъ отношеній между царемъ и его любимцемъ, такимъ образомъ, былъ пережитъ. Вмѣстѣ выпитая до дна чаша удовольствія оставила по себѣ горькую привкусицу. Они взаимно охладѣли и стали подчасъ избѣгать другъ друга. Это взаимное охлажденіе отмѣчаетъ и Маньянъ въ своемъ письмѣ отъ 30 января (10 февраля) 1729 г. говоря, что фаворитъ въ отношеніи къ царю ведетъ себя такъ небрежно, что тѣ, которые имѣютъ интересъ желать продленія къ нему царской милости начинаютъ опасаться, какъ бы онъ скоро не утратилъ ея [4]. Этотъ интересъ имѣлъ между прочимъ и герцогъ де-Лиріа, пріятель князя Ивана. Онъ и старался уговорить своего друга измѣнить свое поведеніе. „Но", пишетъ онъ, „нѣтъ средствъ убѣдить его держать себя ближе къ царю". „Я по-дружески", продолжаетъ онъ, „не разъ говорилъ ему объ этомъ, но онъ всегда отвѣчаетъ мнѣ, что онъ не ѣздитъ за городъ съ государемъ просто потому, что не хочетъ быть свидѣтелемъ глу-

---

[1] Тамъ же, т. V, стр. 324.
[2] Тамъ же, т. V, стр. 332.
[3] Тамъ же, т. V.
[4] Тамъ же, т. LXXV, стр. 314.

постей, которыя заставляютъ его дѣлать, и тѣхъ наглостей, съ которыми относятся къ царю его сопровождающіе. Но ясно, что онъ не сопутствуетъ царю, чтобы во время царскихъ выѣздовъ наединѣ предаваться собственнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ". „Понятно", говоритъ де-Лиріа въ томъ же письмѣ, „что не станетъ дѣло за людьми, которые постараются погубить его фаворита, разсказавъ царю объ его дурной жизни [1]". Такіе люди, дѣйствительно, нашлись, и это было естественно; но что было менѣе понятно, это-то, что первымъ среди этихъ людей выступилъ отецъ фаворита. И эта недостойная роль отца, интриговавшаго противъ роднаго сына, наводитъ де-Лиріа на грустныя размышленія о томъ упадкѣ нравовъ, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть. „Я долженъ сказать вамъ", замѣчаетъ онъ, „что здѣсь никто не хочетъ знать никакого закона, каждый добивается своей цѣли и для достиженія ея пожертвуетъ отцомъ, матерью, дѣтьми, родными и друзьями. Князь Алексѣй, не любившій своего старшаго сына, который не хотѣлъ быть нѣмымъ орудіемъ честолюбивыхъ плановъ отца и нерѣдко становился въ противорѣчіе съ его желаніями, воспользовался его поведеніемъ, чтобы зачернить его въ глазахъ царя и выдвинуть на его мѣсто своего втораго сына Николая". По свидѣтельству де-Лиріа, онъ уводилъ каждый день царя за городъ съ цѣлью удалить отъ него сына Ивана и ввести въ милость царя своего любимца Николая [2]. И эта его интрига ему удалась. „Царь", пишетъ Маньянъ 21 августа (1 сентября) 1728 г., „какъ замѣчаютъ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, начинаетъ терять свое первоначальное расположеніе къ князю Ивану, главнымъ образомъ съ тѣхъ поръ, какъ небрежность и недостаточная приверженность фаворита къ особѣ его царскаго величества дала возможность царю завязать дружбу съ младшимъ братомъ того же фаворита, который имѣетъ возрастъ болѣе подходящій къ возрасту царя и во внутреннихъ свойствахъ котораго этотъ государь найдетъ болѣе преимуществъ: онъ несравненно умнѣе своего старшаго брата [3]".

Фаворъ князя Ивана во вторую половину царствованія Петра II, такимъ образомъ, значительно ослабѣлъ и его вліяніе на монарха замѣтно пошатнулось.

---

[1] Восемнадцатый вѣкъ, изд. Бартеньева, ч. II, стр. 158.

[2] Тамъ же, стр. 157, 158.

[3] Тамъ же, т. LXXV, стр. 379, 380.

Но это вліяніе и тогда, когда оно стояло на своей высшей точкѣ, никогда политическаго вѣса не имѣло. Князь Иванъ не могъ авторитетно вмѣшиваться въ правительственныя дѣла, въ которыхъ онъ не только ничего не смыслилъ, но къ которымъ уже по своему возрасту и по своимъ наклонностямъ никакого пристрастія не питалъ. Какъ близкій къ императору человѣкъ, онъ могъ, внимая чужой просьбѣ, выступать ходатаемъ по тому или другому дѣлу, служить посредникомъ между царемъ и тѣмъ или другимъ министромъ, поддержать просьбу того или другаго лица, но дальше его участіе въ государственныхъ дѣлахъ не шло, во всякомъ случаѣ самостоятельной роли онъ въ нихъ никогда не игралъ. „Фаворитъ“, говоритъ Лефортъ, „не стоитъ на своихъ ногахъ, умомъ и сужденіями его руководитъ Остерманъ [1]“. „Я ничего не слыхалъ о томъ“, пишетъ Маньянъ, „чтобы князь Долгоруковъ, царскій любимецъ, имѣлъ бы какое-либо назначеніе при своемъ возвращеніи въ Петербургъ; это противорѣчило бы его собственнымъ желаніямъ и склонностямъ, не выходящимъ повидимому за предѣлы развлеченій молодого Государя, гдѣ онъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Вдобавокъ умственныя способности у этого временщика, говорятъ, посредственныя и недостаточно живыя, такъ что онъ мало способенъ самъ по себѣ внушить царю великія мысли [2]“. „Этотъ князь не имѣетъ ни достаточной опытности въ дѣлахъ, ни дарованія, чтобы преодолѣть препятствія, встрѣчаемыя имъ со стороны Остермана всякій разъ, какъ онъ вмѣшивается въ дѣла, подвѣдомственныя всецѣло министерству. Вотъ также одна изъ причинъ, что значеніе молодого князя при дворѣ оказывается лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ интригахъ, имѣющихъ отношеніе только къ личнымъ милостямъ молодого царя [3]“.

II. Князь Алексѣй Долгорукій и его брачный проэктъ.

Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, человѣкъ, по словамъ Лиріа, глупый и недальновидный, всецѣло преданный своимъ личнымъ интересамъ и тщеславнымъ планамъ, подобно своему сыну, не заявляетъ притязаній на руководство государственными дѣлами, онъ, какъ и князь Иванъ, имѣлъ значеніе лишь въ „нѣкоторыхъ частныхъ интригахъ, имѣющихъ отноше-

---

[1] Тамъ же, т. V, стр. 334.
[2] Тамъ же, т. LXXV, стр. 245.
[3] Тамъ же, т. LXXV, стр. 122.

ніе только къ личнымъ милостямъ молодого царя". Въ эти интриги князь Алексѣй вкладывалъ всю свою душу, всю свою энергію, все свое умѣніе. И интриги эти имѣли одну цѣль— овладѣть личностью монарха путемъ брака съ его дочерью и этимъ бракомъ упрочить навсегда свое положеніе и обогатить свою семью и почетомъ и матеріальными благами.

Князь Алексѣй, имѣя въ виду эту цѣль, долженъ былъ прежде всего позаботиться о томъ, чтобы устранить отъ царя тѣхъ лицъ, которыя могли помѣшать осуществленію его проекта. Такими лицами были княжны Наталья и Елизавета. Потворствуя разгульной жизни императора, развращая его вкусы и инстинкты, князю Алексѣю удалось отдалить отъ него сестру и ослабить ея благотворное вліяніе на брата. Съ ея смертью, послѣдовавшею 20 ноября 1728 г., отецъ фаворита лишился самаго опаснаго врага, противодѣйствовавшаго его планамъ, и онъ могъ теперь смѣлѣе вести молодого царя, все болѣе грубѣвшаго, по тому пути, который долженъ былъ завлечь его въ заготовленныя сѣти. Предстояло теперь раздѣлаться съ княжной Елизаветой. И для достиженія этой цѣли онъ прибѣгъ къ средствамъ, которыя уже не разъ были испытаны имъ. „Любящіе отечество", говоритъ де-Лиріа, „приходятъ въ отчаяніе, видя, что государь каждое утро, едва одѣвшись, садится въ сани и отправляется въ подмосковную съ княземъ Алексѣемъ, отцомъ фаворита, и съ дежурнымъ камергеромъ и остается тамъ цѣлый день, забавляясь, какъ ребенокъ, и не занимаясь ничѣмъ, что нужно знать великому государю. Мнѣ хорошо извѣстно, что одна изъ главнѣйшихъ цѣлей князя Алексѣя—заставить царя вести такую жизнь, состоитъ въ томъ, чтобы удалить его отъ принцессы Елизаветы [1]". Ему это и удается и чтобы воспользоваться добытыми результатами и не дать въ молодой душѣ зародиться новымъ привязанностямъ, которыя могли бы пойти въ разрѣзъ съ брачнымъ его проектомъ, князь Алексѣй постоянно увозитъ царя изъ Москвы, никого къ нему не допускаетъ и оберегаетъ его отъ всякаго чужого вліянія. „Несмотря на усилія, употреблявшіяся нѣкоторыми изъ царскихъ министровъ съ цѣлью воспрепятствовать задуманной здѣшнимъ государемъ поѣздкѣ", пишетъ Маньянъ 6 (17) марта, „онъ уѣхалъ въ прошлую субботу и вернется сюда лишь подъ конецъ поста, намѣреваясь, охотясь, объѣхать родовыя земли Долгорукихъ, что, по мнѣнію

[1] Восемнадцатый вѣкъ, Бартеньева, ч. II, стр. 157.

многихъ, доказываетъ преобладающее значеніе этого рода, тѣмъ болѣе, что царскій воспитатель и сынъ его почти одни сопровождаютъ государя въ его путешествіи [1]". Объ этомъ путешествіи царя разсказываетъ и Лефортъ 3 (14) марта, прибавляя, однако, характерную подробность, что вслѣдъ за царемъ и его „воспитателемъ" поѣхали и супруга и дочери воспитателя. „Здѣсь всѣ убѣждены", замѣчаетъ Лефортъ въ слѣдующемъ письмѣ отъ 10 (21) марта, „что отъѣздъ княженъ Долгорукихъ завершится бракомъ; между вельможами идутъ сильные толки и не знаю, многіе ли изъ нихъ будутъ чистосердечно этому рады [2]". Только что царь успѣлъ вернуться изъ этой поѣздки, какъ Долгорукіе уже опять увозятъ его на охоту. „Чтобы удержать прежнее значеніе", пишетъ Маньянъ 21 апрѣля (2 мая), „лица изъ рода Долгоруковыхъ, овладѣвшія особой молодого монарха, держатъ его вдали отъ столицы, поддерживая въ немъ страсть къ охотѣ и, какъ говорятъ, царь отправится теперь въ Ростовъ за двѣсти верстъ отсюда, чтобы доставить себѣ любимое развлеченіе, и пробудетъ тамъ до конца іюня мѣсяца [3]". Никто не сомнѣвался въ настоящей цѣли этой поѣздки и слухи о предстоящемъ бракѣ царя съ одною изъ Долгорукихъ становились все упорнѣе. Хотя до сихъ поръ, пишетъ Маньянъ, и незамѣтно еще ничего рѣшительнаго, что касается брака царя съ одною изъ дочерей князя Долгорукаго, тѣмъ не менѣе здѣсь продолжаютъ говорить объ этомъ бракѣ, какъ о замыслѣ, къ которому Долгоруковы прилагаютъ всѣ свои старанія въ это именно время своего преобладающаго значенія при дворѣ [4]. Когда императоръ, проведшій два мѣсяца въ помѣстьяхъ Долгорукихъ въ обществѣ своего воспитателя и его дочерей, вернулся въ Москву, ему не давали здѣсь подолгу засиживаться и постоянно увозили въ окрестности, забавляя его охотой и военными играми. Здѣшній государь, пишетъ Маньянъ 10 (21) іюня, по возвращеніи своемъ изъ продолжительной поѣздки, длившейся въ теченіе мая и іюня мѣсяца, находится теперь, повидимому, въ Москвѣ, т. е. онъ проводитъ иногда ночь, здѣсь однако почти совсѣмъ не живетъ, постоянно уѣзжая въ загородные дворцы, такъ въ настоящее время онъ отправился на нѣсколько недѣль за два лье отъ Мо-

---

[1] Тамъ же, т. LXXV, стр. 324, 325.
[2] Тамъ же, т. V, стр. 323, 324.
[3] Тамъ же, т. LXXV, стр. 339.
[4] Тамъ же, т. LXXV, стр. 347.

сквы [1]. Съ наступленіемъ осени Долгорукіе опять увозятъ своего воспитанника на охоту. „По всей вѣроятности", пишетъ Лефортъ 9 (20) октября, „мы увидимъ царя не ранѣе зимы. Причина этого ясна: князь Алексѣй Долгорукій, сдѣлавшись вторымъ Меншиковымъ, старается не допускать кого бы то ни было говорить съ царемъ, тѣмъ не менѣе заслужить его довѣріе. Носятся слухи, что царь скоро женится на младшей дочери Долгорукова, она начинаетъ ему нравиться тѣмъ болѣе, что отецъ устраиваетъ такъ, что онъ постоянно около нея [2]".

Эти слухи оправдались очень скоро. Императоръ, возвратясь въ Москву, объявилъ 19 ноября о своей помолвкѣ съ княжной Екатериной Долгоруковой.

Цѣль, которую намѣтилъ себѣ князь Алексѣй, достигнута теперь: государь возложитъ на его дочь императорскую корону и облечетъ ее въ царскую порфиру, а онъ, князь Алексѣй, будетъ объявленъ генералиссимусомъ и станетъ подобно Меншикову раздавать награды и сыпать царскими милостями [3].

Но не всѣ Долгорукіе раздѣляютъ восторги князя Алексѣя и его радужныхъ надеждъ на будущее. Фельдмаршалъ Владиміръ Васильевичъ, никогда не одобрявшій этого брака, хмурится и читаетъ наставленія своей племянницѣ [4]. Княжна Екатерина, которая имѣетъ передъ глазами участь первой царской невѣсты и сердце которой не участвовало въ выборѣ отца, боится за свою судьбу и съ тяжелымъ чувствомъ смотритъ въ будущее. Князь Иванъ въ ссорѣ съ сестрой и болѣе чѣмъ когда-либо не въ ладахъ съ отцемъ. По словамъ Лефорта, „видѣнъ разладъ и раздоръ въ этомъ мишурномъ семействѣ. Отецъ терпѣть не можетъ фаворита, невѣста ненавидитъ его, потому что онъ удер-

---

[1] Тамъ же, т. LXXV, стр. 355. Ср. также, т. V, стр. 328.

[2] Тамъ же, т. V, стр. 323. Если князь Долгорукій и его супруга не успѣли въ этомъ дѣлѣ во время отсутствія, то нельзя это приписать недостатку подстрекательствъ, употребляемыхъ ими для убѣжденія царя; многіе изъ ихъ семейства не желаютъ этого брака, но честолюбивая мать не пренебрегаетъ никакими средствами для достиженія своей цѣли (Тамъ же, т. V, стр. 330). Однажды, когда царю въ игрѣ попался фантъ, а заранѣе было условіе, что тотъ, чей фантъ выпется, долженъ будетъ поцѣловать одну изъ Долгорукихъ; царь, видя, что это выпало на его долю, вталъ, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ и до сихъ поръ не возвращается. (Тамъ же, т. V, стр. 332).

[3] Тамъ же, т. V, стр. 334. Т. LXXV, стр. 355.

[4] Тамъ же, т. LXXV.

живаетъ у себя драгоцѣнныя вещи великой княжны и другіе подарки, данные ей царемъ. Остальные Долгорукіе всѣ направлены противъ нихъ и составляютъ противоположную партію. Однимъ словомъ, въ высшей степени будетъ странно, если буря не произведетъ здѣсь страшныхъ замѣшательствъ [1]". Я думаю, замѣчаетъ Лефортъ въ другомъ мѣстѣ, что только одинъ ихъ отецъ съ удовольствіемъ смотритъ на этотъ бракъ. Царь, морщась, хмурясь, съ большимъ равнодушіемъ соглашается на эти планы [2], готовясь проглотить пилюлю. Удаленный отъ всякаго совѣта, онъ не знаетъ къ кому обратиться. Дочери говорятъ, что если на какую-либо изъ нихъ падетъ жребій быть супругой царя, монастырь положитъ конецъ ихъ величію. Всѣ Долгорукіе съ ужасомъ и страхомъ ожидаютъ этого брака въ той увѣренности, что настанетъ день, когда имъ всѣмъ придется попла-

---

[1] Тамъ же, т. V, стр. 339.

[2] Если отношенія жениха и невѣсты наединѣ не лучше, нежели при всѣхъ, то, признаюсь, ихъ будущее взаимное счастье незавидно. На балу я не видалъ не только, чтобы царь былъ любезно внимателенъ къ своей невѣстѣ, даже и не говорилъ съ ней. По открытіи бала царь пробылъ тамъ нѣсколько минутъ, затѣмъ уѣхалъ и возвратился только въ 10 часовъ. Я не замѣчаю никакой разницы между обращеніемъ царя съ своею невѣстой и княжной Меншиковою; не знаю, правда ли, но на мой взглядъ ни онъ, ни она не желаютъ брака; княжна, говорятъ, влюблена въ другого, но въ кого, неизвѣстно; однимъ словомъ, я никогда не видалъ такихъ холодныхъ отношеній; мнѣ извѣстно, что царь часто былъ побуждаемъ отправляться къ своей невѣстѣ (т. III, стр. 336). Царь не торопится жениться, напротивъ, показываетъ на каждомъ шагу холодность къ своей невѣстѣ; въ понедѣльникъ и вторникъ онъ не былъ у нея и предпочелъ остаться дома (т. III, стр. 337). Съ тѣхъ поръ какъ царь объявилъ себя женихомъ, онъ только два раза былъ у своей невѣсты, а она у него ни разу. Онъ ее даже и не приглашалъ.

Онъ играетъ въ бириби и предпочитаетъ уединеніе веселой игрѣ любви, свѣточъ можетъ быть уже погасъ отъ насыщенія, сердце его занято другимъ. Судя по слухамъ, царь начинаетъ раскаиваться, что онъ предложилъ свою руку Долгорукой. Князь Алексѣй тоже задумался, видя равнодушіе царя къ своей невѣстѣ. Остерманъ теперь часто бываетъ у царя (т. V, стр. 337). Царя настойчиво просили чаще видѣться съ своею невѣстой. Онъ рѣшился исполнить это, чтобы только это не безпокоило его; властвующее семейство остается здѣсь, видя, какъ мало вниманія оказываетъ царь своей невѣстѣ (т, V, стр. 338). Царь начинаетъ свергать съ себя иго. На прошлой недѣлѣ царь уѣхалъ отъ своей свиты и ночью пріѣхалъ къ Остерману, гдѣ разсуждалъ съ нимъ и съ двумя вельможами Верховнаго Тайнаго Совѣта. То же самое сдѣлалъ онъ у в. кн. Елисаветы, которая горько жаловалась на свою несчастную судьбу (т. IV, стр. 338, 339).

титься за эту безумную ставку; однимъ словомъ, этотъ бракъ никому не нравится.

Интрига князя Алексѣя удалась, но она не могла не вызвать всеобщаго негодованія: [1] слишкомъ явны были тѣ цѣли, ради которыхъ устраивался бракъ, слишкомъ некрасивы тѣ средства, которыя при этомъ были пущены въ ходъ. Жалѣли молодого монарха, который палъ жертвой недостойныхъ интригъ честолюбиваго отца и его развратныхъ сообщниковъ, возмущались высокомѣріемъ людей, которые поднялись надъ всѣми такими кривыми путями, предвѣщали имъ судьбу Меншикова и желали имъ ее, какъ достойное возмездіе за все причиненное ими зло. „Эти Долгорукіе“, говоритъ де-Лирія, „идутъ по стопамъ Меншикова и со временемъ будутъ имѣть тотъ же конецъ. Ихъ ненавидятъ всѣ, они не хотятъ расположить къ себѣ никого, и теперь они женятъ царя, можно сказать, силой, злоупотребляя его нѣжнымъ возрастомъ, но достигни его величество пятнадцати, шестнадцати лѣтъ, его вѣрные министры разъяснятъ ему сущность дѣла: тогда онъ не замедлитъ раскаяться въ своей женитьбѣ, и Долгорукіе погибли, а царица, навѣрное, кончитъ монастыремъ [2]“.

III. Бутурлинъ и князь Сергѣй Дмитріевичъ Голицынъ.

Если преобладаніе князей Долгоруковыхъ и ихъ высокомѣріе, не стоявшее ни въ какомъ соотвѣтствіи съ ихъ личными достоинствами и съ ихъ общественными заслугами, вызывало всеобщій ропотъ, то особенно тяжко оно должно было отозваться на князьяхъ Голицыныхъ.

Голицыны, какъ мы видѣли, благодаря своему злосчастному союзу съ Меншиковымъ, были оттерты врагами регента на задній планъ, и царь не скрывалъ своего нерасположенія къ нимъ. И вотъ они пытаются теперь пріобрѣсти монаршія милости путемъ, на который до сего времени не вступали, но идя по которому, ихъ счастливые соперники—Долгорукіе далеко опередѣли ихъ. Они хотятъ дать царю фаворита изъ своей семьи, который сдѣлался бы для нихъ тѣмъ же, что князь Иванъ былъ для Долгорукихъ.

---

[1] Общественное мнѣніе оскорблено этимъ выборомъ и этого не скрываетъ (т. V, стр. 338). Народъ этимъ оскорбленъ и не молчитъ. Я вижу всеобщее неудовольствіе женитьбой царя (т. V, стр. 336).

[2] Восемнадцатый вѣкъ, Бартеньева, ч. II, стр. 199.

И первое время счастье имъ, какъ будто, и улыбнулось. Зять фельдмаршала Голицына Бутурлинъ проникаетъ въ придворныя сферы и пріобрѣтаетъ расположеніе царя. „Теперь", пишетъ де-Лирія, „появляется новый фаворитъ, графъ Бутурлинъ, зять фельдмаршала Голицына. Всѣ враги дома Долгорукихъ стараются ввести его въ милость царю [1]". Объ этомъ новомъ фаворитѣ, выдвинутомъ Голицынными, знаетъ и Лефортъ. „Явился новый любимецъ", пишетъ онъ, „посвященный въ тайны удовольствія монарха, зять фельдмаршала Голицына. Неизвѣстно, можетъ ли это семейство заслужить довѣріе царя [2]". Оказалось, однако, что оно этого не можетъ до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока его исконные враги Долгорукіе оставались въ силѣ. Эти послѣдніе зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы никакіе враждебные элементы не проникали въ ту сферу, въ которой они хотѣли господствовать единовластно. И вотъ уже въ апрѣлѣ 1729 года Долгорукіе выпроваживаютъ Бутурлина въ Украйну. „Начинаютъ слышаться", разсказываетъ Маньянъ, „жалобы со стороны многихъ изъ служащихъ русскихъ офицеровъ на жестокое и высокомѣрное обхожденіе Долгорукихъ, пользующихся своею милостью при дворѣ. Они удаляютъ отъ глазъ царя всѣхъ, кто можетъ внушить имъ какое-нибудь подозрѣніе. Одинъ молодой камергеръ, по имени Бутурлинъ, вошедшій въ довѣріе къ здѣшнему государю, милостями котораго онъ начиналъ уже пользоваться, получилъ неожиданно приказъ отправиться въ украинскую армію и выѣхать въ 24 часа [3]". Вмѣстѣ съ Бутурлинымъ долженъ выѣхать въ Украйну и другой родственникъ Голицыныхъ, сынъ фельдмаршала. „Молодому князю Голицыну", пишетъ Рондо, „который было надѣялся получить назначеніе при дворѣ, дано негласное приказаніе ѣхать въ армію, состоящую подъ начальствомъ его отца, фельдмаршала въ Украйнѣ. И зять фельдмаршала князя Голицына Бутурлинъ отправленъ въ ссылку, что доказываетъ полное владычество Долгорукихъ [4]". Бутурлинъ впалъ въ немилость впрочемъ еще до ссылки въ Украйну, въ августѣ 1728 года. [5] Въ началѣ 1729 года Голицыны дѣлаютъ попытку замѣнить его другимъ любимцемъ изъ своего семей-

---

[1] Восемнадцатый вѣкъ, Бартеньева, ч. II, стр. 35, ср. также стр. 45.
[2] С. Р. И. О. т. V, стр. 296.
[3] Тамъ же, т. LXXV, стр. 338.
[4] Тамъ же, т. LXVI, стр. 50.
[5] Восемнадцатый вѣкъ, ч. II, стр. 103.

ства, а именно сыномъ князя Дмитрія Михайловича, княземъ Сергіемъ Голицынымъ. Первое время это имъ и удается настолько, что въ возрастающемъ фаворѣ молодого князя Голицына уже начинаютъ видѣть серьезную опасность для Долгоруких. „Князь Голицынъ", пишетъ де Лиріа 10 (21) февраля, „котораго вы знаете по Испаніи и который здѣсь камергеромъ, нравится царю больше другихъ: онъ изъ дома, который всегда находился во враждѣ съ Долгоруковыми; онъ уменъ, а отецъ его одаренъ отличными способностями и человѣкъ очень рѣшительный. Если Голицынъ войдетъ въ милость царя и сдѣлается его фаворитомъ, домъ Долгоруких тогда погибъ; въ правительствѣ должна произойти совершенная революція и всѣ иностранцы считать себя погибшими, потому что вообще всѣ Голицыны ненавидятъ ихъ [1]". Но эта „революція" Голицынымъ не удалась. Уже 19 сентября того же года де-Лиріа сообщаетъ, что Долгорукіе добились удаленія Голицына отъ царя. „Князь Куракинъ", пишетъ де-Лиріа, „былъ уже назначенъ посланникомъ въ Берлинъ и располагалъ было туда отправиться, но вдругъ назначеніе перемѣнили и посланникомъ въ Берлинъ назначили князя Сергія Голицына, который былъ при нашемъ дворѣ... Почти всѣ думаютъ, что это не только значитъ то, что Долгорукіе, недолюбливающіе Куракина, сыграли съ нимъ эту штуку, но и то, что они сдѣлали это для упроченія своего вліянія, потому что они начали бояться, чтобъ имъ не повредилъ князь Голицынъ, который по своей должности камергера, былъ постоянно съ царемъ, весьма полюбившимъ его. И Голицынъ дѣйствительно имѣетъ способность внушить къ себѣ любовь. Я еще не могъ узнать, какъ принялъ это назначеніе кн. Дмитрій Голицынъ, его отецъ, потому что я увѣренъ, онъ ни о чемъ больше не думалъ, какъ чтобъ имѣть своего сына вблизи царя, дабы наблюдать дѣйствія Долгорукихъ, которыхъ власть съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Какъ меня увѣряли нѣсколько дней тому назадъ, они предлагали князю Сергію Голицыну, не угодно ли де ему будетъ, они предложатъ его царскому величеству назначить его генералъ-губернаторомъ всей Сибири. Онъ отвѣчалъ, что ничего не желаетъ, какъ быть у ногъ своего государя. Теперь онъ этого отвѣчать не могъ, потому что царь сказалъ ему, что онъ любитъ его и не хотѣлъ бы разлучиться

[1] Тамъ же, стр. 157.

съ нимъ, но онъ нуженъ при Берлинскомъ дворѣ. Я не сомнѣваюсь, что эти учтивыя выраженія внушены царю княземъ Алексѣемъ, чего бы онъ не сдѣлалъ, если бы дѣйствительно, какъ говорятъ, не замѣтилъ бы въ царѣ нѣжнаго расположенія къ Голицыну [1]".

Если Долгорукимъ такъ легко удавалось устранять Голицыныхъ изъ сферы своего вліянія, то объясняется это не только ихъ близостью къ царю, но и тѣмъ, что къ Голицынымъ, какъ союзникамъ Меншикова, продолжали относиться съ большимъ недовѣріемъ. Хотя павшій регентъ уже давно томился въ ссылкѣ, его тѣмъ не менѣе продолжали бояться: знали, что онъ имѣетъ еще сильныхъ приверженцевъ, которые желали его возвращенія къ власти, и что между этими приверженцами были и такіе сильные люди, какъ Голицыны. „Меншиковъ", пишетъ де-Лирія, „въ самомъ дѣлѣ имѣетъ большую партію при дворѣ, не только между иностранцами, но и между русскими, даже между министрами, каковы Голицыны и враги Остермана [2]". „Недовѣріе къ Голицынымъ получило новую пищу, когда появилось подметное письмо, говорившее о необходимости вернуть Меншикова. Въ составленіи этого письма, по словамъ Лефорта, подозрѣвали Голицыныхъ, ревностныхъ, замѣчастъ онъ, приверженцевъ Меншикова [3]".

Понятно, что пока такія обвиненія могли взводиться на Голицыныхъ, до тѣхъ поръ ихъ непримиримые враги Долгоруковы должны были безспорно главенствовать, они же были осуждены на полное безсиліе и не могли надѣяться вернуть себѣ свое прежнее положеніе.

Глава V.

Остерманъ и Верховный Тайный Совѣтъ въ послѣдніе два года царствованія Петра II.

I. Остерманъ.

Въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 3 февраля 1728 года изображено:

„По указу, написанному собственною императорскаго величества рукой, повелѣно въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ быть

---

[1] Тамъ же, стр. 191, 195.

[2] Тамъ же, стр. 64.

[3] T. V, стр. 305. T. LXXV, стр. 178.

членами: дѣйствительному тайному совѣтнику князю Василію Долгорукову, да князю Долгорукову и о пожалованіи его въ дѣйствительные тайные совѣтники (сіе выписано изъ онаго именнаго указа) [1].

Съ этого времени Верховный Тайный Совѣтъ состоялъ опять изъ шести членовъ, которыми являются Апраксинъ, Головкинъ, кн. Голицынъ, Остерманъ и два Долгорукихъ, Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ. Если при дворѣ преобладающее значеніе имѣлъ князь Алексѣй Долгорукій, то въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ первенствующая роль безспорно принадлежала Остерману.

По единодушному отзыву современниковъ, онъ былъ единственный министръ, смыслившій въ государственныхъ дѣлахъ, умѣвшій и хотѣвшій ими заниматься. „Единственный дѣловой человѣкъ“, говоритъ Рондо, „Остерманъ и онъ заваленъ работой. Человѣкъ, по природѣ любящій свободную и откровенную бесѣду—общество, онъ вѣчно погруженъ въ текущія дѣла, даже въ рѣдкіе часы досуга [2]“. „Всѣми дѣлами занимается исключительно Остерманъ, и онъ сумѣлъ сдѣлаться настолько необходимымъ, что безъ него русскій дворъ не можетъ сдѣлать ни шагу [3]“. Баронъ Остерманъ, вполнѣ руководящій иностранными отношеніями (хотя онъ собственно президентъ коммерцъ-коллегіи) одинъ изъ всѣхъ министровъ что-нибудь понимаетъ въ нихъ [4]. Безъ него въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ ничего не рѣшалось и когда Остерманъ почему-либо уклонялся отъ дѣла и притворялся больнымъ, остальные члены были совершенно безпомощны. „Когда ему неугодно явиться въ засѣданіе“, разсказываетъ Рондо, „онъ сказывается больнымъ, а разъ барона Остермана нѣтъ, оба Долгорукіе, адмиралъ Апраксинъ, графъ Головкинъ и князь Голицынъ въ затрудненіи, они посидятъ немного, выпьютъ по стаканчику и принуждены разойтись, затѣмъ ухаживаютъ за барономъ, чтобы разогнать дурное расположеніе его духа, и онъ такимъ образомъ заставляетъ ихъ соглашаться съ собою во всемъ, что пожелаетъ [5]“. Это характерное показаніе Рондо вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Перечитывая журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта за

[1] С. Р. И. О., т. LXIX, стр. 87.
[2] Тамъ же, т. LXVI, стр. 56.
[3] Тамъ же, т. LXVI, стр. 68.
[4] Тамъ же, т. LXVI, стр. 47.
[5] Тамъ же, т. LXVI, стр. 18.

этотъ періодъ времени, мы вездѣ видимъ на первомъ планѣ Остермана. То онъ даетъ то или другое распоряженіе [1], то

---

[1] Журналъ 28 марта 1728 г.: изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта ѣздилъ къ вице-канцлеру барону Остерману тайный совѣтникъ Василій Степановъ съ слѣдующими дѣлами: приказалъ камни, отобранные въ Сибирскомъ приказѣ ради государыни царицы Евдокіи Ѳеодоровны, отдать Ивану Измайлову съ роспиской (т. LXXV, стр. 240, 241). Журналъ 5 мая того же года. Баронъ Андрей Ивановичъ приказалъ с. с. А. Маслову ихъ сіятельствамъ господамъ министрамъ объявить... и при томъ отъ его превосходительства приказано (тамъ же, стр 338). Журналъ 28 мая того же года. Онъ же привелъ колодника Алексѣя Протопопова и объявилъ приказомъ барона А. И. Остермана, чтобы его до времени содержать подъ карауломъ и давать кормовыхъ по гривнѣ въ день (тамъ же, стр. 397). Журналъ 4 іюня того же года: по выходѣ гг. министровъ отъ барона А. И. приходилъ протоколистъ Сергѣй Семеновъ съ такимъ приказомъ, чтобы по дѣлу Волоскаго господаря князя Кантемира дѣтей съ мачихой указовъ изъ Сената не отпускали (тамъ же, стр. 412). Журналъ 28 іюня того же года. Петръ Курбатовъ докладывалъ, что баронъ А. И. приказалъ донесть гг. министрамъ, тако жъ объявить генераламъ... чтобъ завтра изволили быть пополудни въ 5-мъ часу на Головинскій дворъ (тамъ же, стр. 545). Журналъ 8 іюня того же года. По письму барона А. И. о пожалованіи Поспѣлова барономъ послать указы. Приказъ барона А. И. объявилъ С. Семеновъ, чтобы по прошенію Никифорова-Руевича послать на дворъ капитана... секретаря съ пристойнымъ числомъ солдать и у того капитана въ домѣ пожитки его и письма Никифоровы забрать въ Верховный Тайный Совѣтъ и его, Никифорова, содержать подъ арестомъ, а какое о томъ слѣдствіе надлежитъ, то предложитъ баронъ А. И. самъ (т. LXXXIV, стр. 49). Журналъ 9 іюня того же года. Въ небытность въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ собраніи господъ присутствующихъ министровъ иностранной коллегіи протоколистъ С. Семеновъ объявилъ присланную отъ д. т. с. и кавалера барона А. И. Остермана копію съ указа изъ Сената въ каморъ-коллегію объ отдачѣ Аннѣ Іоанновнѣ, дочери Краморовой... деревни Ювалы... съ такою кондиціей, чтобы въ казну ей платить погодно изъ тѣхъ доходовъ по двѣ тысячи рублей въ каморъ-коллегію и при томъ приказъ онаго барона Андрея Ивановича, чтобы тѣ деньги платить ей въ дворцовую канцелярію, а не въ каморъ-коллегію... И по тому объявленію о платежѣ тѣхъ денегъ въ дворцовую канцелярію, а въ каморъ-коллегію для вѣдома указы посланы (тамъ же, стр. 52 и 53). Журналъ 15 іюня того же года. С. Семеновъ объявилъ приказъ барона А. И., чтобы министрамъ представить: чтобъ по челобитной Петра Шафирова изволитъ дать чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, такожъ и дворъ петербургскій каменный... о дачѣ двора духовнику ежели возможно, который былъ Бориса Иванова, извѣстнаго архимандрита, чтобы представилъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, чтобы по челобитной Анны Головиной дѣло въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсмотрѣть (тамъ же, стр. 56, 57). Журналъ 18 іюня того же года. Въ небытность гг. министровъ приказъ д. т. с. и кавалера барона Остермана объявилъ иностранной коллегіи

онъ объявляетъ указы императора [1], то дѣлаетъ ему доклады [2], то извѣщаетъ о постановленной государемъ резолю-

протоколистъ Сергѣй Семеновъ, чтобы для покупки лошадей въ Алатырской провинціи посланному маіору Ивану Бахметьеву ко вспомоществованію отданы были арзамасскіе помѣщики (такіе-то), да изъ Нижняго съ денежною казной данъ былъ подъячій. По посылкѣ о томъ въ Арзамасскую провинцію и въ Нижегородскую губернію изъ Сената приказано сенатскому секретарю Михаилу Владимировичу того жъ числа (тамъ же, стр. 142). Журналъ 23 іюня того же года. Отдалъ баронъ реестры, что взято отъ Плещеева изъ Меншикова вещей во дворецъ и приказалъ справиться, сходно ль съ запиской (тамъ же, стр. 207). Журналъ 11 октября того же года. Статскій совѣтникъ Аникимъ Масловъ д. т. с. барону А. И. Остерману въ слободскомъ домѣ объявлялъ привиллегію, вписанную рижскому магистрату, которая написана для подписанія Его Императорскому Величеству... и его превосходительство ту привиллегію апробовалъ и велѣлъ объявить депутату Каспарію (тамъ же, стр. 555, 556). Журналъ 28 октября того же года. Допущенъ былъ присланный отъ барона А. И. Остермана иностранной коллегіи протоколистъ С. Семеновъ и доносилъ, что его превосходительство баронъ А. И. присланный къ нему изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта генерала фонъ-Миниха планъ или проектъ о погребеніи тѣла ея высочества государыни цесаревны Анны Петровны разсматривалъ и что можетъ быть оставлено изволилъ отмѣчать, а о прочемъ приказалъ донесть, чтобы объ отправленіи онаго къ означенному генералу Миниху, такожъ и о дачѣ денегъ повелѣно было послать указы (тамъ же, стр. 578). Журналъ 23 декабря того же года. Онъ же баронскимъ приказомъ напоминалъ о жалованьѣ князя Василія Владиміровича (тамъ же, стр. 711). Журналъ 3 февраля 1729 года. По выходѣ гг. министровъ прибылъ въ Верховный Тайный Совѣтъ и баронъ А. И. Остерманъ и изволилъ приказывать... къ Арцыбашеву послать указъ, чтобы вотчины государыни великой княжны со всѣми доходы и наличную денежную и прочую казну и припасы, и приходныя и расходныя книги отдать въ дворцовую канцелярію (XLIV, стр. 100). Журналъ 28 февраля того же года. С. Семеновъ объявилъ приказъ барона А. И. Остермана, чтобы послать къ Сибирскому воеводѣ указъ, дабы получаемыя письма гвардіи Московскаго баталіона отъ сержанта Степана Венгерова онъ принималъ и немедленно къ двору отправлялъ и о томъ докладывано гг. министрамъ. Приказали указъ записать (тамъ же, стр. 198, 199). Журналъ 14 мая того же года). Баронъ А. И. приказалъ записать указъ, чтобы маіору Каркетелю, да капитану Роппу жалованье давать иноземческое (тамъ же, стр. 585).

[1] Т. LXXIX, стр. 235, т. LXXXIV, стр. 8, 49, 123, 238, 553, 645, 711; т. XCIV, стр. 78.

[2] Журналъ 2 мая 1728 г. Потомъ на общее разсужденіе донесено, быть ли мая въ 7 числѣ, то-есть когда государь императоръ изволилъ вступить на престолъ. На то его превосходительство объявилъ, что онъ о томъ будетъ писать его императорскому величеству и не изволитъ ли къ тому числу къ Москвѣ возвратиться (т. LXXIX, стр. 321). Журналъ 4 сентября того же года. Посланъ къ барону А. И. Остерману оберъ-секретарь

ціи [1], то предлагаетъ разсмотрѣть такое-то дѣло [2], то внесетъ тѣ или другія поправки или дополненія къ протоколамъ и докладамъ, изготовленнымъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ [3]. Безъ Остермана остальные вельможи Верховнаго Тайнаго Совѣта неохотно вершили дѣла и обсужденіе даже маловажныхъ вопросовъ нерѣдко откладывали до его прихода [4].

Случалось, что предупреждали его о предстоящемъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсматриваніи дѣла и приглашали его пріѣхать [5] или же послѣ засѣданія отправлялись къ нему на домъ [6].

Положеніе Остермана въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ это время напоминаетъ съ внѣшней стороны отношеніе Меншикова къ этому учрежденію, по существу же между положеніемъ Остермана въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ царствованіе Петра и той ролью, которую игралъ въ немъ свѣтлѣйшій князь въ первые четыре мѣсяца послѣ смерти Екатерины, нѣтъ ничего общаго.

Остерманъ не хотѣлъ, да и не умѣлъ быть Меншиковымъ. Онъ ни по своему характеру, ни по своему умственному складу

Матвѣй Козьминъ и велѣно ему тое записку барону объявить и просить, чтобы изволилъ о томъ доложить императорскому величеству (т. LXXXIV, стр. 492). Журналъ 13 мая 1724 г. По приказу гг. министровъ приказано ст. с. Анисиму Маслову барону А. И. Остерману объявить два доклада его императорскому величеству (т. XLIV, стр. 532). См. примѣч. 3.

[1] Журналъ 20 іюня 1729 г. баронъ А. И. пришелъ и отдалъ докладъ о военной коммиссіи, на которомъ подписано его величества собственноручною рукой быть по тому и при томъ представлялъ, что въ той коммиссіи опредѣлено будетъ, о томъ его величество указалъ докладывать его величеству (т. XLIV, стр. 781).

[2] Журналъ 23 февраля 1728 г. Реестръ слушанъ, дѣланный у барона Андрея Ивановича о повышеніи чиновъ (т. LXXIX, стр. 163). Журналъ 14 мая 1728 г. По его жъ, барона Андрея Ивановича, представленію разсужденіе было (тамъ же, стр. 335). Журналъ 23 мая того же года. Баронъ А. И. приказалъ министрамъ свое разсужденіе объявить (тамъ же, стр. 351). Во дворецъ по представленію барона отпустить изъ камеръ-коллегіи 100,000 руб. (т. LXXXIV, стр. 389; ср. также XLIV, стр. 496, 532).

[3] Т. LXXXIV, стр. 688; т. XLIV, стр. 164, 429 и др.

[4] Журналъ 5 іюня 1728 г. Порохъ ежели казенный издержанъ... однакожъ отложить до барона Андрея Ивановича (т. XXCIX, стр. 414).

[5] Журналъ 22 іюня 1728 г. Послать къ барону Андрею Ивановичу, чтобы завтра въ Верховный Тайный Совѣтъ изволилъ пріѣхать для слушанія черкасскихъ дѣлъ (т. XXCIV, стр. 146).

[6] Журналъ 27 ноября 1728 г. Потомъ изволили итти во дворецъ къ барону Андрею Ивановичу и оттуда разъѣхались въ домы свои (т. XXCIV, стр. 665).

не былъ способенъ къ самостоятельной политической роли. Это былъ толковый и энергичный администраторъ, умѣвшій поддерживать правильное и быстрое движеніе правительственнаго механизма, но это не былъ государственный дѣятель, способный указывать политикѣ ея цѣли и вести ее по намѣченному пути твердою и смѣлою рукой. Сила его заключалась не въ нравственномъ мужествѣ, безъ котораго, между тѣмъ, никакая политическая роль немыслима, а, напротивъ, въ хитрости и лукавствѣ, въ умѣньи скрывать свои настоящія намѣренія и сокровенные планы. „Даже враги Остермана“, говоритъ де-Лиріа, „не могутъ упрекнуть его въ томъ, что онъ худо служитъ своему государю, что онъ дастъ ему дурные совѣты, что онъ де дозволяетъ подкупать себя подарками или деньгами. Впрочемъ король нашъ государь пусть не думаетъ, что Остерманъ совершенный человѣкъ: онъ лживъ, для достиженія своей цѣли готовъ на все, религіи онъ не имѣетъ, потому что уже три раза мѣнялъ ее, и чрезвычайно коваренъ [1]“. „Ума и ловкости въ немъ, конечно, отрицать нельзя“, замѣчаетъ Рондо, „но онъ чрезвычайно хитеръ, изворотливъ, лживъ и плутоватъ [2]“. Остерманъ былъ по своей натурѣ трусливъ и робокъ и пробилъ себѣ дорогу не смѣлымъ наступленіемъ съ открытымъ забраломъ, а скромнымъ и вкрадчивымъ поведеніемъ, умѣньемъ угождать сильнымъ людямъ и приноравливать свои цѣли къ ихъ вкусамъ и желаніямъ. „Остерманъ“, по словамъ Рондо, „ведетъ себя покорно, вкрадчиво, низко сгибается и кланяется, что русскими признается высшею вѣжливостью; въ этомъ искусствѣ Остерманъ впрочемъ превосходитъ всѣхъ природныхъ русскихъ [3]“. „Баронъ Остерманъ“, замѣчаетъ тотъ же Рондо, „благодаря своей лицемѣрной скромности и „болѣзненности“ пока въ большой милости... но многіе полагаютъ, что болѣзнь у него по требованію: когда въ Совѣтѣ разбирается какое-нибудь щекотливое дѣло, баронъ увѣренъ въ ея услугахъ [4]“.

У него, замѣчаетъ Лефортъ, есть чрезвычайно непріятная черта въ характерѣ: никогда не давать рѣшительнаго отвѣта на что бы то ни было; я думаю, онъ, право, убѣжденъ, что идя въ бродъ, возможно не замочить ногъ [5].

---

[1] „Восемнадцатый вѣкъ“, ч. II, стр. 33, 34.
[2] С. Р. И. О., т. LXVI, стр. 60.
[3] Тамъ же, т. LXIV, стр. 160.
[4] Тамъ же, т. LXVI, стр. 5.
[5] Тамъ же, т. V, стр. 301.

Понятно, что такой человѣкъ, благодаря своему уму и трудолюбію, могъ сдѣлаться хорошимъ и полезнымъ администраторомъ, но что ему, съ его трусливымъ и двуличнымъ характеромъ, было не по плечу выступить вліятельнымъ государственнымъ дѣятелемъ.

Онъ и не заявлялъ притязаній на самостоятельную роль и довольствовался постомъ дѣловаго министра. И это скромное положеніе ему предоставляли тѣмъ охотнѣе, что остальные министры не отличались ни энергіей, ни любовью къ труду. „Кредитъ Остермана“, говоритъ Маньянъ, „поддерживается лишь его необходимостью для русскихъ, такъ какъ ни одинъ русскій не чувствуетъ себя достаточно трудолюбивымъ, чтобы взять на себя это бремя [1]“.

II. Отношенія Остермана къ Долгорукимъ.

Одно время, однако, Остерману грозила серьезная опасность со стороны Долгорукихъ. Князь Иванъ, знавшій объ стараніяхъ Остермана удалить его отъ царя, и князь Василій Лукичъ, противъ вступленія котораго въ Верховный Тайный Совѣтъ очень усердно интриговалъ баронъ, ненавидѣли его отъ всей души и очень усердно подкапывались подъ него. „Ненависть противъ Остермана“, пишетъ де-Лиріа въ своемъ письмѣ отъ 22 апрѣля (3 мая) 1728 года, „продолжаетъ развиваться съ жестокостью, которую не скрываютъ; особенно это высказываетъ фаворитъ царя, князь Иванъ Долгорукій. И такъ какъ онъ пользуется неограниченною милостью, то онъ дастъ исходъ своему зложелательству при удобномъ случаѣ. Ненависть къ нему иноземцевъ все больше и больше возрастаетъ. Поводовъ къ этому особенныхъ нѣтъ, кромѣ того, что онъ иностранецъ. Хуже всего то, что князь Иванъ Долгорукій объявилъ себя врагомъ Остермана; послѣдній видитъ, что русскіе ищутъ его погибели и начинаетъ заявлять, что онъ хочетъ удалиться и жить частною жизнью [2]. Въ эту критическую для Остермана минуту явился къ нему на выручку совершенно неожиданно новый и сильный союзникъ въ лицѣ фельдмаршала князя Василія Владиміровича Долгорукова.

Князь Василій Владиміровичъ, главнокомандующій русскихъ войскъ на персидской границѣ, получилъ также свою часть въ

---

[1] Восемнадцатый вѣкъ, Бартеньева, ч. II, стр. 45. Т. XV, стр. 397, 398. Т. LXXV, стр. 121, 131, т. V, стр. 307.

[2] „Восемнадцатый вѣкъ“, ч. II, стр. 70.

тѣхъ милостяхъ, которыя, со времени перевода двора въ Москву, посыпались на Долгорукихъ. Въ день коронованія онъ вмѣстѣ съ княземъ Трубецкимъ произведенъ въ фельдмаршалы [1]. Его вызываютъ теперь въ Москву [2] погрѣться на томъ солнышкѣ, которое взошло для Долгорукихъ и такъ ярко имъ свѣтило. Въ іюнѣ онъ пріѣзжаетъ въ Москву [3] и, осмотрѣвшись въ придворныхъ интригахъ и различныхъ политическихъ конъюнктурахъ, рѣшительно становится на сторону Остермана и употребляетъ все свое вліяніе на то, чтобы примирить его съ своими родственниками. Причины, побудившія фельдмаршала къ тому образу дѣйствія, заключались, во-первыхъ, въ сознаніи того, что безъ содѣйствія Остермана правительственная машина безусловно обойтись не можетъ, во-вторыхъ, въ его ненависти къ Шафирову, котораго онъ, какъ своего исконнаго врага, не хотѣлъ допустить до вліятельнаго положенія, а котораго, между тѣмъ, его же родственники намѣтили преемникомъ Остермана [4].

---

[1] С. Р. И. О. т. LXXV, стр. 165, 166.

[2] Тамъ же, т. V, стр. 301, 302.

[3] Тамъ же, т. V, стр. 301, 302. „Восемнадцатый вѣкъ“, ч. II, стр. 92.

[4] Остерманъ, разсказываетъ Маньянъ въ письмѣ отъ 15 (26) августа 1723 г., повидимому гораздо меньше обезпокоенъ интригами своихъ враговъ, которые грозили вполнѣ уничтожить его значеніе при дворѣ, между тѣмъ какъ есть основаніе думать, что онъ его еще усилитъ благодаря мысли, явившейся у фельдмаршала Долгорукаго, авторитетъ котораго теперь преобладаетъ, сблизить тѣснѣйшимъ образомъ своего племянника, царскаго любимца, съ этимъ министромъ, надѣясь, во-первыхъ, что этотъ его племянникъ вынесетъ изъ дружбы и совѣтовъ Остермана очень много полезнаго для поддержанія своей милости при дворѣ, отъ котораго зависитъ и милость ко всему ихъ роду, а во-вторыхъ, чтобы помѣшать такимъ образомъ чрезмѣрному возвышенію Шафирова, такъ какъ фельдмаршалъ страшится его честолюбиваго и предпріимчиваго характера (т. LXXV, стр. 232). Если въ этомъ письмѣ Маньянъ говоритъ о честолюбіи Шафирова, какъ объ одной изъ причинъ, побудившихъ фельдмаршала бороться противъ него въ союзѣ съ Остерманомъ, то въ донесеніи отъ 2 (13) декабря 1728 г. онъ уже прямо указываетъ на личные мотивы ненависти князя Василія Владиміровича къ Шафирову. Что касается до причинъ, заставляющихъ фельдмаршала Долгорукова добросовѣстно служить Остерману, говоритъ онъ, то главная изъ нихъ — личная вражда этого князя къ Шафирову, и такъ какъ и помимо этого происхожденіе этой вражды такого рода, что заслуживаетъ вашего любопытства, то я возьму на себя смѣлость вкратцѣ разсказать объ этомъ случаѣ. Со времени заключенія прутскаго договора Шафировъ оставался съ двумя другими русскими заложникомъ въ Константинополѣ для обезпеченія сдачи Азова, а князь Долгоруковъ, тотъ, который, говорятъ, храбрѣе и способнѣе всѣхъ изъ цѣлаго рода, посовѣтовалъ покойному царю лучше отказаться отъ

Старанія фельдмаршала [1] увѣнчались успѣхомъ, и примиреніе между княземъ Иваномъ и Остерманомъ состоялось [2]. Въ письмѣ отъ 26 сентября (7 октября) 1728 г. Маньянъ сообщаетъ, что князь Долгоруковъ, любимецъ царя, больше всего принималъ участіе въ интригѣ, которая имѣла цѣлью подорвать кредитъ Остермана, чтобы приблизить къ министерству Шафирова; но послѣ того онъ сталъ сообразоваться съ волей фельдмаршала, своего дяди, который, какъ глава этого рода, сумѣлъ его усмирить, давъ понять ему, насколько царю нуженъ Остерманъ, который оказалъ и въ будущемъ будетъ оказывать государству важныя услуги, не допускающія поднимать противъ него гоне-

---

заложниковъ, чѣмъ лишиться крѣпости, настолько важной для него, къ своему совѣту онъ прибавилъ въ очень обидныхъ для Шафирова выраженіяхъ, что этотъ заложникъ ни что иное, какъ еврей, а два товарища люди мало значительные, такъ что государь могъ очень мало безпокоиться, предоставивъ ихъ произволу турокъ. Говорятъ, что въ самомъ дѣлѣ не много не хватало, чтобы совѣтъ Долгорукова привели въ исполненіе; вотъ почему Шафировъ, которому по возвращеніи это передали, не щадилъ ничего, чтобы выместить свой гнѣвъ за эту обиду на князя Долгорукова, такъ что теперь князь Долгоруковъ лишь съ цѣлью отомстить въ свою очередь за дурныя услуги, оказанныя ему Шафировымъ, противупоставляетъ ему Остермана, чтобы такимъ путемъ помѣшать ему пріобрѣсти силу, при которой онъ могъ бы опять причинить князю какое-либо новое неудовольствіе (т. LXXV, стр. 269, 270).

[1] Въ этихъ стараніяхъ поддерживалъ его и испанскій посланникъ де-Лирія, который въ своемъ письмѣ отъ 2 (13) августа пишетъ: считаю также своимъ долгомъ извѣстить васъ, что есть всѣ признаки примиренія между фаворитомъ и Остерманомъ, хотя я и опасаюсь, что онъ никогда не можетъ быть серьезно особенно со стороны перваго. О примиреніи хлопочетъ фельдмаршалъ Долгорукій („Восемнадцатый вѣкъ", ч. II, стр. 103). Объ участіи герцога де-Лирія въ примиреніи Остермана съ кн. Иваномъ знаетъ и Лефортъ. Въ письмѣ своемъ отъ 2 (13) января 1729 г. онъ прямо говоритъ, что виновникомъ соединенія любимца съ Остерманомъ справедливо считаютъ герцога.

[2] Примиреніе Остермана съ княземъ Долгорукимъ было настолько крупнымъ событіемъ, что за нимъ съ большимъ вниманіемъ слѣдятъ иностранные министры. Уже 2 (13) сентября 1728 г. Лефортъ сообщаетъ объ этомъ примиреніи, какъ о переворотѣ, случившемся недавно при русскомъ дворѣ. 14 (25) октября онъ возвращается къ этой темѣ и сообщаетъ, что любимецъ уступилъ Остерману и знаетъ, что дружба съ нимъ принесетъ ему только пользу (т. V, стр. 312, 314). Въ январѣ онъ можетъ констатировать уже полное примиреніе и говоритъ о дружбѣ и согласіи между фаворитомъ Остерманомъ и герцогомъ де-Лирія. Противъ обыкновенія, пишетъ онъ, они видятся каждый день, и у нихъ господствуетъ полная откровенность (т. V, стр. 321).

нія [1]. И въ письмѣ отъ 31 октября (11 ноября) онъ говоритъ, что молодой Долгоруковъ дѣйствительно отказался отъ своей вражды съ Остерманомъ и не думаетъ больше дѣлать на него нападеній [2]. Въ письмѣ отъ 12 (23) августа герцогъ де-Лирія сообщаетъ, что фаворитъ и Остерманъ теперь примирились совершенно и окончательно [3].

Ставъ въ хорошія внѣшнія отношенія съ Долгоруковыми, Остерманъ поспѣшилъ воспользоваться этими отношеніями, чтобы упрочить свое положеніе и обезопасить себя отъ враговъ. Онъ прикидывается ихъ другомъ и совѣтникомъ и становится въ семьѣ Долгоруковыхъ необходимымъ человѣкомъ, къ голосу котораго внимательно прислушиваются и мнѣнія и совѣты котораго высоко цѣнятъ. „Остерманъ", говоритъ Рондо въ письмѣ отъ 30 мая (11 іюня) 1729 г., „большой любимецъ Долгорукихъ и при частыхъ несогласіяхъ фаворита Долгорукова съ отцомъ, баронъ всегда избирается посредникомъ между ними. О Шафировѣ больше и рѣчи нѣтъ, иностранными дѣлами занимается исключительно Остерманъ [4]". То же подтверждаетъ и Лефортъ въ своихъ письмахъ отъ 2 (13) сентября и 14 (25) октября 1724 г. Въ первомъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ: „Странно, что семейство Долгорукихъ состоитъ изъ трехъ партій, противныхъ другъ другу: предводитель одной изъ нихъ фельдмаршалъ, другой—князь Василій, а третьей—любимецъ; баронъ Остерманъ сумѣлъ пріобрѣсти себѣ довѣренность всѣхъ, даже служитъ имъ въ родѣ оракула и потому я долженъ сказать, что даже враги его отдаютъ ему справедливость и хвалятъ его поведеніе [5]". А во второмъ письмѣ мы читаемъ: „Баронъ Остерманъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ себѣ больше значенія своимъ образомъ дѣйствія и честностью. Русскіе перестали ему завидовать, онъ сдѣлался ихъ ментором, и безъ его совѣта они ничего не предпринимаютъ. Любимецъ уступилъ ему и знаетъ, что дружба съ Остерманомъ принесетъ ему только пользу [6]". Баронъ Остерманъ вездѣ и передо всѣми разыгрываетъ роль друга Долгоруковыхъ, который печется объ ихъ интересахъ и содѣйствуетъ ихъ возвышенію. Онъ хлопочетъ и не-

[1] Тамъ же, т. LXXV, стр. 245, 246.
[2] Тамъ же, т. LXXV, стр. 258.
[3] Тамъ же, т. LXVI, стр. 47, 48.
[4] Тамъ же, т. V, стр. 313.
[5] Тамъ же, т. V, стр. 314.
[6] Тамъ же, т. V, стр. 314.

редъ иностранными министрами объ орденахъ и отличіяхъ для Долгорукихъ, и эти хлопоты заносятся въ списокъ его заслугъ передъ отечествомъ и усиливаютъ его кредитъ и его значеніе [1].

Выступая другомъ и чуть не покровителемъ Долгорукихъ, Остерманъ продолжалъ, однако, не довѣрять имъ: опасаясь ихъ честолюбивыхъ плановъ и новыхъ затѣй, онъ втихомолку выслѣживаетъ ихъ намѣренія и планы, слѣдитъ за каждымъ ихъ шагомъ и держитъ ухо востро. „Хотя министръ этотъ“, пишетъ Маньянъ 14 (25) августа 1729 г., „и дѣлаетъ видъ, будто дѣйствуетъ согласно видамъ Долгорукихъ, вслѣдствіе крайней для него необходимости сохранять ихъ дружбу, тѣмъ не менѣе принимая во вниманіе его обычное поведеніе, не трудно предположить, что онъ тутъ дѣйствуетъ лишь съ цѣлью помѣшать успѣху тѣхъ же самыхъ плановъ со стороны Долгорукихъ [2]. Остерманъ, замѣчаетъ Маньянъ въ другомъ письмѣ отъ 17 (28) октября 1720 г., тщательно слѣдитъ за поведеніемъ фаворита и вездѣ ему противодѣйствуетъ, не желая его допускать до участія въ общественныхъ дѣлахъ [3].

---

[1] Какъ человѣкъ извѣстныхъ способностей, пишетъ про него его другъ и пріятель герцогъ де-Лирія, долгимъ опытомъ изучившій духъ двора, министровъ и всѣхъ русскихъ, онъ всякимъ случаемъ пользуется не только, чтобы поддержать себя, но и для того, чтобы указывать царю, что нужно для его славы и спокойствія его монархіи: это онъ подсказалъ царю дать князю Ивану Долгорукову орденъ св. Андрея, возвести его въ камергеры и помѣстить въ Верховный Тайный Совѣтъ князей Василія и Алексѣя Долгорукихъ, которымъ онъ даетъ знать, что онъ ихъ другъ, и особенно фавориту Ивану. Признавая въ послѣднемъ то же честолюбіе, что и въ Меншиковѣ, онъ просилъ польскаго министра написать своему государю, чтобы онъ почтилъ названнаго князя орденомъ Бѣлаго Орла, чѣмъ де сдѣлаетъ величайшее удовольствіе его царскому величеству. (Восемнадцатый вѣкъ, ч. II, стр. 57, 58) Это извѣстіе вполнѣ подтверждаетъ самъ этотъ польскій министръ. 4 (15) марта онъ пишетъ своему королю: Вчера на балу баронъ Остерманъ, отойдя со мною въ сторону, передалъ мнѣ желаніе оберъ-камергера Долгорукова, что онъ былъ бы очень счастливъ, если бы ваше величество удостоило пожаловать его орденомъ Бѣлаго Орла, чѣмъ бы царь остался очень доволенъ. (С. Р. И. О., т. V, стр. 303).

[2] T. LXXV, стр. 373.

[3] T. LXXV, стр. 255. Агентами Остермана, слѣдившими за Долгорукими и обо всемъ ему доносившими, были графъ Левенвольдъ и герцогъ де-Лирія, его довѣренные и преданные друзья. „Несмотря на привязанность, существовавшую все время у представителей рода Долгоруковыхъ къ барону Остерману“, пишетъ Маньянъ, „послѣдній обнаружилъ не мало безпокойства, видя, что молодой царь уѣхалъ, что побудило его придумать средство получать точныя свѣдѣнія о томъ, что происходитъ каждый день

Но это тайное недовѣріе къ Долгорукимъ Остерманъ тщательно скрываетъ отъ нихъ. Онъ дѣлаетъ видъ, что имѣетъ въ нихъ вѣрныхъ союзниковъ и надежныхъ друзей. И въ В. Т. С. онъ идетъ съ нимъ рука объ руку и во всемъ старается угождать имъ. Это трогательное согласіе между Долгорукими и Остерманомъ оставило даже слѣды въ сухихъ совѣтскихъ журналахъ [1].

III. Князь Алексѣй Долгорукій въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

Остерману было тѣмъ выгоднѣе ухаживать въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ за Алексѣемъ Долгорукимъ, что этотъ вельможа въ Совѣтѣ никакого значенія не имѣлъ. Совѣтуясь же съ нимъ и прикидываясь его союзникомъ, онъ этимъ пріобрѣталъ его расположеніе и укрѣплялъ свое положеніе при дворѣ, гдѣ князь Алексѣй дѣйствительно представлялъ собою силу, съ которою нельзя было не считаться; политическое ничтожество отца фаворита не было тайной ни для кого. Когда онъ былъ

у царя. Для этой цѣли ему служитъ графъ Левенвольдъ, его другъ, который будучи дѣйствительнымъ камергеромъ, имѣетъ естественное основаніе слѣдовать за этимъ государемъ. (Т. LXXV, стр. 328, 329). „Мнѣ кажется", пишетъ тотъ же Маньянъ 2 (13) января 1729 г., „я открылъ тайную причину частыхъ сношеній герцога Лиріа какъ съ княземъ Долгорукимъ, царскимъ фаворитомъ, такъ и съ Остерманомъ и съ нѣкоторыми другими вельможами здѣшняго двора: все это сводится къ тому главнымъ образомъ, чтобы тщательно развѣдывать и сообщать о всевозможныхъ козняхъ и интригахъ, которыя поочередно-то возникаютъ, то разлетаются въ прахъ, стремясь подорвать довѣріе царя къ Остерману; такъ по крайней мѣрѣ увѣряли меня изъ хорошаго источника, а овладѣвъ фаворитомъ, герцогъ Лиріа добываетъ такимъ путемъ достовѣрныя свѣдѣнія по этому именно предмету" (т. LXXV, стр. 285).

[1] Журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта 20 ноября 1728 г. Потомъ объявлено барону Андрею Ивановичу и его превосходительство изволилъ сказать, что онъ тому согласенъ же, только донесть о томъ князю Алексѣю Григорьевичу, какъ онъ соизволитъ, что тогда-жъ его сіятельству донесено и помянутый докладъ изволилъ прочесть и по прочтеніи изволилъ сказать, что де мы о томъ посовѣтуемся съ барономъ Андреемъ Ивановичемъ (т. LXXXIV, стр. 661). Ж. 26 ноября 1728 г. Д. т. с. баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ да князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій призывали ст. с. Маслова и изволили приказать. (Тамъ же, стр. 664) Ж. 23 мая 1728 г. И съ совѣту всѣхъ князь Василій Лукичъ то мнѣніе повезъ къ барону Андрею Ивановичу и къ князю Алексѣю Григорьевичу на общее разсужденіе (т. LXXIX, стр. 352) Ж. 28 мая 1728 г. Объявилъ кн. Василій Лукичъ, что съ барономъ Андреемъ Ивановичемъ говорилъ и разсудили, чтобы и коммерцъ-коллегіи оставить тамо (т LXXIX, стр. 396).

назначенъ членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, всѣ предви дѣли, что онъ здѣсь никакой роли играть не будетъ, а явится послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Остермана. „Князь Алексѣй“, по словамъ де-Лиріа, „человѣкъ глупый и недальновидный, онъ слѣпой другъ Остермана и думаетъ, что нѣтъ другаго человѣка въ мірѣ такого умника, какъ Остерманъ [1]“. „Отецъ любимца“, говоритъ Лефортъ, „объявленъ членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, хотя только для виду, но не думаютъ, чтобы онъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ, развѣ въ случаѣ личнаго присутствія императора [2]“. Это предположеніе Лефорта, основанное на хорошемъ знакомствѣ съ личными качествами князя Алексѣя, вполнѣ оправдалось. Князь Алексѣй совсѣмъ не посѣщалъ засѣданій Верховнаго Тайнаго Совѣта: онъ былъ въ немъ всего два раза (15 марта и 3 апрѣля 1728 г.) и оба раза на засѣданіяхъ, на которыхъ присутствовалъ государь.[3] Онъ даже и формально не принималъ никакого участія въ дѣлахъ, и изъ массы протоколовъ (около 580), которые были изготовлены въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ съ 1 февраля 1728 г. по 1 іюля 1729 г., подписалъ всего три [4]. Находясь неотлучно при государѣ и повсюду за нимъ слѣдуя, онъ даже и на дому не всегда находилъ времени даже присѣсть, чтобы подписать ту или другую бумагу, а тѣмъ менѣе вникнуть въ ея содержаніе. Когда 28 февраля къ нему явился изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта секретарь и попросилъ подписать докладъ, то онъ объявилъ, что подпишетъ впредь, „а нынѣ за скорымъ шествіемъ его императорскаго величества въ походъ подписать ему некогда [5]“. Понятно, что его и не часто утруждали докладами [6] и если при-

---

[1] Восемнадцатый вѣкъ, Бартеньева, ч. II, стр. 83.

[2] С. Р. И. О. т. V, стр. 301, 302.

[3] Тамъ же, т. LXXV, стр. 204 и 270.

[4] 3 и 28 марта 1728 г., т. LXIV, стр. 175 и 254.

[5] Т. XCIV, стр. 199

[6] Отъ 1 февраля 1728 г. по 1 іюля 1729 г. всего девять разъ. Журналъ 22 мая 1728 г. Слушано дѣло княгини Волконской и прочихъ къ тому дѣлу причастныхъ и приказано о всѣхъ къ рѣшенію написать мнѣніе, которое тогда же написано и слушано и потомъ, переписавъ на другой день, приказано ст. с. Анисиму Маслову съ тѣмъ мнѣніемъ съѣздить къ барону Андрею Ивановичу Остерману и къ князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову и требовать ихъ на то разсужденія (т. LXXV, стр. 350) Ж. 28 іюня т. г. По приказу гг. присутствующихъ министровъ къ д. т. с. и кавалеру барону Андрею Ивановичу Остерману да князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову посыланъ секретарь Иванъ Богдановъ и велѣно ему донесть. (Тамъ же, стр. 546). Ж. 24 декабря 1728 г. Доклады-

ходили къ нему на домъ, то или по настоянію Остермана, которому почему-либо нужно его содѣйствіе [1], или когда дѣло касалось вопросовъ, въ которыхъ онъ былъ компетентнѣе другихъ. Этихъ вопросовъ было немного: о царской охотѣ рѣдко заходила рѣчь въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ [2]; но когда ея касались, то считали нужнымъ выслушать мнѣніе князя Алексѣя Григорьевича [3].

IV. Дезорганизація Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Остальные члены посѣщали Верховный Тайный Совѣтъ исправнѣе, но нѣкоторые изъ нихъ уже старѣли, какъ Апраксинъ и Головкинъ, другіе же, какъ Голицынъ, сознавая свое безсиліе, очень вяло относились къ своимъ обязанностямъ и подолгу не заглядывали въ Верховный Тайный Совѣтъ.

Ранѣе другихъ сходитъ со сцены Апраксинъ. Въ октябрѣ 1726 года онъ перестаетъ посѣщать засѣданіе и въ ноябрѣ умираетъ [4]. Головкинъ этотъ, какъ выражается Рондо, честный и благонамѣренный, но не великій министръ, также замѣтно слабѣетъ и уже не можетъ такъ усердно слѣдить за дѣлами, какъ въ прежнее время. Въ январѣ 1729 г. онъ серьезно заболѣваетъ [5]. Въ апрѣлѣ его здоровье уже настолько расшатано, что говорятъ объ его предстоящей смерти и метаютъ жребій объ его канцлерствѣ [6]. Въ августѣ онъ, усталый и больной, объявляетъ, что совсѣмъ удаляется отъ дѣлъ и поступаетъ въ монастырь [6]. За все это время онъ, по словамъ Маньяна, мало

вано министровъ Верховнаго Тайнаго Совѣта разсужденіе о нижеслѣдующихъ дѣлахъ д. т. с. барону Андрею Ивановичу Остерману, князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову, на которые мнѣніе свое согласно объявили (т. LXXXIV, стр. 717). Ж. 5 іюня 1726 г. посланъ съ письмомъ къ князю Алексѣю Гр. сержантъ (т. LXXV, стр. 415). Ж. 24 іюня 1726 Слушанъ сочиненный вновь указъ въ пополненіе пунктамъ 1725 г. и закрѣпили, а для закрѣпы жъ къ барону и князю Алексѣю Григорьевичу приказали съѣздить статскому совѣтнику Маслову. Ср. также Ж. 20 ноября 1728 г. (т. XXCIV, стр. 661). Ж. 27 марта 1729 г. (т. XCIV, стр. 42[illegible]). Ж. 26 ноября (т. XXCIV, стр. 664). Ж. 23 мая 1728 г. (т. LXXIV, стр. 352).

[1] Журналъ 20 ноября 1728 г., т. XXCIV, стр. 661.

[2] Т. XCIV, стр. 585.

[3] Журналъ 27 марта 1729 г., т. XCIV, стр. 429.

[4] Восемнадцатый вѣкъ, Бертеньева, ч. II, стр. 119. С. Р. И. О., т. LXVI, стр. 26.

[5] Т. LXVI, стр. 47.

[6] Восемнадцатый вѣкъ, ч. II, стр. 158.

[6] С. Р. И. О., т. LXVI, стр. 65, т. LXXV, стр. 371, т. XVI, стр. 65.

участвуетъ въ дѣлахъ, которыя всецѣло ввѣряются Остерману [1]. Князь Голицынъ, обиженный немилостью царя и раздраженный высокомѣріемъ своихъ враговъ Долгорукихъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ не заглядываетъ въ Верховный Тайный Совѣтъ [2] и, по словамъ де-Лиріа, прикидываясь больнымъ, не хочетъ слышать о дѣлахъ [3]. Князь Василій Лукичъ посѣщаетъ Верховный Тайный Совѣтъ, но ему загораживаетъ путь къ вліянію его соперникъ и тайный врагъ Остерманъ. Князь Василій Лукичъ старый дипломатъ, большую часть своей служебной жизни проведшій за границей, въ внутреннихъ дѣлахъ ничего не смыслитъ, иностранная же политика находится въ рукахъ Остермана, который въ этой области чужаго вмѣшательства не допускаетъ. „Князь Василій Долгорукій", пишетъ Лефортъ, „не пользуется вліяніемъ, его считаютъ слишкомъ опаснымъ. Остерманъ же ведетъ себя какъ человѣкъ, тридцать лѣтъ заправлявшій дѣлами", ничего не дѣлается помимо его, а онъ совѣтуется съ любимцемъ [4]. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта идутъ вяло. Онъ собирается рѣдко, объ немъ ничего не слышно, и иностраннымъ министрамъ даже подчасъ кажется, что онъ по временамъ совершенно перестаетъ функціонировать. „Всѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта", пишетъ де-Лиріа въ ноябрѣ 1728 г., „нездоровы, и потому этотъ трибуналъ, душа здѣшняго управленія, вовсе не собирается... Объ исправленіи всего этого никто не думаетъ кромѣ Остермана, который одинъ не въ состояніи сдѣлать всего [5]". 2 декабря 1728 г. Лефортъ пишетъ, что Верховный Тайный Совѣтъ не собирается вотъ уже два мѣсяца [6]. „Верховный Тайный Совѣтъ", пишетъ де-Лиріа въ февралѣ 1729 г., „не собирается, великій канцлеръ страдаетъ подагрой, Остерманъ въ отчаяніи и отъ того боленъ, князь Голицынъ-отецъ притворяется больнымъ и не хочетъ даже слышать о дѣлахъ; князь Алексѣй Долгорукій постоянно съ царемъ, а князь Василій Долгорукій занимается только интригами, стараясь, чтобы дворъ не возвращался въ Петербургъ [7]".

---

[1] T. LXXV, стр. 371.
[2] Май, іюнь, іюль, декабрь 1728, январь 1729.
[3] Восемнадцатый вѣкъ, Бартеньева, ч. II, стр. 158.
[4] Тамъ же, т. V, стр. 321, т. LXVI, стр. 47, 48.
[5] Восемнадцатый вѣкъ, ч. II, стр. 119.
[6] С. Р. И. О., т. V, стр. 318.
[7] Восемнадцатый вѣкъ, ч. II стр. 158.

Лефортъ только формально неправъ, утверждая, что Верховный Тайный Совѣтъ не собирался въ октябрѣ и ноябрѣ 1728 г. Хотя и существуютъ журналы засѣданій за это время, но они служатъ только лишнимъ доказательствомъ тому, что за этотъ періодъ коллегіальное обсужденіе дѣлъ верховнаго управленія фактически упразднено. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ (октября, ноября 1728 и января 1729 г.) въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ засѣдали только два министра, въ октябрѣ и ноябрѣ — князь Голицынъ и князь Василій Долгорукій, а въ январѣ Головкинъ и князь Василій Долгорукій, но и эти засѣданія, состоявшіяся въ присутствіи только двухъ министровъ, были очень рѣдки: въ октябрѣ ихъ было шесть, въ ноябрѣ—7, въ январѣ—всего 4. Мѣсяцы, въ которые Верховный Тайный Совѣтъ собирался всего четыре раза, вообще не рѣдкость. Въ апрѣлѣ и сентябрѣ 1728 г. было только по четыре засѣданія. Но есть мѣсяцы, когда Верховный Тайный Совѣтъ собирался еще рѣже: такъ въ апрѣлѣ 1729 г. было всего два засѣданія.

Число засѣданій Верховнаго Тайнаго Совѣта вообще послѣдовательно уменьшается: въ 1727 г. ихъ было 155, въ 1728 г.—95, а въ первую половину 1729 г.—39. Уменьшается и число рѣшенныхъ дѣлъ.

Во вторую	половину	1727 г.	ихъ	около	300.
„ первую	„	1728 г.	„	„	220.
„ вторую	„	1728 г.	„	„	170.
„ первую	„	1729 г.	„	„	195.

Указы изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта становятся также рѣже, и соотвѣтственно этому возрастаетъ число указовъ изъ Сената.

Во 2	половину	1727 г.	укав.	изъ Верх.	Тайн.	Сов.	72,	указ.	изъ	Сената	17	
„ 1	„	1728 г.	„	„	„	„	49	„	„	„	28.	
„ 2	„	1728 г.	„	„	„	„	22	„	„	„	28.	
„ 1	„	1729 г.	„	„	„	„	23	„	„	„	49.	
„ 2	„	1729 г.	„	„	„	„	22	„	„	„	36.	

Молодой государь почти не заглядываетъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, который такъ туго собирается, такъ апатично работаетъ и такъ неохотно посѣщается министрами. Если во вторую половину 1727 г. императоръ былъ 5 разъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, то въ 1728 г. только два раза, а въ 1729 г. ни разу.

Взоры всѣхъ обращены теперь не на Верховный Тайный Совѣтъ, гдѣ аккуратный и трудолюбивый Остерманъ заправляетъ

текущими дѣлами верховнаго управленія при вяломъ содѣйствіи Головкина, Голицына и Василія Долгорукова, а на дворъ, гдѣ господствуетъ воля юнаго государя и гдѣ такъ вліятельны Иванъ и Алексѣй Долгорукіе. Всѣ стремятся сюда къ молодому императору, къ источнику милостей, къ источнику силы и вліянія.

И молодой императоръ умѣетъ повелѣвать и заставлять себя слушать. Несмотря на то, что самодержавная власть въ юныхъ и неопытныхъ рукахъ, и все бремя управленія возлагается на Остермана, тѣмъ не менѣе престижъ этой власти остается непоколебимымъ и неприкосновеннымъ. „Царь", говоритъ Лефортъ, „такъ себя поставилъ, что никто не смѣетъ ему возражать [1]". „Онъ", по увѣренію де-Лиріа, „можетъ однимъ словомъ уничтожить всѣ распоряженія Верховнаго Тайнаго Совѣта [2]". Испанскій посолъ считаетъ царя, одареннаго, по его словамъ, большою проницательностью и довольно рѣшительнымъ характеромъ, способнымъ въ виду образа дѣйствія, возбуждающаго народный ропотъ, принять какую-нибудь рѣшительную мѣру, которая произведетъ совершенное измѣненіе въ здѣшнемъ правительствѣ [3]. Верховный Тайный Совѣтъ же, по удостовѣренію тѣхъ же свидѣтелей, совершенно безсиленъ и безпомощенъ. „Онъ все выслушиваетъ", говоритъ Лефортъ, „предвидитъ будущія несчастія; но никто не имѣетъ право говорить... Монархъ Божіею милостью знаетъ, что ему никто не осмѣлится прекословить [4]".

Глава VI.

I. Князья Долгорукіе и Голицыны наканунѣ смерти Петра II.

1. Кн. Алексѣй Долгорукій и его планы.

По мѣрѣ того, какъ возвышался князь Алексѣй Долгорукій и приближался къ цѣли своихъ честолюбивыхъ замысловъ, возрастала и ненависть противъ него и его родичей. Эту ненависть можно сравнить только съ тою враждой, которую возбудилъ противъ себя Меншиковъ наканунѣ своего паденія. И какъ тогда враги регента встрепенулись и стали дѣйствовать противъ него лишь послѣ того, какъ молодой императоръ рѣшился сбро-

[1] С. Р. И. О. Т. V, стр. 307.
[2] Восемнадцатый вѣкъ, ч. II, стр. 105.
[3] Восемнадцатый вѣкъ, ч. II, стр. 158.
[4] С. Р. И. О. Т. V, стр. 308, 309.

сить опеку Меншикова, такъ и теперь враги кн. Алексѣя подняли голову только тогда, когда увидали, что Петръ явно сталъ обнаруживать намѣреніе вырваться изъ сѣтей, которыми опутали его Долгорукіе.

Поведеніе царя, по словамъ де-Лиріа, заставляло думать, что „въ воздухѣ собирается гроза, что вотъ-вотъ она разразится; нѣкоторые, продолжаетъ онъ, даже воображаютъ, что это случится скорѣе, чѣмъ мы предполагаемъ и что царь не женится на Долгорукой". „Впрочемъ", прибавляетъ онъ, „здѣсь ни за что нельзя отвѣчать: это страна самыхъ внезапныхъ перемѣнъ. Могу сказать только одно: Долгорукіе не увѣрены ни въ чемъ до тѣхъ поръ, пока не совершится самый бракъ царя, и они дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы бракъ былъ совершенъ тотчасъ же послѣ Крещенія. Если царь напередъ не приметъ твердой рѣшимости, то господство Долгорукихъ упрочится, и царь, по выраженію одной испанской комедіи, очутится рабомъ въ золотой клѣткѣ [1]".

Но царь былъ близокъ къ этой рѣшимости и, по словамъ Лефорта, уже начиналъ свергать съ себя иго [2]. „Однажды ночью", разсказываетъ де-Лиріа, „царь былъ на свиданіи съ принцессой Елизаветой, и оба вмѣстѣ они долго плакали, послѣ чего монархъ будто бы сказалъ своей теткѣ, чтобы она потерпѣла, что дѣла-де перемѣнятся". Въ томъ же письмѣ де-Лиріа доноситъ, что царь по ночамъ навѣщаетъ Остермана и совѣщается съ нимъ и еще съ другимъ членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта [3]. „Остерманъ", по словамъ де-Лиріа, „уже десятый день сказывается больнымъ, но его болѣзнь не опасна. Нужно замѣтить, что когда этотъ министръ сказывается больнымъ подобными болѣзнями, то именно тогда-то и занятъ серьезно, тогда и онъ и проводитъ наибольшія интриги". Не трудно догадаться, въ чемъ заключались эти интриги и о чемъ царь совѣщался съ Остерманомъ. Лефортъ разсказываетъ о письмѣ фельдмаршала Голицына, переданномъ Остерманомъ государю, и о полученномъ за симъ Голицынымъ приказаніи вернуться изъ Украйны въ Москву [4], гдѣ онъ долженъ былъ замѣнить фельдмаршала Долгорукова. Остерманъ хотѣлъ, очевидно, воспользоваться настроеніемъ царя, чтобы выдвинуть Голицыныхъ противъ

[1] Восемнадцатый вѣкъ, ч. II, стр. 207.
[2] С. Р. И. О. Т. V, стр. 338.
[3] Восемнадцатый вѣкъ, ч. II, стр. 206, 207.
[4] Тамъ же, т. V, стр. 341.

Долгорукихъ. Онъ сумѣлъ обратить въ свою пользу и тотъ разладъ, который разъѣдалъ семью Долгорукихъ. Враждовали теперь не только отецъ съ сыномъ, сестра съ братомъ, но и дядя съ племянникомъ. Фельдмаршалъ не одобрялъ поведеніе князя Ивана и нерѣдко очень сурово журилъ его за его необдуманные поступки и рѣзкія выходки. Это не могло нравиться фавориту, и онъ былъ готовъ теперь выместить свою злобу на князѣ Васильѣ Владиміровичѣ и вытѣснить его съ занимаемаго имъ вліятельнаго положенія. Этотъ разладъ между фаворитомъ и фельдмаршаломъ былъ на руку врагамъ Долгорукихъ. „Фельдмаршалъ Михаилъ Михайловичъ Голицынъ“,пишетъ Мардефельдъ, „получилъ дозволеніе вернуться изъ Украйны сюда, и ожидается здѣсь приблизительно въ будущую субботу. Нѣкоторые полагаютъ, что ему поручатъ командованіе войсками, находящимися въ здѣшней окрестности, потому что слишкомъ свободныя рѣчи фельдмаршала (князя Василія Владиміровича Долгорукова) не нравятся любимцу царя, и послѣдній будто бы старается сдѣлаться вмѣсто своего дяди подполковникомъ Преображенскаго полка [1]“. Въ этихъ интригахъ мы узнаемъ тактику Остермана, который въ борьбѣ съ своими врагами прибѣгалъ всегда къ однимъ и тѣмъ же пріемамъ. Какъ наканунѣ паденія Меншикова, сблизившагося съ Голицынымъ, онъ соединился съ ихъ врагами—Долгорукими, чтобы общими силами свергнуть Меншикова, такъ теперь онъ соединяется съ Голицынымъ, чтобы, пользуясь возрастающимъ недовѣріемъ царя къ семьѣ фаворита, подготовить паденіе Долгорукихъ.

Но вотъ всѣ эти интриги и конъюктуры совершенно неожиданно получаютъ новое направленіе и новыя цѣли. Императоръ заболѣваетъ трудною болѣзнью, угрожающею его жизни, и на первый планъ снова выдвигается роковой для всѣхъ вопросъ: кто послѣ его смерти вступитъ на престолъ?

Надвигавшаяся катастрофа застигла всѣхъ настолько врасплохъ, что готоваго отвѣта ни у кого не было. И всѣ начали искать его съ точки зрѣнія своихъ симпатій и своихъ интересовъ. Началась борьба глухая, но ожесточенная. И мы должны теперь попытаться разобраться въ ней.

Петръ заболѣлъ оспой 7 января, въ продолженіе трехъ дней оспа обильно высыпала, и, казалось, ходъ болѣзни обѣщалъ благополучный исходъ, но 10 января наступила сильная лихорадка,

[1] Тамъ же, т. XV, стр. 402.

которая держалась нѣсколько дней; 15 вечеромъ императору стало лучше, и явилась надежда на выздоровленіе; но 17 сыпь показалась въ ужасающихъ размѣрахъ въ горлѣ и въ носу, температура страшно поднялась; 18 утромъ никто болѣе не сомнѣвался въ роковомъ исходѣ, который и наступилъ въ первомъ часу ночи съ 18 на 19 января [1].

Послѣдній вздохъ несчастнаго императора свидѣтельствовалъ о перенесенныхъ имъ нравственныхъ страданіяхъ; виновники этихъ страданій стояли тутъ у его постели; онъ рвался подальше отъ нихъ, звалъ свою покойную сестру, своего добраго ангела, его послѣдними словами были: „запрягайте сани, хочу видѣть сестру [2]“.

И Долгорукіе до конца остались вѣрны тому страшному дѣлу, которое они взяли на свою совѣсть; они не теряли надежды овладѣть царемъ и тогда, когда онъ, измученный и изстрадавшійся, лежалъ на смертномъ одрѣ и въ безсильномъ отчаяніи взывалъ о помощи.

Первое время Долгоруковы скрывали истину и распространяли ложные слухи о болѣзни царя. 12 января, когда окружающіе уже знали, что у царя оспа и что положеніе его крайне серьезно, въ народѣ говорили, что онъ простудился и что у него сдѣлался насморкъ. Когда 15 ему стало лучше, Долгоруковы сочли возможнымъ объявить о настоящемъ характерѣ болѣзни, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли всѣхъ, что положеніе больного не внушаетъ никакихъ опасеній. „Долгоруковъ“, по словамъ Маньяна, „увѣрялъ Вестфалена, что оспа у царя такъ хорошо высыпала, что, благодаря Бога, можно вполнѣ надѣяться на скорое выздоровленіе царя [3]“. Но этимъ увѣреніямъ иностранные министры не придавали большой вѣры. „Нельзя сказать съ достовѣрностью“, пишетъ де-Лиріа, „настоящее положеніе вещей, потому что его видятъ очень немногіе, да и тѣ разсказываютъ на разные лады [4]“.

Скрывалась болѣзнь императора для того, чтобы безъ помѣхи успѣть принять соотвѣтствующія мѣры. Мѣры эти клонились къ тому, чтобы, по словамъ Маньяна, „обезпечить наслѣдованіе

---

[1] Тамъ же, т. LXXV, стр. 462, 463, 464. Письмо Вестфалена у Корсакова. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны, приложеніе, стр. 70. Записки Дюка Лирскаго, изд. Языкова, стр. 155.

[2] С. Р. И. О., т. V, стр. 351.

[3] Т. LXXV, 450, т. XV, стр. 401.

[4] Т. V, 212, т. LXXV, стр. 450.

престола за невѣстой царя, буде ли то при помощи совершенія брака или на основаніи воли, выраженной въ завѣщаніи [1]". „Первою мыслью у отца невѣсты", говоритъ Маньянъ, „было уговорить царя обвѣнчаться больнымъ въ постели, чтобы, будучи такимъ образомъ провозглашена и признана царицей, Долгорукова имѣла бы право захватить себѣ правительственную власть, какъ царица, въ случаѣ смерти своего супруга [2]". Но этотъ смѣлый планъ не удался. Остерманъ, который во время болѣзни царя постоянно находился при его постели, не допустилъ этого. „Онъ умѣлъ", по словамъ Маньяна, „отсрочивать исполненіе плана съ минуты на минуту до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, сдѣлался невыполнимымъ въ виду того крайняго положенія, къ которому привела царя его болѣзнь [3]". Его сторону, какъ свидѣтельствуетъ Рондо, держали фельдмаршалъ Долгоруковъ и фельдмаршалъ Голицынъ [4].

Когда этотъ проектъ потерпѣлъ крушеніе, Долгорукіе обратились къ другому средству—къ составленію подложнаго завѣщанія.

Эта новая комбинація исходила отъ князя Алексѣя. Онъ собралъ у себя семейный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе кромѣ его брата (князя Сергѣя Григорьевича) и сына (Ивана Алексѣевича), князя Василія Лукича Долгорукаго и фельдмаршалъ кн. Василій Владиміровичъ съ братомъ Михаиломъ Владиміровичемъ. Князь Алексѣй сталъ говорить о необходимости возвести на престолъ княжну Екатерину, а князь Сергѣй Григорьевичъ предложилъ съ этою цѣлью составить отъ имени царя завѣщаніе. Фельдмаршалъ, однако, самымъ рѣшительнымъ образомъ возсталъ противъ этого безумнаго проекта, а когда его доводы и увѣщанія не подѣйствовали, онъ вышелъ съ своимъ братомъ, чтобы болѣе не возвращаться къ родственникамъ, затѣявшимъ такую опасную игру. Оставшіеся съ княземъ Алексѣемъ князья Василій Лукичъ и Сергѣй Григорьевичъ общими силами составили духовное завѣщаніе, а князь Иванъ, умѣвшій подражать рукѣ царя до неузнаваемости, предложилъ подписать его [5].

---

[1] T. LXXV, стр. 455.

[2] T. LXXV, стр. 447.

[3] T. LXXV, стр. 455. T. XV, стр. 401.

[4] T. LXVI, стр. 129.

[5] Собраніе историческихъ матеріаловъ, изд. Кашперова, ч. II. Соловьевъ т., XIX, стр. 241, 242.

Долгорукіе постепенно подготовляли общество къ затѣянному ими государственному перевороту. „Они“, по словамъ Лефорта, „увѣряли, что, слѣдуя правиламъ греко-каѳолическаго вѣроисповѣданія, право на престолъ принадлежитъ невѣстѣ царя [1]“. И общее мнѣніе было, что Долгорукіе одержатъ верхъ, хотя бы и цѣной вооруженнаго насилія, и что на престолъ взойдетъ княжна Екатерина [2].

Между тѣмъ противная партія не дремала и втихомолку принимала свои мѣры.

Въ первыхъ рядахъ стояли тутъ князья Голицыны, исконные враги Долгоруковыхъ. Къ нимъ, какъ мы видѣли, присоединился теперь и Остерманъ.

II. Остерманъ и князь Д. М. Голицынъ наканунѣ смерти Петра II.

Какъ Голицыны, такъ и Остерманъ не могли желать воцаренія законнаго наслѣдника, внука Петра, сына Анны Петровны. Его отецъ, герцогъ Голштинскій, который во время малолѣтства сына сдѣлался первымъ лицомъ въ государствѣ, оставилъ по себѣ слишкомъ дурную память въ Россіи. Восшествіе на престолъ тетки „кильскаго ребенка“, княжны Елизаветы Петровны, также не могло улыбаться имъ: съ ея воцареніемъ воцарилась бы та же „голштинская шайка“, которую только что успѣли благополучно выпроводить за предѣлы Россіи; кромѣ того, характеръ царевны еще не успѣлъ опредѣлиться, и въ ней слишкомъ еще сквозила молодая дѣвушка, любящая пожить весело и беззаботно; нельзя было также не считаться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что будущій супругъ великой княжны, котораго несомнѣнно скоро бы нашла себѣ красивая царевна, могъ бы сдѣлаться такимъ же непрошеннымъ гостемъ при русскомъ дворѣ, какимъ былъ герцогъ Голштинскій. Маньянъ говоритъ, что Голицынымъ было „ненавистно все, что носило голштинское имя“ и что онъ вмѣстѣ съ датскимъ посланникомъ Вестфаленомъ хлопоталъ о недопущеніи къ престолу потомковъ покойной царицы. По словамъ самого Вестфалена, князь Дмитрій Михайловичъ увѣрялъ его, что ни княжна Елизавета, ни ея племянникъ ни въ какомъ случаѣ не вступятъ на русскій престолъ.

---

[1] С. Р. И. О. т. V, стр. 342.

[2] Восемнадцатый вѣкъ, ч. II, стр. 212, 213, С. Р. И. О. т. LXXV, стр. 416—451. Письма Вестфалена отъ 15 и 22 янв. у Корсакова.

Усердіе князя Голицына и его агентовъ было въ этомъ отношеніи такъ велико, что Вестфаленъ счелъ даже нужнымъ сдѣлать женѣ того лица, которое служило посредникомъ между нимъ и княземъ Голицынымъ, подарокъ—филигранный ящичекъ со вложеніемъ 1.000 дукатовъ [1]. О царицѣ-бабкѣ между Остерманомъ и Голицынымъ не могло быть, конечно, и рѣчи: они оба понимали, что состарѣвшаяся въ тридцатилѣтнемъ заключеніи инокиня, ослабѣвшая и физически и умственно, не могла оправдать тѣхъ надеждъ, которыя они возлагали на новое царствованіе.

Но на что же надѣялись Остерманъ и Голицынъ и что ждали они отъ новаго царствованія?

Они желали прежде всего устраненія Долгорукихъ и прекращенія того порядка, при которомъ имъ приходилось играть такую унизительную и недостойную роль. Они хотѣли, чтобы былъ положенъ разъ навсегда конецъ тому режиму, при которомъ такіе родовитые и способные люди, какъ Голицыны, и такіе заслуженные дѣятели, какъ Остерманъ, должны были уступать первое мѣсто такимъ мишурнымъ личностямъ, какъ Алексѣй Долгорукій и его сынъ князь Иванъ, вся заслуга которыхъ заключалась въ искусствѣ забавлять царя и въ умѣньи потакать его вкусамъ. Ни воцареніе кильскаго ребенка, ни восшествіе на престолъ молодой принцессы, ни вступленіе во власть одряхлѣвшей инокини не представляли никакихъ гарантій тому, что новое царствованіе не народитъ новыхъ фаворитовъ: необходимо было остановить свой выборъ на лицѣ, возрастъ и прошедшее котораго служили бы ручательствомъ тому, что заслуженные даровитые люди не будутъ оттерты случайными любимцами. И вотъ взоры Остермана и Голицына невольно обращаются къ потомству царя Ивана. Старшинство говоритъ за выборъ Екатерины Іоанновны, но она замужемъ за герцогомъ Мекленбургскимъ и тѣ же самыя соображенія, которыя побуждали Голицыныхъ во что бы то ни стало не допускать кильскаго принца и его тетку на престолъ, заставляли ихъ устранить и Мекленбургскую принцессу. Воцареніе же второй дочери царя Ивана не грозило нашествіемъ иностраннаго принца и его двора; она, кромѣ того, обладала качествами, которыя ставили въ первый рядъ среди различныхъ претендентовъ на русскій престолъ: она сумѣла заслужить своимъ привѣтливымъ нравомъ

[1] Письмо Вестфалена отъ 22 января (2 февраля) 1730 г.

расположеніе всѣхъ знавшихъ ее, а ея образъ дѣйствія въ Курляндіи среди политическихъ интригъ и злобныхъ происковъ различныхъ претендентовъ свидѣтельствовалъ о природномъ тактѣ и недюженномъ умѣ; она обладала и внѣшнею осанкой, вполнѣ приличествующею царскому достоинству. Мы не знаемъ, кто первый указалъ на Анну Іоанновну — Остерманъ или кн. Голицынъ, намъ только достовѣрно извѣстно, что они въ этомъ дѣлѣ дѣйствовали сообща. Мардефельдтъ пишетъ 19 (30) января, что избраніе Анны Іоанновны было уже рѣшено нѣсколько дней тому назадъ между фонъ-Остерманомъ и княземъ Голицынымъ и притомъ съ условіемъ ограниченія самодержавной власти; однако, послѣднее еще требуетъ подтвержденія [1]. А изъ письма отъ 22 января (2 февраля) мы узнаемъ, что Остерманъ составилъ проектъ избранія Анны Іоанновны и что касательно послѣдняго проекта онъ тайно заключилъ союзъ съ Голицынымъ и по общему мнѣнію былъ главнымъ двигателемъ въ этомъ дѣлѣ [2]. Нѣсомнѣнно одно, что Остерманъ зналъ Анну Іоанновну лучше, чѣмъ могъ ее знать князь Голицынъ, что онъ стоялъ къ ней ближе и что онъ лично былъ болѣе заинтересованъ этимъ избраніемъ, чѣмъ князь Дмитрій Михайловичъ. Остерманъ стоялъ издавна въ очень близкихъ отношеніяхъ не только къ Аннѣ Іоанновнѣ, но и ко всей ея семьѣ [3]. Его братъ былъ учителемъ дочерей царя Ивана. Анна Іоанновна привыкла видѣть въ Остерманѣ своего друга и заступника, она находилась съ нимъ въ перепискѣ, не разъ обращалась къ нему съ просьбами и была обязана ему очень существенными услугами [4]. „Анна Іоанновна“, по словамъ Мардефельда, „была весьма расположена къ Остерману, а онъ, государственный вице-канцлеръ, былъ ея близкимъ другомъ [5]“. Не слѣдуетъ также забывать, что тѣсная дружба между Остерманомъ и Рейнгольдомъ Левенвольдомъ была лишнею связью между вице-канцлеромъ и Курляндскою герцогиней. Братъ Рейнгольда—Густавъ имѣлъ въ Лифляндіи имѣніе, жилъ тамъ и сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе Анны Іоанновны. Черезъ него герцогиня получала свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось при дворѣ, гдѣ его братъ игралъ такую выдаю-

---

[1] С. Р. И. О., т. XV, стр. 403.
[2] Тамъ же, т. XV, стр. 406, 407, т. V, стр. 345.
[3] Корсаковъ, стр. 44.
[4] Тамъ же, стр. 66, 72, 75, 85.
[5] С. Р. И. О., т. XV, стр. 403.

щуюся роль и гдѣ онъ дѣйствовалъ въ тѣсномъ согласіи съ своимъ пріятелемъ Остерманомъ [1].

III. Политическій проектъ князя Голицына.

Ненависть къ Долгорукимъ и рѣшимость положить конецъ господствовавшему при нихъ режиму объединили Голицына и Остермана и побудили ихъ остановить свой выборъ на Аннѣ Іоанновнѣ, но дальше ихъ согласіе не шло и каждый изъ нихъ связывалъ съ воцареніемъ герцогини свои особые планы и надежды.

Остерманъ хорошо зналъ, что Анна Іоанновна не напрасно прожила такъ долго въ Курляндіи и что она, проведшая лучшіе годы своей жизни среди нѣмцевъ, пріобрѣла много общихъ съ нимъ вкусовъ и симпатій; онъ зналъ также, кто окружалъ ее въ Митавѣ и чьему руководству она подчинилась. Ему было не трудно предвидѣть, что съ ея воцареніемъ воцарятся Бироны, Левенвольды, Минихи и другіе его соотечественники, за связь съ которыми его теперь такъ ненавидятъ русскіе, и онъ былъ увѣренъ, что съ ихъ водвореніемъ при русскомъ дворѣ для него наступятъ лучшія времена [2].

Совершенно иначе ожидалъ отъ воцаренія Анны князь Голицынъ. Лефортъ называетъ князя Дмитрія Михайловича властолюбивымъ человѣкомъ и слишкомъ опаснымъ въ своихъ властолюбивыхъ замыслахъ. Онъ, по его словамъ, со времени Петра постоянно имѣлъ въ виду ограничить самодержавіе (de tronquer la souveraineté), но это его желаніе казалось просто желаніемъ присвоить его себѣ [3]. Мы имѣли случай познакомиться съ этими властолюбивыми замыслами князя Голицына и знаемъ, что они до его времени постоянно претерпѣвали неудачу.

Въ періодъ борьбы герцога Голштинскаго съ Меншиковымъ, „нерасположеніе князя Голицына ко всему, что носитъ Голштинское имя“, побудило его слѣдовать за Меншиковымъ: его въ этомъ направленіи поддерживалъ его братъ фельдмаршалъ, который умолялъ его во всемъ слѣпо исполнять повелѣнія Меншикова [4]. Связь Голицыныхъ съ Меншиковымъ стала еще тѣснѣе, когда послѣдній сталъ на сторону сына царевича Алексѣя. Голи-

---

[1] Корсаковъ, стр. 83.
[2] С. Р. И. О., т. XV, стр. 408.
[3] Тамъ же, т. V, стр. 352.
[4] Тамъ же, т. V, стр 440, 441. Легенда, стр. 121.

кинъ, давній приверженецъ внука Петра, надѣялся, что съ его воцареніемъ возвысится и онъ и пріобрѣтетъ власть и вліяніе. Мы видѣли, однако, что эта власть и это вліяніе перешли всецѣло къ Меншикову и что Голицынъ въ первые мѣсяцы царствованіе Петра II игралъ очень скромную роль. Когда, однако, Меншиковъ усмотрѣлъ въ близости Долгорукихъ опасность для себя и сталъ искать союзниковъ среди ихъ враговъ, тогда Голицынымъ снова блеснула надежда стать ближе къ солнцу. Мы знаемъ, что взамѣнъ поддержки, которую они обѣщали регенту, послѣдній предлагалъ выдать свою дочь за сына фельдмаршала и сулилъ ему герцогскую корону; ходили слухи и о томъ, что Меншиковъ намѣревался устранить изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта всѣхъ старыхъ членовъ, кромѣ Голицына, призвать въ Совѣтъ фельдмаршала, а остальныя мѣста замѣстить своими креатурами. Паденіе Меншикова разрушило всѣ эти властолюбивые планы и послѣ упраздненія регентства Голицыныхъ постигла чуть не опала. Всѣ ихъ старанія вернуть Меншикова остались безуспѣшны и только ухудшали ихъ положеніе. Не удалась имъ и попытка пріобрѣсти милость царя при содѣйствіи фаворитовъ изъ своей семьи. Долгорукіе сумѣли загородить путь какъ зятю фельдмаршала (ср. Бутурлину), такъ и сыну князя Дмитрія Михайловича, который одно время, казалось, уже былъ близокъ къ цѣли... Но вотъ надвинувшаяся внезапно катастрофа сразу измѣнила положеніе и раскрыла Голицынымъ широкія и заманчивыя перспективы. Они знали, что смерть царя будетъ смертельнымъ ударомъ для Долгорукихъ, они предвидѣли, что ненависть, которую возбудилъ противъ себя князь Алексѣй, не встрѣчая болѣе сдержекъ, разольется на весь ихъ родъ и что за зло, содѣянное фаворитомъ и его отцомъ, придется расплачиваться всѣмъ Долгорукимъ. А паденіе Долгорукихъ неминуемо повлечетъ за собою возвышеніе ихъ рода.

Но новое царствованіе, разсуждали они, оправдаетъ ихъ ожиданія лишь въ томъ случаѣ, если вступитъ на престолъ Анна Іоанновна.

Она будетъ обязана своимъ возвышеніемъ князю Голицыну, и князь Димитрій Михайловичъ займетъ то же положеніе при новой царицѣ, которое занялъ Меншиковъ при Екатеринѣ. Но необходимо упрочить это положеніе и обезопасить себя отъ такихъ актовъ самовластія, какими являются сентябрьскіе указы, свергнувшіе Меншикова и упразднившіе регентство. Необходимо связать волю императрицы и обставить ее условіями, которыя

поставили бы ея власти извѣстные предѣлы. Но какъ это сдѣлать? Какъ ограничить власть самодержавной императрицы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ подсказывался недавнимъ прошедшимъ. Въ самомъ дѣлѣ, сумѣлъ же Меншиковъ заставить Екатерину составить завѣщаніе, въ силу котораго царь долженъ былъ жениться на его дочери, а до совершеннолѣтія царя править Верховный Тайный Совѣтъ? И этотъ актъ, обдуманный и составленный Меншиковымъ въ союзѣ съ Бассевичемъ, послужилъ закономъ, которому всѣ безпрекословно подчинились, видя въ немъ выраженіе воли покойной государыни. Правда, это завѣщаніе недолго сохранило свою силу и было разорвано самимъ императоромъ, дѣйствовавшимъ по наущенію Остермана и Долгорукихъ. Но вѣдь теперь дѣло будетъ обставлено иначе: актъ, который обезпечитъ за Голицынымъ подобающее имъ участіе въ дѣлахъ и не допуститъ случайныхъ фаворитовъ до престола, явится добровольнымъ актомъ императрицы, который она будетъ соблюдать въ своихъ же интересахъ. И если Петръ уничтожилъ полномочіе Совѣта только потому, что это допустилъ самъ Совѣтъ, члены котораго сами же подговорили его упразднить регентство, чтобы высвободиться изъ-подъ необузданной тиранніи Меншикова. Эти послѣдствія будетъ теперь не трудно предупредить. Съ этою цѣлью необходимо, во-первыхъ, заручиться согласіемъ Анны на ограничительные пункты, а во-вторыхъ, посадить въ Совѣтъ людей, которые имѣли бы интересъ въ его сохраненіи. Въ согласіи Анны сомнѣваться нельзя. Ей русскій престолъ и во снѣ не снился. Какъ же ей не согласиться на пункты, подъ условіемъ принятія которыхъ ей этотъ престолъ предлагается, какъ не подписать ей пункты, преподносимые ей тѣми, которые вручаютъ ей корону? Не хитро и Совѣтъ организовать такъ, чтобъ онъ самъ себя не задушилъ. Между его членами не будетъ Меншикова. Голицынъ же и Остерманъ, не говоря уже о Головкинѣ, не имѣютъ ни малѣйшей охоты идти по стопамъ Меншикова. Долгорукіе, князья Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ, играли очень скромную роль въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ при Петрѣ и были сильны лишь своею близостью къ императору, съ его же смертью они потеряютъ всякое значеніе. Ихъ ослабѣвшее вліяніе найдетъ себѣ кромѣ того противовѣсъ въ фельдмаршалѣ Долгоруковѣ, который вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Голицынымъ займетъ мѣсто въ Совѣтѣ.

Совѣтъ въ такомъ составѣ несомнѣнно сумѣетъ стать на высоту своего призванія. Въ немъ съ одной стороны не будетъ

Меншикова съ его диктаторскими замашками, съ другой стороны въ немъ будутъ засѣдать представители родовитаго боярства, какъ Голицыны и Долгоруковы, заслуженные дѣятели, какъ Головкинъ, опытные министры, какъ Остерманъ. Императрица же будетъ уважать авторитетъ Совѣта, изъ рукъ котораго приметъ корону и будетъ прислушиваться къ голосу сановниковъ, проложившихъ ей путь къ престолу.

Въ чемъ же будутъ заключаться кондиціи, которыя предложитъ Аннѣ Іоанновнѣ этотъ Совѣтъ?

Онѣ должны служить обезпеченіемъ противъ только что пережитаго режима. Фавориты Петра мало вмѣшивались во внутреннюю политику: они не любили и не умѣли завѣдывать текущею администраціей.. Но ихъ власть причиняла много зла тѣмъ, что они, пользуясь близостью къ царю и вымашивая у него указы, распоряжались государственными суммами [1], служили посредниками между императоромъ и иностранными министрами [2], по своему произволу замѣщали придворныя, военныя и гражданскія должности, безконтрольно и капризно раздавали чины и награды [3], безъ суда и расправы ссылали не-

[1] Ихъ (т. е. Долгорукихъ) обвиняютъ между прочимъ въ присвоеніи множества предметовъ изъ государственной казны (т. LXXV, стр. 485. Долгорукіе порядкомъ очистили царскій дворъ, взяли драгоцѣнныя вещи, посуду, уборы, наряды, мебель, экипажи, охотничьи принадлежности,—все, не оставивъ и слѣда. За это имъ готовится теперь благодарность (т. V, стр. 360, 361). Трудно описать образъ дѣйствія Алексѣя Долгорукова и его семейства, котораго онъ держался не только при жизни царя, которому это стоило жизни, но и послѣ его смерти. Никогда не видано было такое лихоимство, такія злоупотребленія и все, что можетъ быть худого. Ослѣпленіе ихъ завело ихъ такъ далеко, что теперь даже самое имя ихъ стало ненавистнымъ. Кромѣ того они расхитили огромное количество денегъ, драгоцѣнныя вещи, золотую и серебряную посуду, экипажи, наряды, мебель и другіе предметы, не оставили даже ни одного драгоцѣннаго камешка и я недавно еще узналъ объ одномъ изъ поступковъ: они не постыдились похитить изъ собора требникъ, жезлъ и священническую одежду, съ которыхъ князь Иванъ велѣлъ снять для себя драгоцѣнные камни, чтобы ими украсить свои наряды (т. V, стр. 375, 376).

[2] Ихъ высокомѣріе становилось дѣйствительно невыносимымъ не только для русскихъ подданныхъ, но также и для иностранцевъ. Не исключая даже вѣнскаго и мадридскаго пословъ, нѣтъ человѣка, не испытавшаго на себѣ невѣжливости Долгорукихъ, отца и сына, которые, не стѣсняясь, заставляли помянутыхъ пословъ ожидать себя по цѣлымъ часамъ въ передней, между тѣмъ, какъ сами они пили кофе (т. LXXV, стр. 461, ср. также Рондо, стр. 53).

[3] Какъ ни часты примѣры колебаній въ оказываемыхъ царемъ милостяхъ, такъ что здѣсь наблюдается постоянно возвышеніе и паденіе вель-

удобныхъ имъ людей, отнимали у нихъ имущество, раздавая своимъ людямъ ихъ деревни и вотчины. Кондиціи должны предусмотрѣть и предотвратить всѣ эти злоупотребленія меншиковскаго и долгоруковскаго режима [1]. Въ нихъ должно быть постановлено, чтобы иностранными дѣлами вѣдалъ одинъ Верховный Тайный Совѣтъ (пункты 1 и 2 кондицій), чтобы государственная казна и все финансовое хозяйство находилось въ его рукахъ (пункты 3 и 8), чтобы, какъ назначеніе на придворныя, гражданскія и военныя должности, такъ и возведеніе въ чины зависѣло бы отъ него (пункты 4 и 7), наконецъ, чтобы безъ суда у шляхетства живота и имѣнія, и чести не отнимать, вотчины и деревни безъ его согласія не жаловать (п. 5 и 6). Но главное условіе, безъ котораго всѣ остальные пункты легко могутъ остаться мертвою буквой, должно заключаться въ томъ, чтобы императрица оставалась свободною отъ всякаго посторонняго вліянія: она не должна выходить замужъ. Въ Москвѣ у нея будетъ дворъ, составленный по указанію Совѣта, курляндцы же пусть остаются дома и камеръ-юнкеръ Бирепъ пусть ищетъ себѣ другое назначеніе: въ Москву его пускать во всякомъ случаѣ нельзя.

Но сумѣетъ ли Голицынъ провести этотъ планъ наперекоръ проектамъ Долгорукихъ? Вѣдь и они носились съ властолюбивыми замыслами, вѣдь и они хотѣли держать въ рукахъ будущую повелительницу, вѣдь и они сочиняли свои кондиціи и уже изготовили завѣщаніе?

Исходъ борьбы между Голицынными и Долгорукими будетъ зависѣть отъ того, кто вступитъ на престолъ—герцогиня ли Курляндская или Екатерина Долгорукая.

Но развѣ можно сомнѣваться въ томъ, что дочь царя Ивана одержитъ верхъ надъ дочерью всѣмъ ненавистнаго князя Алексѣя? И виданное ли это дѣло, чтобы на престолъ вступила полданная, хотя бы и пробывшая нѣкоторое время невѣстой царя,

---

можъ, это не оказываетъ достаточно сильнаго вліянія для удержанія тѣхъ, которые пользуются милостями въ настоящую минуту. Долгоруковы, осыпанные ими въ настоящее время, не щадятъ ничего, чтобы извлечь всевозможныя выгоды изъ своего положенія и полагаясь на значительное число представителей своего рода, занимающихъ посты или при дворѣ, или въ Совѣтѣ, иные же во главѣ войска, они какъ будто и не предполагаютъ, чтобы какая-нибудь интрига была способна умалить ихъ значеніе, по крайней мѣрѣ, во время несовершеннолѣтія царя (LXXV, стр 355).

[1] У всѣхъ свѣжа въ памяти расправа Меншикова съ его врагами, ссылка Меншикова и его приверженцевъ, опала Нарышкина, гр. Бутурлина, сына кн. Голицына.

когда имѣются на лицо члены царской семьи? А если кн. Алексѣй будетъ ссылаться на завѣщаніе, то кто же ему повѣритъ, что юный императоръ, никогда о смерти не думавшій, составилъ духовную на случай своей кончины?

Анна Іоанновна будетъ, несомнѣнно, избрана. А разъ Долгорукіе должны будутъ отказаться отъ надежды увидать княжну Екатерину на престолѣ, ихъ же собственный интересъ подскажетъ имъ принять проектъ кн. Голицына, который обезпечитъ имъ, по крайней мѣрѣ, участіе въ Совѣтѣ новой императрицы. Убѣдившись въ невозможности овладѣть близостью къ престолу путемъ завѣщанія, они поспѣшатъ ухватиться за кондиціи, которыя уготовляли имъ также мѣсто въ сосѣдствѣ престола, хотя и болѣе скромное. А пункты, подписанные Долгорукими и Голицыными, не встрѣтятъ противодѣйствія ни со стороны Головкина, всегда слѣдовавшаго за большинствомъ, ни со стороны Остермана, который теперь заодно съ Голицынами.

Говорилъ ли князь Дмитрій Михайловичъ о своемъ проектѣ Остерману и фельдмаршалу Долгорукому?

Князь Голицынъ былъ слишкомъ умный и опытный политикъ, пережившій цѣлый рядъ переворотовъ и посѣдѣвшій среди придворныхъ интригъ, чтобы не понять, что такая сложная коньюнктура, какъ та, которую онъ задумалъ, должна быть проведена не иначе, какъ при содѣйствіи сильныхъ и вліятельныхъ людей. Онъ долженъ былъ поэтому посвятить въ свой планъ прежде всего того, въ союзѣ съ которымъ онъ намѣтилъ преемницей Петра II герцогиню Курляндскую. И намъ не трудно догадаться, какъ отнесся къ плану Голицына Остерманъ. Осторожный и скрытный дипломатъ, связывавшій съ воцареніемъ Анны совсѣмъ не тѣ планы, съ которыми носился Голицынъ, съ одной стороны не могъ увлечься планомъ своего союзника, съ другой стороны считалъ опаснымъ для себя отрицательнымъ отношеніемъ къ проекту возстановить противъ себя Голицына, который ему былъ такъ нуженъ теперь для того, чтобы провести выборъ Анны Іоанновны. Онъ далъ поэтому уклончивый отвѣтъ, который не связывалъ его въ будущемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не поколебалъ рѣшимости Голицына предложить новой императрицѣ ограничительныя условія. Фельдмаршалъ Долгорукій, который такъ рѣшительно возсталъ противъ воцаренія своей племянницы, не имѣлъ основанія не согласиться на предложеніе князя Голицына поддержать избраніе Анны Іоанновны. Что же касается до его проекта связать императрицу кондиція-

ми, то ничего ни въ характерѣ, ни въ образѣ мыслей князя Василія Владиміровича не говоритъ въ пользу предположенія, что онъ рѣшительно высказался за нихъ. Если поэтому князь Голицынъ и могъ разсчитывать на поддержку Остермана и фельдмаршала Голицына въ дѣлѣ избранія Анны Іоанновны, то вторая часть его плана во всякомъ случаѣ не встрѣтила горячей поддержки ни со стороны хитраго и осторожнаго Остермана, ни со стороны честнаго и прямаго Долгорукова.

Въ этихъ переговорахъ вліятельнѣйшихъ сановниковъ прошли послѣдніе дни царствованія Петра II. Еще за три дня до смерти царя Маньянъ пишетъ, что министры ежедневно собираются и совѣщаются между собою, какія мѣры принять въ виду столь трудныхъ обстоятельствъ. Мы теперь знаемъ, о какихъ мѣрахъ шла рѣчь и знаемъ, какъ рѣзко Голицынъ и Долгорукіе расходились въ своихъ взглядахъ на эти мѣры. Долгорукіе (Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ) рѣшились выставить царскую невѣсту княжну Екатерину и для этой цѣли составили завѣщаніе, князь Голицынъ намѣтилъ герцогиню Курляндскую, которая должна была править съ согласія Совѣта вельможъ и съ этою цѣлью придумалъ пресловутые пункты. Ни та, ни другая конъюктура, однако, не удалась: на престолъ вступила самодержавная императрица, разорвавшая ограничительные пункты и строго покаравшая составителей подложнаго завѣщанія.

Глава VII.

Избраніе Анны Іоанновны и сочиненіе кондицій.

I. Совѣщаніе министровъ и собраніе государственныхъ чиновъ 19 января 1730 г.

Въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 19 января мы читаемъ: „Егда всепресвѣтлѣйшій великій Государь Петръ второй, Императоръ и самодержецъ всероссійскій, отъ временнаго въ вѣчное блаженство сего 18 въ 1-мъ часу по полуночи отъѣде, въ тоже время Верховный Тайный Совѣтъ, генералъ фельдмаршалы, духовный синодъ, такожъ изъ Сената и изъ генералитета, которые при томъ въ домѣ его Императорскаго Величества быть случились, имѣли разсужденіе о избраніи кого на Россійскій престолъ и понеже Императорскаго мужскаго колѣна наслѣдство пересѣклось, того ради разсудили оной поручить рожденной отъ крови царской, царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ, герцогинѣ курляндской“.

Предварительное разсужденіе о порученіи Россійскаго престола Аннѣ Іоанновнѣ, имѣвшее мѣсто ночью на 19 января въ Лефортовскомъ дворцѣ, непосредственно послѣ смерти Петра втораго, происходило, такимъ образомъ, не въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, а въ болѣе широкомъ собраніи, въ которомъ приняли участіе кромѣ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и другіе высшіе сановники. Но въ приведенный оффиціальный документъ, если вѣрить свидѣтельству очевидца, вкралась неточность: на этомъ собраніи представители синода отсутствовали. Ѳеофанъ Прокоповичъ разсказываетъ, что въ послѣднія минуты жизни Петра въ Лефортовскомъ дворцѣ были собраны „три архіерея, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, также изъ Сената и генералитета не малое число“. И тогда (т. е. по кончинѣ императора), „князь Василій Владиміровичъ Долгорукій именемъ прочихъ просилъ архіереевъ помѣшкать немного, внушая, что тамо же скоро имѣетъ быть совѣтованіе объ избраніи Государя новаго, но скоро потомъ, возвратясь къ нимъ, сказалъ, что Верховному Совѣту заблагоразсудилось къ надходящему дню и въ палатахъ Верховнаго Совѣта быть всѣхъ членовъ собранію въ 10 часу пополупочи... И тако архіереи всякъ восвояси отошли. Но въ самомъ семъ поступкѣ нѣкая была хитрость, ибо по отшествіи архіереевъ, верховники и другіе начальники тамъ же остались и долго разглагольствованіе было о наслѣдникѣ Государя съ немалымъ разгласіемъ“ [1].

Въ чемъ это „разгласіе“ заключалось, мы конечно въ точности знать не можемъ, ибо оно въ протоколъ совѣщанія занесено не было. Свидѣтельства современниковъ сходятся однако въ томъ, что ни старая царица, ни принцъ Голштинскій, ни царевна Елизавета горячихъ сторонниковъ, которые рѣшительно бы настаивали на ихъ избраніи, на этомъ собраніи не нашли [2]. Шла рѣчь только о княжнѣ Долгоруковой, права которой защищалъ, ссылаясь на составленное имъ завѣщаніе, князь Алексѣй Григорьевичъ [3] и Василій Лукичъ [4] и объ Аннѣ Іоанновнѣ, изложить преимущества избранія которой взялъ на себя князь Д. М. Голицынъ [5]. Фельдмаршалъ Долгорукій, очень рѣзко воз-

[1] Записки дюка Лирійскаго, перев. Языкова 1845, стр. 185, 187.

[2] С. Г. И. О. т. LXXV, стр. 459, 460. Языковъ, стр. 157.

[3] Языковъ, стр. 187, 188. Исторія Россіи Соловьева т. XIX, 244.

[4] Корсаковъ, стр. 4.

[5] С. Р. И. О. т. LXXV, стр. 456. Письмо Вестфалена у Корсакова, прил. стр. 71.

ставшій противъ домогательствъ своихъ родственниковъ, поддержалъ его, и Анна Іоанновна была избрана единогласно.

Когда эта оффиціальная часть засѣданія, занесенная въ протоколъ, была окончена, князь Голицынъ въ очень неопредѣленныхъ и неясныхъ выраженіяхъ сталъ намекать на свой проектъ. „Воля ваша“, сказалъ онъ, „кого изволите, только надобно себѣ полегчить“. „Какъ себѣ полегчить?“ спрашивали его. „Такъ полегчить, чтобы воли себѣ прибавить“, пояснилъ онъ. На это князь Василій Лукичъ замѣтилъ: „Хотя зачнемъ, да не удержимъ этого“. „Правда удержимъ“ сталъ увѣрять Дмитрій Михайловичъ и, рѣшившись наконецъ высказаться яснѣе, промолвилъ: „Будь воля ваша, только надобно, написавъ, послать ея величеству пункты“ [1].

И другіе сановники, разбившись на отдѣльные кружки, стали толковать о необходимости полегчить себя и такъ или иначе обезопасить себя отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя многіе изъ нихъ испытали на себѣ при только что пережитомъ режимѣ. „Батюшки мои“, сказалъ Ягужинскій князю Василію Лукичу, „прибавьте намъ какъ можно воли“. „Говорено уже объ томъ было, но то не надо“, отвѣтилъ Василій Лукичъ. Ягужинскій однако не унимался. Онъ, продолжалъ настаивать на своемъ. „Мнѣ съ міромъ бѣда не убытокъ“, сказалъ онъ князю Сергію Григорьевичу Долгорукому, „долго ли намъ будетъ терпѣть, что наши головы сѣкутъ, теперь время думать, чтобы самовластію не быть“ [2]. Князь Долгорукій, который на совѣщаніи у своего брата Алексѣя Григорьевича первый заговорилъ о подложномъ завѣщаніи и написалъ его подъ диктовку Василія Лукича, отвѣтилъ также односложно, какъ и этотъ послѣдній. Онъ сказалъ просто: „Не мое это дѣло“ [3]. Всѣ эти разговоры не привели, такимъ образомъ, ни къ какому опредѣленному результату. Видя, что сановники уже расходятся, а затронутый имъ вопросъ не подвинутъ ни на шагъ впередъ, князь Голицынъ вернулся къ своимъ товарищамъ и сказалъ: „Надобно ихъ воротить, чтобы не было отъ нихъ чего“ и возвратился съ Дмитріемъ Мамоновымъ, Львомъ Измайловымъ и Ягужинскимъ. Онъ сталъ говорить имъ: „Станемъ писать пункты.“ [4] Намъ неизвѣстно, что они ему отвѣтили, мы только знаемъ, что они скоро вышли изъ дворца

---

[1] Корсаковъ, стр. 4.

[2] Соловьевъ, стр. 246, 247.

[3] Соловьевъ, стр. 256. Корсаковъ, стр. 6.

[4] Соловьевъ, стр. 248. Корсаковъ, стр. 7.

и что въ той „особливой каморѣ“, въ которую собралъ теперь Голицынъ своихъ товарищей, ихъ уже не было.

О внѣшнемъ ходѣ совѣщанія, которое теперь началось, мы имѣемъ хотя краткія, но очень характерныя и вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія, сообщенныя очевидцемъ, секретаремъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Степановымъ.

Въ „каморѣ“ присутствовали два брата Голицына (Дмитрій и Михаилъ), четыре Долгорукихъ (Алексѣй Григорьевичъ, Василій Лукичъ, Василій и Михаилъ Владиміровичи), Остерманъ и Головкинъ. Послѣ „секретнаго“ совѣщанія между этими восемью лицами, былъ призванъ въ „камору“ Степановъ. Его усадили за столъ и стали ему диктовать кондиціи, или пункты. Говорили всѣ, но „болѣе приказывали иногда князь Дмитрій Михайловичъ, иногда князь Василій Лукичъ. Увидя, что за многолюдіемъ дѣло не идетъ на ладъ, Головкинъ и другіе обратились къ Остерману съ просьбой, чтобъ онъ „яко знающій лучше штиль диктовалъ“. Но Андрей Ивановичъ, какъ и слѣдовало ожидать, отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что „это дѣло важное и онъ за иноземничествомъ вступать въ оное не можетъ“. Тогда вызвался приказывать пункты Василій Лукичъ. Онъ очевидно отличался необыкновенною гибкостью убѣжденій и изумительнымъ умѣньемъ приноравливаться къ обстоятельствамъ. Нѣсколько часовъ тому назадъ онъ защищалъ кандидатуры княжны Долгоруковой, теперь онъ пишетъ кондиціи Аннѣ Іоанновнѣ; недавно онъ еще оспаривалъ осуществимость проекта князя Голицына, а теперь онъ самый энергичный изъ его союзниковъ; вчера онъ диктовалъ подложное завѣщаніе, сегодня онъ сочиняетъ ограничительные пункты. Онъ, однако, языкомъ владѣлъ плохо и поэтому предоставилъ Остерману „сказывать какъ штиль весть“. [1]

Написавъ наскоро пункты, министры „заѣхали на малое время по домамъ“ и „по утру 19-го всѣ пріѣхали въ мастерскую въ тогдашній Верховный Тайный Совѣтъ“ и „тамо собраны были какъ духовнаго чина знатные, такъ и свѣтскаго генералитетъ и Сенатъ и прочіе изъ коллегій не малое число“. И въ этомъ собраніи изъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, л. т. с. кн. Д. М. Голицынъ, какъ сказано въ оффиціальномъ журналѣ, какъ о кончинѣ его императорскаго величества, такъ и о порученіи Россійскаго престола государынѣ цесаревнѣ Аннѣ Іоан-

[1] Кашперовъ, стр. 10, 11.
[2] Корсаковъ, стр. 10.

новнѣ, объявилъ всѣмъ и притомъ спрашиваны согласны ли тому, на что всѣ при томъ будущіе объявили, что согласны, а кто при томъ былъ, тому вручёнъ журналъ, особливая записка[2]. „*О пунктахъ же или кондиціяхъ*, продолжаетъ Степановъ свой разсказъ, *ничего имъ не объявили*. А отпустя ихъ стали тѣ сочиненные въ слободѣ пункты читать и многія прибавки привезли съ собою, князь Василій Лукичъ и князь Дмитрій Михайловичъ вписывать велѣли, а Андрей Ивановичъ Остерманъ заболѣлъ и притомъ не былъ и съ того времени уже не ѣздилъ.“ [1] На этомъ же засѣданіи 19 января, на которомъ окончательно были редактированы Дмитріемъ Михайловичемъ и Василіемъ Лукичемъ пункты, было составлено письмо Аннѣ Іоанновнѣ, заготовлено ея отвѣтное на него посланіе, назначены депутаты, долженствовавшіе отвезти императрицѣ письмо и пункты, и составлена инструкція этимъ депутатамъ. Остерманъ отказался подписать кондиціи, Головкинъ же очень неодобрительно отнесся къ нимъ. „По отпускѣ князя Василія Лукича“, читаемъ мы въ запискѣ Степанова,—Гаврило Ивановичъ говаривалъ въ Совѣтѣ, сколько я упомнить могу, что отпустили они только одни пять человѣкъ, письмо и кондиціи, а другимъ не объявили, а надлежало бы объявить другимъ. Понеже когда ваше величество прибудете въ Святское, то придутъ вашему величеству многіе и скажутъ, что они о томъ не знали, и говаривалъ о кондиціяхъ, что тяжки. А особливо о лишеніи короны, но прочіе о тѣхъ кондиціяхъ не хотѣли объявлять“.

Всѣ эти документы, сочиненные 19 января, очень ярко характеризуютъ пріемы ихъ авторовъ, князя Д. М. Голицына и В. Л. Долгорукова, взявшихъ очевидно все дѣло въ свои руки. Какъ о кондиціяхъ не было проронено ни слова на собраніи государственныхъ чиновъ, такъ и въ письмѣ къ императрицѣ ничего не говорилось о томъ, кто составилъ пункты и умалчивалось, что Синодъ, Сенатъ и генералитетъ ничего объ нихъ не знали. Мало того, авторы письма къ Аннѣ Іоанновнѣ, желая ввести императрицу въ обманъ относительно дѣйствительнаго происхожденія пунктовъ, позволили себѣ прямую ложь. Они въ этомъ письмѣ писали императрицѣ, что избрали ее и сочинили пункты, „какъ мы *такъ и духовнаго и всякаго чина свѣтскіе люди*“. Чтобъ эта ложь не всплыла наружу и объ обманѣ не узнали ни царица, ни народъ, авторы инструкціи наказали депутатамъ вручить кондиціи совершенно наединѣ, безъ присут-

[1] Корсаковъ, стр. 10.

ствія посторонних, слѣдить строго за тѣмъ, чтобъ ей не было сообщено какихъ-либо вѣстей изъ Москвы помимо депутатовъ, объяснить ей, что кондиціи заключаютъ въ себѣ волю всего русскаго народа, отнюдь не допускать Анну Іоанновну ѣхать одной, а не иначе какъ въ сопровожденіи депутатовъ, и заботиться, чтобы какъ о посылкѣ депутатовъ, такъ и о переговорахъ ихъ съ Анной Іоанновной не могли дойти слухи до Петербурга и за границу. [1]

Эти документы, которые представляютъ собою сплетеніе лжи и обмана, и которые были составлены втихомолку отъ „общенародья“, говорятъ сами за себя и не нуждаются въ комментаріяхъ. Нужно удивляться только тѣмъ изъ нашихъ историковъ, которые пытаются обѣлить зачинщиковъ этого темнаго дѣла и выставляютъ ихъ людьми съ возвышеннымъ образомъ мыслей, съ идеальными стремленіями и высокими цѣлями. Пріемы, до которыхъ унизились авторы этихъ документовъ, дѣлаютъ, можетъ быть, честь ловкимъ дипломатамъ и придворнымъ интриганамъ XVIII столѣтія, но во всякомъ случаѣ не къ лицу людямъ „государственной реформы“ и „политическаго прогресса“...

II. Первыя мѣропріятія Совѣта послѣ смерти Петра II.

Не прошло и сутокъ со времени смерти Петра II, а князь Голицынъ могъ похвалиться уже полнымъ, казалось, успѣхомъ своего смѣлаго плана: Анна Іоанновна избрана единогласно, ограничительныя условія сочинены и отосланы императрицѣ съ письмомъ, объясняющимъ, что эти кондиціи являются выраженіемъ воли избравшихъ ее государственныхъ чиновъ.

И несмотря на эти результаты, достигнутые въ такой короткій промежутокъ времени, князь Голицынъ не могъ остаться доволенъ днемъ 19 января.

Его проектъ не встрѣтилъ того сочувствія, которое онъ ожидалъ. Даже среди тѣхъ восьми лицъ, при содѣйствіи которыхъ они были написаны, далеко не всѣ одобряли ихъ. Остерманъ, подъ предлогомъ иноземничества, уклонился отъ выраженія своего мнѣнія и отказался подписать пункты. Головкинъ находилъ ихъ слишкомъ тяжелыми, и не убоялся заявить, что такой небольшой кружокъ лицъ не имѣетъ права говорить отъ имени всего народа. Князь Алексѣй Долгорукій, который въ этотъ день похоронилъ всѣ свои честолюбивые замыслы, былъ такъ пора-

[1] Корсаковъ.

женъ разразившейся надъ его семьей катастрофой, что ни о чемъ другомъ и думать не могъ; фельдмаршалъ Долгорукій отнесся къ проекту очень сдержанно. Одинъ князь Василій Лукичъ необыкновенно горячо и энергично принялся за дѣло. Но князь Голицынъ не могъ дорожить союзникомъ, который еще вчера интриговалъ противъ Анны Іоанновны, а сегодня вызвался ѣхать въ Митаву для поднесенія ей грамоты объ ея избраніи: поддержка дипломата, который умѣлъ такъ быстро мѣнять фронтъ, врядъ ли могла льстить его самолюбію и обѣщать успѣхъ затѣянному имъ дѣлу.

Но дѣло было начато и его нужно было продолжать. Прежде всего необходимо было закрѣпить участіе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ новыхъ членовъ. На денномъ засѣданіи 19 января Верховный Тайный Совѣтъ избралъ въ свои члены „двухъ первыхъ фельдмаршаловъ князя Голицына и князя Долгорукова“. Этимъ самовластнымъ актомъ сановники, засѣдавшіе въ палатахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, вышли за предѣлы предоставленныхъ полномочій и присвоили себѣ не принадлежащую имъ власть. Они сошли съ законной почвы и изъ легальнаго органа обратились въ фактическое сборище, лишенное всякой юридической санкціи.

19 января 1730 года Верховный Тайный Совѣтъ, учрежденный Екатериной, пересталъ такимъ образомъ существовать юридически. Его упразднили зачинщики государственнаго переворота, узурпировавшіе учредительную власть и самовластно организовавшіеся въ революціонный комитетъ.

Этотъ комитетъ принимаетъ теперь рядъ мѣръ, свидѣтельствующихъ объ его безсиліи предъ той задачей, которую онъ самовольно взвалилъ на свои плечи.

Мѣры эти клонятся къ тому, чтобы дѣйствія и распоряженія Совѣта не проникли въ провинцію. Москва была оцѣплена заставами, было приказано не выдавать ни подводъ, ни подорожныхъ, никуда не посылать эстафетъ, вольнонаемнымъ извощикамъ было запрещено наниматься [1]. На засѣданіи слѣдующаго дня было предписано управляющему почтами не пропускать задержанныхъ при заставахъ проѣзжихъ до 22 января, когда почтовыя сношенія должны были быть возстановлены. Такъ какъ въ московскихъ церквахъ уже молились за самодержавную императрицу, то Совѣтъ, который не могъ уже запретить употребленіе этого титула въ столицѣ, разрѣшилъ „до времени по-

[1] Корсаковъ, стр. 16.

минать, какъ прежде было", т. е. съ титуломъ самодержицы; для всей же остальной Россіи смерть Петра должна была оставаться тайной и во всѣхъ церквахъ по-прежнему приказано поминать на ектеніяхъ имена покойнаго императора и его невѣсты [1]. Совѣтъ вообще очень усердно заботился о томъ, чтобы вѣсть о кончинѣ Петра II не проникала за предѣлы Москвы. Когда понадобилось выписать изъ Петербурга знамена для погребенія императора, то Совѣтъ въ засѣданіи 24 января опредѣлилъ послать о томъ распоряженіи, но „въ тѣхъ указахъ того, что тѣ знамена потребны не писать". Но всѣ эти предосторожности своей цѣли не достигали и графъ Минихъ (петербургскій генералъ-губернаторъ) доносилъ, что „о кончинѣ блаженной памяти его Величества въ С.-Петербургѣ черезъ нѣкоторыхъ купцовъ извѣстіе учинилось [2].

III. Слухи о кондиціяхъ, проникшіе въ общество и произведенное ими впечатлѣніе.

И не только проникла въ провинцію вѣсть о смерти Петра, которую такъ тщательно хотѣлъ скрыть Совѣтъ, но и кондиціи, которыя онъ во что бы то ни стало считалъ нужнымъ пока сохранять въ глубокой тайнѣ отъ „общенародья", стали извѣстны въ Москвѣ, хотя первое время и въ самыхъ неопредѣленныхъ и неясныхъ чертахъ.

Уже на слѣдующій день по избраніи императрицы, 20 (31) января, Лирія доноситъ, что принцесса Анна, герцогиня Курляндская, провозглашена и признана царицей, но еще сомнѣваются, приметъ ли она выборъ, потому что этотъ выборъ сдѣланъ съ *нѣкоторыми ограниченіями, нѣсколько тяжелыми*. Во-первыхъ, хотятъ, чтобы она не выходила замужъ, во-вторыхъ, чтобы ею руководствовалъ совѣтъ, *назначаемый нацією* [3]. Такія же свѣдѣнія сообщаетъ черезъ два дня, 22 января (2 февраля), своему правительству Лефортъ. „При избраніи", пишетъ онъ, „были объявлены условія, ограничивающія самодержавіе и *трудно терпимыя*, какъ-то: не выходить замужъ, зависѣть нѣкоторымъ образомъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, который будетъ учрежденъ во время ея царствованія [4]. Въ донесеніи о кончинѣ царя и объ избраніи герцогини Курляндской отъ 23 января (3 фев-

[1] Тамъ же, стр. 106.
[2] Тамъ же, стр. 110.
[3] Восемнадцатый вѣкъ, ч. III, стр. 30.
[4] С. Р. И. О., т. V, стр. 345.

раля), приложенномъ къ письму Бюсси, мы читаемъ: „Иностранные министры и политики были весьма удивлены такимъ избраніемъ...; но разъ кто знаетъ объ условіяхъ, предлагаемыхъ герцогинѣ Курляндской вмѣстѣ съ короной, легко угадываетъ тайную причину такого предпочтенія. Первое изъ этихъ условій заключается въ томъ, чтобы царица не выходила замужъ, а второе—чтобы она руководилась правительственнымъ совѣтомъ, *назначеннымъ народомъ*".

Такимъ образомъ въ первые дни по избраніи Анны Іоанновны, въ тѣхъ кружкамъ по крайней мѣрѣ, изъ которыхъ иностранные министры черпали свои свѣдѣнія, ничего не было извѣстно о дѣйствительномъ происхожденіи кондицій. Самая вновь проектируемая форма правленія представлялась въ видѣ ограниченной монархіи, въ которой императрица правитъ при содѣйствіи *народнаго представительства*. Что ограничительныя условія исходятъ только отъ 8 лицъ и что Совѣтъ будетъ состоять только изъ нихъ, объ этомъ иностранные министры въ первое время и не подозрѣвали.

На кондиціи они смотрятъ какъ на базисъ, на которомъ будетъ воздвигнуто съ согласія императрицы и государственныхъ чиновъ новое зданіе, но они еще не знаютъ, въ какомъ стилѣ оно будетъ построено. „Идея нація", по словамъ де-Лиріа „та, чтобы считать царицу лицомъ, которому они отдаютъ корону, какъ бы на храненіе, чтобы въ продолженіе ея жизни составить свой планъ управленія на будущее время... Твердо рѣшившись на это, они имѣютъ три идеи объ управленіи, въ которомъ еще не согласились: первая—слѣдовать примѣру Англіи, въ которой король ничего не можетъ дѣлать безъ парламента; вторая—взять примѣръ съ управленія Польши, имѣя выборнаго монарха, котораго руки были бы связаны республикой" [1]. „Одни хотятъ", читаемъ мы въ донесеніи Бюсси отъ 3 февраля, „ограничить права престола властью парламента, какъ въ Англіи, другіе какъ въ Швеціи, иные думаютъ сдѣлать престолъ избирательнымъ по примѣру Польши, иные же, наконецъ, высказываютъ мнѣніе, что нужно раздѣлить всю власть между вельможами, находящимися въ государствѣ и образовать аристократическую республику, такъ что, передавая русскій престолъ герцогинѣ Курляндской, они намѣрены дать ей вѣнецъ какъ бы взаймы и предоставить ей престолъ лишь въ видѣ залога до тѣхъ поръ, пока они не сойдутся относительно новой формы

[1] Восемнадцатый вѣкъ, т. III, стр. 30.

правленія, которую они учредятъ въ своемъ государствѣ“ [1]. Лефортъ въ письмѣ отъ 22 февраля также упоминаетъ объ этихъ трехъ планахъ націи. „Одни“, говоритъ онъ, „хотятъ его устроить на подобіе правленія Англіи, другіе подобно Польшѣ, а третьи желаютъ республики безъ представителя и тогда знатные уничтожили бы верховную власть и неограниченную зависимость“ [2]. Мы знаемъ, что эти свѣдѣнія не вѣрны. Мы знаемъ, что нація, устраненная министрами отъ затѣяннаго ими государственнаго переворота, не могла пока и не имѣла повода разсуждать о преимуществахъ различныхъ формъ правленія. Мы знаемъ также, что министры, отославшіе кондиціи и державшіе ихъ въ тайнѣ, не упражнялись въ той гаммѣ политическихъ проектовъ, о которой говорятъ Лиріа, Маньянъ и Лефортъ. Они тянули унисономъ одну только ноту—предоставленіе всей власти исключительно Верховному Совѣту безо всякаго участія націи [3].

Но какъ составлялись эти слухи и откуда они шли, объ этомъ мы можемъ составить себѣ понятіе по характерному сообщенію Вестфалена, относящемуся къ этому именно времени. Въ его

---

[1] С. Р. И. О., т. LXXV, стр. 466, 467.

[2] Тамъ же, т. V, стр. 345.

[3] Въ эти дни, когда иностранные министры думали, что новая форма правленія предпринимается и въ интересахъ народа, Маньянъ между прочимъ ожидалъ отъ нея много хорошаго. „Нельзя еще сказать“, пишетъ онъ 22 января (2 февраля), „въ эту минуту, какова будетъ эта новая форма правленія, ни того, будетъ ли оно устроено по образцу англійскаго правленія или же шведскаго. Намѣреніе старинныхъ русскихъ родовъ однако, какъ полагаютъ, состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться такимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ для своего освобожденія отъ ужаснаго рабства, въ которомъ они до сихъ поръ находились: они положатъ предѣлъ деспотической власти, съ которой русскіе монархи могли распоряжаться, по своей прихоти и произволу, жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ, безъ всякаго различія знаній и безъ судебнаго разбирательства; вельможи Русской имперіи, наравнѣ съ ея народомъ, не имѣютъ никакихъ привилегій, спасающихъ ихъ отъ истязаній кнута и отъ лишенія званія и должностей. Поэтому нѣтъ никакого повода сомнѣваться, что вниманіе русскихъ будетъ прежде всего обращено на это положеніе; по-крайней мѣрѣ если они этого не сдѣлаютъ—можно сказать, что они упустятъ случай лишь по недостатку смѣлости“ (стр. 458—459). „Баронъ Остерманъ“, пишетъ Рондо, 2 (13) февраля, „съ самаго дня смерти царя притворяется больнымъ, какъ говорятъ, съ цѣлью устраниться отъ мѣръ, принимаемыхъ Верховнымъ Совѣтомъ къ ограниченію права государей бить кнутомъ, ссылать, казнить дворянъ по одному подозрѣнію, не давая имъ возможности оправдаться или даже узнать, въ чемъ они обвиняются. Если русскіе воспользуются настоящими обстоятельствами, имъ пожалуй удастся освободиться отъ установившагося рабства“ (стр. 133).

письмѣ отъ 22 января (2 февраля) мы читаемъ: „20 (31) января оба фельдмаршала взошли въ Верховный Тайный Совѣтъ въ качествѣ его первыхъ, послѣ великаго канцлера графа Головкина, членовъ и тогда (не раньше ли?) принялись разсуждать о средствахъ ограничить деспотизмъ будущихъ царей Россіи, начиная съ настоящей царицы: умы въ настоящее время очень заняты этою деликатною и опасною матеріей. Голицынъ, который является инициаторомъ и двигателемъ этого дѣла, спросилъ меня вчера, какую изъ государственныхъ реформъ я считаю лучшею — шведскую или англійскую? Я ему отвѣтилъ, что шведская самая тщедушная (la plus jetive) и я не думаю, прибавилъ я, что англійская могла бы быть введена въ Россіи. Онъ на это ничего не отвѣтилъ [1].

Чрезъ нѣсколько дней слухи о колебаніи русской націи между „конституціонною монархіей“ и „чистою республикой“ умолкаютъ.

До свѣдѣнія иностранныхъ министровъ доходятъ уже слухи о томъ, что новая форма правленія задумана не „народомъ“, а вельможами и что она не встрѣчаетъ сочувствія со стороны мелкаго дворянства. Самая эта форма правленія получаетъ теперь въ донесеніяхъ иностранныхъ пословъ болѣе опредѣленныя очертанія, мало напоминающія, какъ „республику безъ главы“, такъ и „парламентскую монархію“. „Уже около двухъ недѣль прошло со времени царской кончины“, пишетъ Маньянъ 2 (13) февраля, „а до сихъ поръ еще не знаютъ, что думать относительно того, какую форму приметъ правленіе, такъ какъ неизвѣстно, приметъ ли герцогиня Курляндская корону на предписанныхъ ей условіяхъ или нѣтъ. Но третьяго дня сюда прибылъ курьеръ, отправленный депутатами отъ государственныхъ чиновъ къ этой принцессѣ съ извѣстіемъ, что она согласилась на свое избраніе и на предложенныя ей условія... Таковъ, по крайней мѣрѣ, слухъ, распространившійся со времени пріѣзда этого курьера. Но если предположить, что уничтожено первое затрудненіе, которое боялись встрѣтить, относительно согласія на такое избраніе, то неизвѣстно еще, будутъ ли также легко преодолѣны тѣ препятствія, которыя, какъ увѣряютъ, встрѣтятся по поводу разныхъ статей при установленіи новой формы правленія; рѣчи, ведущіяся по этому поводу, ни мало не успокоительны. Остерманъ все представляется большимъ, чтобы избавить себя отъ участія въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, и, какъ го-

[1] Корсаковъ. Приложеніе, стр. 72, 73.

Ворятъ, старый князь Голицынъ, членъ Верховнаго Совѣта, принялъ это дѣло на себя. Увѣряютъ, что этотъ министръ намѣревался: 1) ограничить власть царицы лишь внутреннимъ управленіемъ своего двора и *возложить всю верховную власть на собраніе Верховнаго Совѣта, состоящаго изъ 10-ти членовъ*, которые одни будутъ располагать должностями и войскомъ, 2) образовать, кромѣ этого Совѣта, 3 другихъ трибунала, а именно, сенатъ, состоящій изъ 36 членовъ, дворянскую палату—изъ 200 человѣкъ и, наконецъ, третью палату, составленную изъ городскихъ депутатовъ, по 2 отъ каждаго города. Но нѣкоторые представители мелкаго дворянства (которымъ неминуемо грозила бы гибель при такомъ измѣненіи старыхъ государственныхъ порядковъ) намекнули, какъ говорятъ, подъ рукой, что, когда дойдетъ дѣло до приведенія къ присягѣ въ вѣрности новой царицѣ, какъ это обязаны дѣлать русскіе подданные при наступленіи новаго царствованія, то легко могутъ возникнуть затрудненія, на которыя, быть можетъ, не разсчитываютъ; это обстоятельство должно было разстроить первоначальный проектъ князя Голицына; къ тому же присоединились старанія множества различныхъ партій, число которыхъ растетъ со дня на день и въ которыхъ, нѣтъ сомнѣнія, замѣшаны нѣкоторые наименѣе покорные изъ представителей духовенства, оскорбленные крайнимъ презрѣніемъ, выраженнымъ по отношенію къ этому сословію тѣмъ же княземъ Голицынымъ".

Де-Лиріа также сообщаетъ подробности о новомъ проектѣ управленія. 26 января онъ доноситъ: „Планъ управленія", который хотятъ установить здѣсь, „отнимаетъ у ея царскаго величества всякую власть. Она не будетъ имѣть никакой власти надъ войскомъ, которымъ будутъ распоряжаться фельдмаршалы, давая во всемъ отчетъ Верховному Совѣту, и царица будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи только ту гвардію, которая будетъ на дѣйствительной службѣ во дворцѣ; она не будетъ имѣть ни одного слуги, который по формѣ не былъ бы утвержденъ Верховнымъ Совѣтомъ [1] Послѣдній будетъ составленъ изъ 12 членовъ и всѣ дѣла будутъ восходить къ этому трибуналу. Сенатъ будетъ составленъ изъ 30 лицъ и онъ будетъ заниматься дѣлами судебными. Кромѣ этихъ двухъ трибуналовъ будетъ еще одинъ изъ двухсотъ лицъ мелкаго дворянства и въ родѣ нижней палаты. Будетъ одинъ великій казначей, который подастъ

[1] XVIII в. ч. III стр. 30.

отчеты только Верховному Совѣту. Вотъ проектируемая доселѣ идея въ планѣ управленія“ [1].

„Богъ знаетъ, будетъ ли она строго развита, какъ есть или что-нибудь въ ней измѣнятъ, но то вѣрно, что ни въ какомъ случаѣ не хотятъ оставить царицѣ какой-нибудь авторитетъ... Партій безчисленное множество и хотя послѣ смерти царя все продолжаетъ быть въ величайшемъ спокойствіи, но еще не все кончено и, пожалуй, можетъ произойти какая-нибудь вспышка“ [2]. Въ такихъ же приблизительно очертаніяхъ рисуетъ новую форму правленія и Лефортъ. Въ донесеніи его отъ 29 января (9 февраля) мы читаемъ: „Всѣ заняты теперь мыслью о новомъ образѣ правленія; планы вельможъ и мелкаго дворянства доходятъ до безконечности; первые желаютъ присвоить себѣ верховную власть въ формѣ аристократической. Они предполагаютъ устроить три государственныя верховныя учрежденія, а именно: Верховный Тайный Совѣтъ, состоящій изъ 12 членовъ, есть глава правленія, Сенатъ изъ 60 и для мелкаго дворянства собраніе изъ 100 съ ограниченіемъ, чтобы эти три учрежденія никогда въ важныхъ случаяхъ не сходились и не составляли одного учрежденія и чтобы за Верховнымъ Совѣтомъ оставался всегда совѣщательный голосъ. Въ такомъ случаѣ мелкое дворянство ничего не выиграетъ и, кромѣ того, гдѣ же законы, на которые основываться? Ихъ то у нихъ и нѣтъ“ [3].

---

[1] 2 (13) февраля Рондо пишетъ: „Не могу пока въ точности изложить Вашему Превосходительству, какую форму правленія русскіе думаютъ установить, но молва идетъ, будто, во-первыхъ, императрицѣ назначена будетъ опредѣленная сумма на расходы по двору: она не будетъ завѣдывать никакою частью войска, кромѣ частей гвардіи, содержащихъ караулъ въ ея дворцѣ, во-вторыхъ, учрежденъ будетъ новый Верховный Совѣтъ изъ 12 знатнѣйшихъ вельможъ, которому ввѣрится управленіе всѣми важнѣйшими дѣлами: объявленіе мира и войны, заключеніе дружественныхъ союзовъ и т. п.; назначенъ будетъ государственный казначей, обязанный давать Верховному Совѣту отчетъ въ расходованіи государственной казны, въ третьихъ, учреждается Сенатъ изъ 36 членовъ, разсмотрѣнію котораго важнѣйшія дѣла подлежатъ до внесенія ихъ въ Верховный Совѣтъ, въ четвертыхъ, учреждается собраніе изъ 200 лицъ низшаго дворянства для охраненія правъ его въ случаѣ, если бы Верховный Совѣтъ покусился нарушить ихъ, въ пятыхъ, учреждается особое собраніе, частью изъ дворянства, частью изъ купечества; собраніе это обязано будетъ наблюдать, дабы народъ не подвергался притѣсненіямъ. Таковъ общій планъ, надъ которымъ они и работаютъ, хотя пока еще не столковались, какъ устроить дѣло. (Рондо, стр. 134).

[2] XVIII в., стр. 35.

[3] С. Р. И. О. т. V, стр. 347—348.

Иностранные министры, очевидно, еще плохо знакомы съ кондиціями, слухи о которыхъ смѣшивались съ смутными извѣстіями о шляхетскихъ проектахъ. Они еще не подозрѣваютъ о рѣзкихъ разногласіяхъ между верховниками съ одной стороны и шляхетствомъ съ другой. Они еще и не догадываются о подкладкѣ кондицій и о тѣхъ пріемахъ, съ помощью которыхъ князь Голицынъ и его сообщники пытались выманить согласіе императрицы и обезпечить молчаніе народа. Но они уже не говорятъ болѣе ни о націи, будто бы проектировавшей измѣненіе формы правленія, ни о народномъ представительствѣ, будто бы вводимомъ планомъ правленія. Лефортъ, Маньянъ и де-Лиріа уже знаютъ, что предполагаемое измѣненіе исходитъ отъ вельможъ и что ни народное представительство, а Верховный Совѣтъ будетъ ограничивать власть царицы.

Не безынтересно познакомиться ближе съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвела на иностранныхъ министровъ подготовлявшаяся перемѣна правленія въ то время, когда они еще не были знакомы ни съ содержаніемъ кондицій, ни съ закулисною исторіей ихъ происхожденія.

Въ намѣреніи измѣнить образъ правленія иностранные министры видятъ естественную реакцію противъ только что пережитаго при Петрѣ режима, который представлялъ такой широкій просторъ вліянію фаворитовъ. „Русскіе думаютъ“, пишетъ де-Лиріа 20 (31) января, „что если цари останутся такими же абсолютными, какъ это было доселѣ, всегда найдется фаворитъ, который можетъ управлять ими и жезломъ и пыркомъ и швыркомъ, какъ дѣлали въ продолженіе царствованія покойнаго царя Петра II князь Иванъ Долгорукій и его отецъ“ [1]. Въ донесеніи, приложенномъ къ письму Бюсси отъ 23 января (3 февраля), мы читаемъ: „что касается русскихъ, то ихъ умыселъ при подобныхъ дѣйствіяхъ ничуть не загадоченъ: недавній опытъ съ Долгорукими, попавшими въ милость, заставляетъ ихъ страшиться власти временщиковъ, которые могли бы всегда управлять монархами вмѣстѣ съ имперіей, пока власть русскихъ монарховъ будетъ до такой степени неограничена; поэтому они хотятъ или уничтожить монархію, или до послѣдней степени ослабить ея силу примѣсью аристократическаго правленія“ [2]. И насколько планъ правленія имѣлъ въ виду эту цѣль, онъ и

---

[1] XVIII в., ч. III, стр. 29, 30.

[2] С. Р. И. О., т. 75, стр. 466.

встрѣчаетъ ихъ сочувствіе. Лефортъ, выражая свое неодобреніе задуманному проекту, замѣчаетъ однако: „Это не мѣшаетъ постараться предупредить нѣкоторыя злоупотребленія, происходящія отъ верховной власти, какъ напр., не должно допускать цѣлому народу быть въ зависимости отъ вспыльчивости и капризовъ фаворита, а въ остальномъ они зашли уже слишкомъ далеко“ [1]. Въ общемъ же Лефортъ не сочувствуетъ плану правленія: онъ признаетъ условія, предложенныя императрицѣ, трудно терпимыми [2], какъ и де-Лиріа, который находитъ ихъ также тяжелыми [3]. Они и не вѣрятъ въ осуществимость государственной реформы и еще въ то время, когда они не знали, что кондиціи—дѣло восьми лицъ, они уже предвѣщали задуманному политическому проекту плачевный конецъ. Де-Лиріа въ письмѣ отъ 20 (31) января увѣряетъ, „что императрица, получивъ власть, легко сброситъ наложенное на нее иго“ [4]. Того же мнѣнія держится и Лефортъ: „Я увѣренъ, пишетъ онъ 29 января (9 февраля), что когда ея величество вступитъ на престолъ, то заставитъ ихъ пѣть другое... Нѣкоторые сомнѣваются, чтобы царица согласилась на ихъ предложеніе; я же совершенно противнаго мнѣнія: она согласится на все, а между тѣмъ сдѣлаетъ то, что хочетъ“ [5].

Иностранные послы свидѣтельствуютъ, что затѣя вельможъ вызывала всеобщій ропотъ. „Новый образъ правленія, составляемый вельможами“, пишетъ Лефортъ 26 января (6 февраля), „подастъ поводъ къ волненію въ мелкомъ дворянствѣ. Они говорятъ между собою: знатные предполагаютъ ограничить деспотизмъ и неограниченную власть, эта власть должна быть умѣрена Совѣтомъ, который мало-по-малу захватитъ въ свои руки бразды правленія. Кто же намъ поручится, что нѣсколько времени спустя вмѣсто царя мы увидимъ въ лицѣ каждаго члена этого Совѣта тирана, своими притѣсненіями сдѣлавшаго насъ рабами пуще прежняго. У насъ нѣтъ законовъ, которымъ бы долженъ былъ слѣдовать Совѣтъ. Они сами издаютъ законы, и поэтому во всякое время могутъ ихъ уничтожить, и въ Россіи

---

[1] С. Р. И. О., т. V, стр. 345.

[2] Тамъ же, стр. 345.

[3] XVIII в., ч. 3, стр. 30.

[4] Тамъ же, стр. 30. Вестфаленъ у Корсакова, стр. 75 С. Р. . О 75 стр. 477.

[5] Тамъ же, т. V, стр. 348.

будетъ господствовать анархія“ [1]. „Я весьма боюсь“, пишетъ де-Лиріа 2 (13) февраля, „что съ обнародованіемъ новаго плана произойдетъ какое-нибудь возмущеніе, потому что офицеры гвардіи открыто говорятъ, что они де желаютъ лучше быть рабами одного монарха тирана, чѣмъ покоряться столько главамъ, тиранія которыхъ будетъ невыносима“ [2]. По свидѣтельству Мардефельда, такой взглядъ на новую форму правленія раздѣляли не одни только офицеры гвардіи, но и духовенство и низшее дворянство. Еще 26 января (6 февраля) онъ писалъ своему королю: „члены Верховнаго Совѣта, исключая барона фонъ Остермана, который изъ политическихъ видовъ оказался больнымъ, напротивъ ежедневно собираются съ цѣлью измышлять аристократическій образъ правленія, но духовенство и незнатное дворянство сопротивляются этому плану и желаютъ себѣ лучше одного правителя, чѣмъ восьмерыхъ“ [3].

Эти отзывы иностранныхъ министровъ вполнѣ вѣрно передаютъ общественное настроеніе. Они подтверждаются и другими свидѣтельствами. Ѳеофанъ Прокоповичъ такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное слухомъ о новой формѣ правленія, задуманной вольможами. „Жалостное же вездѣ по городу видѣнье стало и слышаніе: куда не пріидешь, къ какому собранію не пристанешь, не ино что было слышать, только горестныя нареканія на осьмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ, всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несъѣстное лакомство и властолюбіе, и вездѣ въ одну почитай рѣчь говорено, что если по желанію господь оныхъ сдѣлается, отъ чего бы сохранилъ Богъ, то крайнее всему отечеству настоитъ бѣдство. Самимъ имъ господамъ нельзя долго быть въ согласіи: сколько ихъ есть числомъ, чуть не только явится атамановъ междуусобныхъ браней, и Россія возымѣетъ скаредное лице, каково имѣла прежде, когда на многая княженія расторгнена бѣдствовала“ [4].

Опасеніе, что проектируемое измѣненіе поведетъ къ тираніи немногихъ и только ухудшитъ положеніе вещей, мы встрѣчаемъ и въ запискѣ, найденной въ бумагахъ казанскаго губернатора

---

[1] Тамъ же, т. V, стр. 347. По мнѣнію Лефорта, императрица возьметъ сторону мелкаго дворянства, не желающаго никакихъ перемѣнъ и уже начинающаго составлять разныя фракціи. Стр. 348.

[2] XVIII в., ч. 2, стр. 36.

[3] С. Р. И. О., т. XV, стр. 403.

[4] Стр. 198.

Волынскаго. „Слышно здѣсь“, читаемъ мы въ этой запискѣ „что дѣлается у насъ или уже и сдѣлано, чтобы быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сомнителенъ. Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій: и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными какъ бы согласно ни было, однако-жъ, впредь, конечно, у нихъ безъ разборовъ не будетъ, и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на то ярлея, вредить и губить станутъ“ [1].

---

[1] „Второе“, продолжаетъ авторъ записки, „понеже народъ нашъ наполненъ трусостію и похлебствомъ, и для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ персонамъ для бездѣльныхъ своихъ интересовъ или страха ради. Итакъ, хотя бы и вольные всего общества голосы требованы въ правленіе дѣлъ были, однако жъ, бездѣльные ласкатели всегда будутъ-то говорить, что главнымъ надобно, а кто будетъ правду говорить, тѣ пропадать станутъ, понеже уже всѣ совѣты тайны быть не могутъ. Къ тому же главные для своихъ интересовъ будутъ прибирать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ, и въ чьей партіи будетъ больше голосовъ, тотъ что захочетъ, то и станетъ дѣлать, и кого захотятъ, того выводить и производить станутъ, а безсильный, хотя-бъ и достойный былъ, всегда назади оставаться будетъ. Третіе, не допусти Боже, если война на насъ будетъ, и въ то время потребно расположить будетъ обществомъ или рекрутскій наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны государства, для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ для общей пользы нѣкоторую тягость, въ томъ голосовъ сообразить никакъ невозможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю, того въ полгода или въ годъ не сдѣлаютъ; а что и положено будетъ, то будетъ на главныхъ всегда въ домкахъ, и мы, средніе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ. Четвертое, если офицеры передъ штатскими не будутъ имѣть лишняго почтенія и воздаянія, то и послѣдняя пропадетъ у тѣхъ къ военной службѣ охота, понеже страха надъ ними такова, какой былъ, чаю не будетъ. Еще же слышно, что дѣлается воля къ службѣ, и правда, что въ неволѣ служить зѣло тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, извѣстно вамъ, что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбивъ и для того, если нѣкотораго принужденія не будетъ, то, конечно, и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдитъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ черезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ, что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ, развѣ останутся одни холопи и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить и въ тое чести надлежащія мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею насажаемъ непотребныхъ, отъ которыхъ впредь самимъ намъ мѣста не будетъ, и весь воинскій порядокъ у себя, конечно, потеряемъ. При томъ же подъ властью такихъ командировъ, Боже сохрани, такъ испотворены будутъ солдаты, что злѣе

Политическій проектъ, задуманный небольшимъ кружкомъ сильныхъ персонъ, вызвалъ такимъ образомъ, по свидѣтельству современниковъ, всеобщее недовольство. Но неудовольствіе это, служившее только отголоскомъ неопредѣленныхъ толковъ, не могло пока проявиться рѣзко и выразиться въ опредѣленныхъ ребованіяхъ: оно было такъ же смутно, какъ были смутны самые вызвавшіе его слухи.

Совершенно иначе должны были относиться къ кондиціямъ тѣ немногіе, которые, не сочувствуя затѣянному Голицынымъ дѣлу, были, однако, хорошо знакомы не только съ содержаніемъ пунктовъ, но и со всею закулисною исторіей ихъ происхожденія.

То были Головкинъ и Остерманъ. И съ ихъ поведеніемъ въ эти дни мы и должны теперь познакомиться

Глава VIII.

Собранія государственныхъ чиновъ 2 февраля и вызванныя ими мѣропріятія верховниковъ.

I. Измѣна Остермана, Головкина и Ягужинскаго дѣлу, задуманному княземъ Голицынымъ.

Несмотря на всю осторожность Остермана и его умѣніе воздерживаться отъ открытаго выраженія своихъ мыслей, поведеніе его 19 января и въ послѣдующіе дни, тѣмъ не менѣе, не могло не обнаружить его несочувствія плану Голицына.

Остерманъ, какъ мы видѣли, не захотѣлъ диктовать пунктовъ и отказался подписать ихъ подъ предлогомъ болѣзни; онъ не посѣщалъ засѣданій Совѣта и уклонялся отъ участія въ его рѣшеніяхъ. Это поведеніе Остермана было настолько демонстративно, что обратило на себя вниманіе иностранныхъ министровъ,

---

стрѣльцовъ будутъ. И какъ можно команду содержать или отъ какихъ шалостей унять одному генералитету, если въ полкахъ не будетъ добрыхъ офицеровъ? Еще же и то, ежели изъ арміи изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое шляхетство, то ужь имъ трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть, для того развѣ рѣдкій будетъ получать хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а прочіе большая часть разбоями и грабежами прибылся себѣ искать станутъ, и воровскія пристани у себя въ домахъ держать будутъ, а для того, хотя-бъ и выпускать, однакожь, по моему мнѣнію, развѣ съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ за нѣмъ было 50 и, по послѣдней мѣрѣ, 30 дворовъ, да и то, чтобъ онъ нѣсколько лѣтъ выслужилъ, и молодыя и шаткія свои лѣта пробылъ подъ страхомъ, а не на своей волѣ прожилъ".

съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившихъ за тѣмъ, что̀ дѣлалось въ эти памятные дни. Мардефельдъ доноситъ 26 января (6 февраля), что „Остерманъ изъ политическихъ видовъ сказывается больнымъ и не посѣщаетъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, который собирается ежедневно съ цѣлью измышлять аристократическій образъ правленія“ [1]. Въ письмѣ отъ того же числа де-Лиріа говоритъ, „что баронъ Остерманъ притворяется больнымъ и не хочетъ вмѣшиваться ни въ какія дѣла до пріѣзда царицы“ [2]. Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 2 (13) февраля онъ опять отмѣчаетъ, что „Остерманъ продолжаетъ держаться своего заключенія, изъ котораго не выйдетъ до пріѣзда царицы“ [3]. Маньянъ въ письмѣ отъ того же числа говоритъ, что „Остерманъ все представляется больнымъ, чтобы не участвовать въ томъ щекотливомъ дѣлѣ, которое принялъ на себя князь Голицынъ“ [4]. 5 (16) февраля Лефортъ не безъ злой иронiи замѣчаетъ: „Остерманъ уменъ, боленъ по командѣ и хочетъ получить выгоду даже отъ своего удаленія“ [5]. Рондо высказывается менѣе двухсмысленно и прямо заявляетъ, что „баронъ Остерманъ съ самаго дня смерти царя притворяется больнымъ, какъ говорятъ, съ цѣлью устраниться отъ мѣръ, принимаемыхъ Верховнымъ Совѣтомъ къ ограниченію правъ государей“ [6].

Но эта болѣзнь Остермана, которая служила для него предлогомъ устраняться отъ мѣръ, исходившихъ отъ Голицына, не мѣшала ему, однако, предпринять шаги, внушенные тѣми надеждами, которыя онъ связывалъ съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны. Онъ, какъ мы видѣли, крѣпко разсчитывалъ на то, что съ воцареніемъ Анны водворятся при русскомъ дворѣ ея митавскіе друзья. И вотъ услугами этихъ друзей онъ и поспѣшилъ теперь воспользоваться, чтобы стать поперекъ дороги планамъ князя Голицына. Черезъ этихъ друзей онъ предупреждаетъ Анну Іоанновну о всемъ случившемся: Рейнгольдъ Левенвольдъ шлетъ гонца въ Курляндію, который опережаетъ гонцовъ Голицына, именовавшихъ себя депутатами отъ государственныхъ чиновъ, и разсказываетъ императрицѣ все, что̀ произошло на келейномъ совѣщаніи 19 января.

---

[1] С. Р. И. О., т. XV, стр. 403, ср. также стр. 411.
[2] XVIII в., ч. 3, стр. 35.
[3] Тамъ же, стр. 36. Ср. также стр. 38.
[4] С. Р. И. О., т. 75, стр. 476.
[5] С. Р. И. О., т. V, стр. 353.
[6] Тамъ же, т. XXVIII, стр. 131.

Поѣхалъ въ Митаву и другой гонецъ, который былъ посланъ человѣкомъ, не хуже Остермана посвященнымъ въ тайны совѣщанія 19 января.

Гонецъ этотъ былъ снаряженъ зятемъ Головкина—Ягужинскимъ.

Ягужинскій, какъ мы видѣли, испыталъ на себѣ гнетъ того режима, при которомъ жизнь и имущество зависѣло, говоря словами Лефорта, отъ капризовъ и вспыльчивости фаворитовъ. Когда умеръ Петръ, онъ былъ одинъ изъ первыхъ, заявившихъ, что пора положить конецъ этому порядку вещей, поставить предѣлъ „самовластію“ и „прибавить себѣ воли“. Василій Лукичъ Долгорукій, какъ мы знаемъ, отвѣтилъ ему, однако, что объ этомъ уже шла рѣчь и что „то не надо“. Ягужинскій долженъ былъ удовлетвориться этимъ отвѣтомъ. Но потомъ онъ узналъ отъ своего тестя, что первый шагъ къ тому, „что не надо“, уже сдѣланъ и что однимъ изъ самыхъ энергичныхъ защитниковъ дѣла ограниченія самовластія является тотъ самый Василій Лукичъ, который такъ категорически отклонилъ разговоръ о необходимости „прибавить себѣ воли“. Ягужинскій узнаетъ такимъ образомъ, что его обманули и что уклонились отъ разговора съ нимъ объ ограниченіи самовластія только для того, чтобы въ своемъ, болѣе тѣсномъ, кружкѣ продолжать этотъ разговоръ и на свой ладъ „прибавить себѣ волю“, устранивъ отъ этой „воли“ всѣхъ другихъ. Мало того, онъ узнаетъ, что обманывали не только его, но и царицу и общенародье.

Если этого обмана, какъ мы видѣли, не одобрилъ и осторожный, скрытый Головкинъ, то вспыльчиваго и мстительнаго зятя его онъ возмутилъ. И если Головкинъ ограничился пассивнымъ протестомъ, то Ягужинскій рѣшился на смѣлый шагъ, который долженъ былъ въ корнѣ подорвать интригу Голицына.

Ягужинскій снаряжаетъ въ Митаву Петра Спиридоновича Сумарокова съ порученіемъ къ Аннѣ Іоанновнѣ. Уже 20 января посланецъ Ягужинскаго въ дорогѣ. Онъ благополучно добирается до столицы Курляндіи, проникаетъ къ герцогинѣ и передастъ ей отъ имени Ягужинскаго, что „ежели изволитъ его послушать, чтобы не всему вѣрить, что̀ станутъ представлять князь Василій Лукичъ Долгорукій и которые съ нимъ посланы до того времени, пока сама изволитъ прибыть въ Москву. Ежели князь Василій Лукичъ по тѣмъ пунктамъ принуждать будетъ подписываться, чтобъ ея величество просила отъ всѣхъ посланныхъ трехъ персонъ такого письма за подписаніемъ руки, что

они отъ всего народа оное привезли; ежели скажутъ, что согласіе народа; а ежели письма дать не похотятъ, то-бъ объявила, что ея величество оное учинитъ по волѣ ихъ, только когда она прибудетъ къ Москвѣ, чтобы оное такъ было, какъ представляютъ“ [1]. Сумароковъ долженъ былъ также передать Аннѣ Іоанновнѣ, „чтобъ она была благопадежна, что они всѣ желаютъ прибытія ея въ Москву“.

II. Собраніе государственныхъ чиновъ 2 февраля.

Интрига верховниковъ, такимъ образомъ, не удалась, тайное сдѣлалось явнымъ: императрица узнала все. Шляхетство также не осталось въ невѣдѣніи, и если еще не знало всего, то то, что оно уже знало, было достаточно для того, чтобы возбудить всеобщій ропотъ и вызвать единодушный отпоръ затѣянному вельможами дѣлу.

Неуспокоительны были и извѣстія, полученныя изъ Митавы. Вмѣстѣ съ письмомъ князя Долгорукова, сообщавшемъ о согласіи императрицы на пункты, пришло извѣстіе объ арестѣ Сумарокова. Нужно было спѣшить предотвратить опасность и въ виду измѣнившихся обстоятельствъ измѣнить и свою тактику. Время тайныхъ совѣщаній прошло. Нужно было дѣйствовать открыто, не щадя своихъ враговъ. Прежде всего необходимо было арестовать Ягужинскаго, разыскать и достойно наказать его сообщниковъ. Далѣе къ пріѣзду императрицы во что бы то ни стало слѣдовало потушить народное неудовольствіе, необходимо было заставить шляхетство или молчать или соглашаться.

На мелкое дворянство можно было дѣйствовать страхомъ, знатнѣйшихъ же нужно было привлечь на свою сторону лаской и обѣщаніями О мѣрахъ, принятыхъ въ этомъ направленіи верховниками, разсказываетъ намъ Ософанъ Прокоповичъ. Упомянувъ о томъ, какъ маломощные были запуганы угрозами вельмож, Ософанъ продолжаетъ: „начали же призывать къ себѣ первѣйшихъ изъ противной компаніи и принимать ихъ съ ласкосердіемъ и къ общему сословію преклонять, ротяся и присягая, что они за собственнымъ своимъ интересомъ не гонятся и жаловались, что напрасно то въ грѣхъ имъ поставлено, что они совѣта своего всѣмъ прочимъ не сообщи-

[1] Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 256 257.

ли, подал тому вину, что хотѣли они первѣе искусить и отвѣдать, какову себѣ покажетъ на ихъ предложеніе избираемая государыня, а то увѣдавъ, *имѣютъ они намѣреніе всѣ чины созвать и просить отвѣта, что кому заблагоразсудится къ полезнѣйшему впредь состоянію государства*, обѣщавал скоро то учинить и себя яко невинныхъ оправдать [1].

Медлить этимъ созваніемъ чиновъ нельзя было. В. Л. Долгоруковъ писалъ изъ Митавы, что императрица выѣзжаетъ не позднѣе 29 въ Москву. И какъ только 1 февраля пріѣхалъ генералъ Леонтьевъ и привезъ подписанные Анной Іоанновной кондиціи и письмо, вельможи немедленно же созвали на слѣдующій день, 2 февраля „Синодъ, Сенатъ, генералитетъ по бригадиры, президентовъ коллегіи и прочихъ штатскихъ тѣхъ рангов“.

На этомъ собраніи было прочтено составленное верховниками заранѣе въ Москвѣ отвѣтное письмо Анны Іоанновны [2], въ ко-

---

[1] „Таковыя верховныя выписки“, продолжаетъ Θеофанъ, „кто изъ опасныхъ и не скоро вѣрныхъ мужей слышалъ, вѣдалъ, что то обманное ловительство, но другіе и счисломъ многайшіе сими плѣнницами уловлены остались“ (стр. 202).

[2] Письмо это было слѣдующаго содержанія:

„Любезно вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, присутствующимъ въ Тайномъ Верховномъ Совѣтѣ. Отправленные отъ васъ любезно-вѣрные намъ т. д. с. и членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта кн. Василей Долгорукой, да тайный совѣтникъ и сенаторъ, князь Михаилъ Голицынъ, и генералъ маіоръ Михайло Левонтьевъ, 25 числа сего мѣсяца, пріѣхавъ къ намъ въ Митаву, горестную и неописанную объявили намъ печаль о преставленіи его императорскаго величества Петра втораго, нашего любезнѣйшаго племянника и государя. Мы, какъ по близости крови, такъ и по всѣмъ его величества благосклоннымъ къ намъ поступкамъ, признаваемъ тое печаль за крайнее Божеское наказаніе нашей фамиліи и всѣмъ россійскаго народа право любящимъ дражайшее свое отечество. Потому вышеупомянутые, отправленные къ намъ отъ васъ особы объявили намъ, что по соизволенію всемогущаго Бога, который токмо единъ державы и скипетры монарховъ опредѣляетъ, избрапы мы на россійской, прародителей нашихъ престолъ и хотя я разсуждала, какъ тяшко есть правленіе той великой и славной монархіи, однако же, повинуяся той Божеской воли и прося Его, Создателя, помощи къ тому же не хотя оставить отечества моего и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, намѣрилась принять державу того государства и правительствовать, елико Богъ мнѣ поможетъ такъ, чтобы всѣ наши подданные, какъ мірскіе, такъ и духовные, могли быть довольны. Понеже къ тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для, предъ вступленіемъ моимъ на россійской престолъ, по здравомъ разсужденіи изобрели мы за потребно, для пользы россійскаго государства и ко удовлетворенію вѣрныхъ на-

торомъ говорится, что она сама написала, какими способами она то правленіе вести хочетъ, затѣмъ были прочитаны самые способы [1].

Впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ кондиціи и письма на

шихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячесть и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ ко отечеству нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, а для того, елико время насъ допустило, написавъ какими способы мы то правленіе вести хощемъ и подписавъ нашею рукою, послали въ Верховный Тайный Совѣтъ, а сами сего мѣсяца въ 29-й день конечно изъ Митавы въ Москвѣ, для вступленія на престолъ, пойдемъ. Впрочемъ обѣщаемъ вамъ и всѣмъ нашимъ подданнымъ нашу монаршескую милость, которую, по прибытіи нашемъ, дѣйствительно показать хощемъ, и всѣхъ васъ вручаемъ Всемогущему Богу. Дано въ Митавѣ, 28 января 1730 году".

[1] „Понеже, по волѣ Всемогущаго Бога и по общему желанію россійскаго народа, мы, по представленіи всепресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго великаго государя Петра втораго, императора и самодержца всероссійскаго, нашего любезнѣйшаго государя племянника, императорскій всероссійскій престолъ воспріяли и, слѣдуя божественному закону, правительство свое такимъ образомъ вести намѣрена и желаю, дабы оное въ началѣ къ православію Божескаго имени и къ благополучію всего нашего государства и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ служить могло, того ради, чрезъ сіе паикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашея вѣры греческаго исповѣданія, такожде по принятіи короны россійской въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника, ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять. Еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный Верховный Тайный Совѣтъ въ семи персонахъ всегда содержать и безъ опаго Верховнаго Тайнаго Совѣта согласія

1) Ни съ кѣмъ войны не всчинять.

2) Миру не заключать.

3) Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податьми не отягощать

4) Въ знатные чины, какъ въ статскіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, и гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

5) У шляхетства живота и имѣнія и чести безъ суда не отымать.

6) Вотчины и деревни не жаловать.

7) Въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, безъ совѣту Верховнаго Тайнаго Совѣта не производить.

8) Государственные доходы въ расходъ не употреблять.

И всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать. А буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны россійской".

всѣхъ, которые не были раньше знакомы съ ихъ содержаніемъ, должно было быть самое удручающее. Если эти кондиціи въ неточной передачѣ уже казались тяжкими, то подлинный текстъ ихъ превзошелъ всякія ожиданія. Императрица обѣщается не вступать въ замужество, отказывается дать Россіи наслѣдника, устраняется даже отъ рѣшенія вопроса о преемникѣ престола. У нея отымается всякое самостоятельное участіе въ управленіи; веденіе какъ внѣшней, такъ и внутренней политики предоставляется Верховному Совѣту. Она лишается права назначать въ чины, какъ военные, такъ и штатскіе, выше полковника. Мало того, безъ согласія Совѣта она даже не имѣетъ права назначать личный составъ своего двора. Отъ военнаго управленія она устраняется совсѣмъ: вся военная сила поступаетъ подъ вѣдѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, который, такимъ образомъ, становится всесильнымъ и безотвѣтнымъ властелиномъ государства. И кто же этотъ Верховный Тайный Совѣтъ? Не легальное учрежденіе, избранное императрицей съ согласія государственныхъ чиновъ, а случайное собраніе изъ семи лицъ, самовластно присвоившихъ себѣ учредительныя полномочія.

Но какъ бы велико ни было недоумѣніе собравшихся 2 февраля въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ государственныхъ чиновъ, оно не могло проявиться открыто. Предусмотрительные вельможи приняли свои мѣры. Въ залѣ засѣданія, въ сѣняхъ и переходахъ было разставлено большое количество войска, которое должно было поддерживать порядокъ въ собраніи. Порядокъ и былъ сохраненъ полный. Но зловѣщее молчаніе, послужившее отвѣтомъ на рѣчь князя Голицына, который въ патетическихъ словахъ говорилъ о грядущемъ процвѣтаніи Россіи, краснорѣчивѣе всякихъ возгласовъ свидѣтельствовало о тѣхъ чувствахъ и мысляхъ, которыми собравшіеся встрѣтили вѣсть о новомъ образѣ правленія. Ософанъ Прокоповичъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ кондицій и рѣчью Голицына. „Никого, почитай, кромѣ верховныхъ, не было, кто бы таковая слушавъ, не содрогнулся и саміи тіи, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики; шептанія нѣкая по множествѣ оному протумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И нельзя было не бояться, понеже въ палатѣ оной, по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ, многочисленно стояло вооруженное воинство. И дивное было всѣхъ молчаніе. Сами господа верховные тихо нѣчто одинъ другимъ

шептывали и, остро глазами посматривая, притворялись, будто бы и они яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи удивляются. Одинъ изъ нихъ только князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ часто похаркивалъ: „Видите, какъ милостива государыня, и какого мы отъ нея надѣялись, таковое она показала отечеству нашему благодѣяніе. Богъ ее подвигнулъ къ писанію сему: отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ“. Сія и симъ подобная до сытости повторялъ. Но понеже упорно всѣ молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарекать сталъ: для чего никто ни единаго слова не проговоритъ? Изволилъ бы сказать кто что думаетъ, хотя и нѣтъ де ничего другого говорить, только благодарить толь милосердой государынѣ. И когда нѣкто изъ кучи тихимъ голосомъ съ великою трудностью промолвилъ: „Не вѣдаю де и весьма чуждуся, отъ чего на мысль пришло государынѣ такъ писать“, то на его слова ни отъ кого отвѣта не было. Потомъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій предложилъ словесно, дабы ему и прочей братіи дано было время поразсудить о томъ свободнѣе. И на то соизволили верховные, желая паче отпустить прочь упрямыхъ и себя отъ страха освободить, нежели вмѣняя то въ пользу свою“.

III. Политика Верховнаго Тайнаго Совѣта послѣ собранія государственныхъ чиновъ 2 февраля.

Совершенно иначе изобразилъ князь Голицынъ съ товарищами въ письмѣ къ императрицѣ впечатлѣніе, произведенное кондиціями на собраніи государственныхъ чиновъ. „Сего настоящаго февраля 2-го дня“, говорится въ этомъ письмѣ, „получили мы съ нашею и *всего общества неописанною радостью* ваше милостивѣйшее къ намъ писаніе отъ 28-го минувшаго генваря и сочиненные въ общую пользу государственную пункты... и того же дня оное при собраніи Синоду, Сенату и генералитету оригинально объявлены и прочтены и подписаны отъ всѣхъ“. Въ этомъ письмѣ ложно не только свидѣтельство объ общей радости, съ которою будто бы государственные чины встрѣтили кондиціи, но и увѣреніе, будто Сенатъ, Синодъ и генералитетъ въ тотъ же день подписали ихъ. Государственные чины, напротивъ, отказались 2 февраля закрѣпить протоколъ засѣданія этого дня и только позднѣе, а именно 4-го, 6-го, 7-го и 8-го февраля, начали подавать свои мнѣнія и подписывать протоколъ. Профессоръ Корсаковъ, который вообще очень сдержанно отзы-

вается о поведеніи авторовъ кондицій, на этотъ разъ измѣняетъ своему обычному тону и заявляетъ, что въ письмѣ къ императрицѣ „верховники высказываютъ явную ложь и допускаютъ прямой подлогъ“ [1].

Князь Голицынъ этимъ письмомъ хотѣлъ очевидно парализировать впечатлѣніе, произведенное на императрицу разоблаченіями Левенвольда и Ягужинскаго: если нельзя, разсуждалъ онъ, разувѣрить государыню въ томъ, что кондиціи составлены безъ участія общенародія, то нужно по крайней мѣрѣ внушить ей, что онѣ встрѣтили всеобщее сочувствіе Синода, Сената и генералитета и закрѣплены ихъ подписью.

Князь Голицынъ, оставаясь вѣренъ своей тактикѣ, считалъ нужнымъ скрывать истину и отъ народа. Убѣдившись, какое впечатлѣніе произвели кондиціи на государственные чины, онъ счелъ болѣе благоразумнымъ не объявлять о нихъ въ манифестѣ о восшествіи на престолъ императрицы и изобразить самое избраніе Анны Іоанновны дѣломъ всего россійскаго народа. Прямой и честный фельдмаршалъ Долгорукій протестовалъ однако противъ такого молчанія и требовалъ, чтобы въ манифестъ „внести кондиціи и письмо ея величества, чтобы народъ вѣдалъ ради соблазна“. Оба же Голицыны были того мнѣнія, „чтобы о кондиціяхъ объявленія тогда учинить, когда ея императорское величество прибудетъ отъ ея лица для того, чтобы народъ не сумнѣвался, что выданы отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а не отъ ея величества, а когда пріѣдетъ ея величество, тогда отъ своего лица ту свою милость объявить изволитъ“. Головкинъ и Остерманъ были также противъ объявленія въ народъ кондицій, хотя конечно по совершенно другимъ соображеніямъ: они знали, что эти кондиціи останутся на бумагѣ и что народу незачѣмъ ихъ знать. Наивный Алексѣй же Григорьевичъ Долгорукій находилъ, что въ Москвѣ „всемѣрно надлежитъ публиковать кондиціи, чтобы инако не толковали“. Мнѣніе Голицына восторжествовало и 8-го февраля было рѣшено опубликовать манифестъ безъ упоминанія о кондиціяхъ.

Эти дни Голицынъ былъ занятъ и другимъ дѣломъ: шли аресты лицъ, которыя осмѣлились стать поперекъ дороги задуманной имъ „государственной реформы“. Привезеннаго изъ Митавы въ кандалахъ Сумарокова били кнутомъ, допрашивали и заставляли выдать сообщниковъ. Послѣдствіемъ этихъ допросовъ

[1] Стр. 132.

явился арестъ Ягужинскаго; его задержали на томъ же засѣданіи государственныхъ чиновъ, на которомъ князь Голицынъ такъ краснорѣчиво говорилъ о будущности Россіи. Потомъ пошли другіе аресты сообщниковъ Ягужинскаго. Эти суровыя мѣропріятія „государственныхъ реформаторовъ“ и „друзей народа“ произвели на современниковъ удручающее впечатлѣніе. „Государственные чины“, пишетъ Маньянъ, „провели вчера цѣлый день въ засѣданіи, какъ для производства слѣдствія надъ Ягужинскимъ, который былъ прежде всего лишенъ голубой ленты, такъ и для того, чтобы открыть его сообщниковъ. Ихъ арестуютъ безпрестанно изъ всѣхъ сословій, насчитывая уже до 30 лицъ, заключенныхъ въ тюрьму [1]. „Получивъ удары кнута“, разсказываетъ Лефортъ, „Сумароковъ открылъ такъ много приверженцевъ Ягужинскаго, что принуждены были замять это дѣло, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ было замѣшано много знати. *Хотятъ уничтожить самодержавіе верховной власти, а Верховный Тайный Совѣтъ самъ же дѣйствуетъ совершенно деспотически.* Онъ рѣшаетъ дѣла не спросясь никого, будто онъ—не отвѣтственное государственное учрежденіе. Этотъ опрометчивый образъ дѣйствія открываетъ глаза народу и подкрѣпляетъ его къ приверженности къ старому и обыклому... Меня нельзя разувѣрить, что фельдмаршалъ Долгорукій и Остерманъ не держатъ тайно вмѣстѣ сторону царицы, хотя первый только и толкуетъ о свободѣ. *Если бы пришлось истреблять людей, раздѣляющихъ это мнѣніе,* то погибла и часть Долгорукихъ, Голицыныхъ, Головкиныхъ, Салтыковыхъ, Ромадановскихъ, Барятинскихъ, Черкасскихъ и все мелкое дворянство и духовенство, обиженное, что не допущено было принять участіе въ какомъ-либо совѣщаніи. Эти размышленія убѣждаютъ меня, что произойдутъ важныя перемѣны и государству грозитъ опасность“ [2].

И скоро Голицыну пришлось дѣйствительно убѣдиться, что нельзя „истребить“ всѣхъ держащихся инаго мнѣнія, и что грубый произволъ не въ силахъ потушить всеобщее недовольство.

---

[1] С. Р. И. О., т. LXXX, стр. 483.

[2] Тамъ же, т. V, стр. 352, 353.

Глава IX.

Шляхетскіе проекты.

I. Проектъ князя Черкасскаго.

Съ 5 февраля стали поступать въ Верховный Тайный Совѣтъ заявленія шляхетства, которыя не оставляли сомнѣнія въ дѣйствительномъ настроеніи собравшагося въ Москвѣ служилаго дворянства, и ясно обнаружили Голицыну шаткость занятой имъ позиціи и безнадежность его политическихъ плановъ.

4 февраля въ домѣ Василія Новосильцева было окончательно редактировано и подписано 288 лицами мнѣніе шляхетства, которое въ предшествующіе дни обсуждалось и читалось въ „не малыхъ собраніяхъ шляхетства“. Это мнѣніе извѣстное въ литературѣ подъ названіемъ „проекта кн. Черкасскаго“, дошло до насъ въ запискѣ Татищева, напечатанной въ сборникѣ *Утро*, подъ заглавіемъ: „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ“.

Эта „Записка“ настолько характерна и такъ ярко рисуетъ отношеніе общества не только къ кондиціямъ, но и ко всему образу дѣйствія кн. Голицына и его единомышленниковъ, что мы считаемъ нужнымъ по возможности полно и обстоятельно изложить ея содержаніе.

Чтобы уразумѣть ходъ мыслей и аргументацію „Записки“, не лишнее выяснить себѣ ту политическую доктрину, которая лежитъ въ ея основаніи. Эта доктрина—теорія самодержавія Ософана Прокоповича, изложенная въ его знаменитой „Правдѣ Монаршей“.

Въ этомъ трактатѣ Ософанъ [1], какъ извѣстно, учитъ, что во всѣхъ государствахъ, какую-бы они форму не имѣли, демократическую-ли, аристократическую-ли, монархическую-ли, первоначальнымъ источникомъ власти вездѣ является воля народа. „Отъ сего-же правительствъ разнообразія“, разсуждаетъ Ософанъ, „показуется ясно, что всякій правленія образъ, и сама наслѣдная монархія имѣетъ начало отъ перваго въ семъ или ономъ народѣ согласія“ [2]. Въ наслѣдственной монархіи воля

---

[1] Полное Собраніе Законовъ № 4.870.

[2] „Въ монархіи наслѣдной“, продолжаетъ Ософанъ, „таковая была къ первому монарху воля народная, аще и не словомъ, но дѣломъ изъявлена-

народа передала всю власть монарху. Пока этотъ монархъ живъ, воля народная склоняется безусловно передъ его волей. Послѣ его смерти народная воля также безпрекословно подчиняется волѣ назначеннаго имъ преемника. Но какъ быть, если монархъ умретъ, не только не назначивъ себѣ наслѣдника, но и не давъ никакихъ косвенныхъ указаній, по которымъ можно было-бы узнать его волю? Въ такихъ случаяхъ, отвѣчаетъ Феофанъ, снова вступаетъ въ свои права воля народа. „Когда-же оскудѣетъ“, говоритъ онъ, „вся ближайшая фамилія, а послѣдній въ ней государь никого въ наслѣдники не опредѣлилъ и безъ завѣта преставился, тогда воля, бывши монархамъ отданная, возвращается къ народу“ [1].

Такой именно случай наступилъ со смертью Петра II. По мнѣнію шляхетства, престолъ долженъ былъ быть замѣщенъ тѣмъ порядкомъ, который, въ приведенныхъ словахъ, указанъ Феофаномъ, то-есть не произвольнымъ актомъ, никѣмъ на то не уполномоченныхъ четырехъ или пяти человѣкъ, а всенароднымъ избраніемъ. „В. Т. Совѣтъ“, читаемъ мы въ „Запискѣ“, „при объявленіи о кончинѣ императора Петра II, купно объявилъ о избраніи на престолъ царевны Анны Іоановны, герцогини Курляндской; и хотя они тогда собранный генералитетъ спрашивали, согласно-ли оному избранію, однакожъ они уже въ томъ надлежащій порядокъ избранія преступили; ибо сіе не есть наслѣдства порядочнаго объявленіе, но избраніе, и таковое, какого отъ начала государства въ Руси не бывало... *А по закону естественному избраніе должно быть съ согласіемъ всѣхъ подданныхъ*, нѣкоторыхъ персонально, другихъ черезъ повѣренныхъ, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ утвержденъ, а не четыремъ или пяти человѣкамъ, какъ то нынѣ весьма непорядочно учинено“ [2]. Шляхетство противъ самаго результата незаконнаго избранія не протестуетъ: „Сіе избраніе, сказано въ запискѣ, оставляется въ молчаніи для того, что весь народъ

пая: согласно вси хощемъ да ты къ общей нашей пользѣ владѣеши надъ нами вѣчно, то есть понеже смертенъ еси, то до по тебѣ, ты же самъ впредь да оставляеши намъ наслѣднаго владѣтеля, мы же единожды волю нашей совлекшеся, никогда-же оной впредь, ниже по смерти твоей употреблять не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникомъ твоимъ по тебѣ повиноватися глаголемымъ обѣщаніемъ одолжаемся и нашихъ по насъ наслѣдниковъ тымжде долженствомъ обязуемъ“.

[1] Тамъ же, стр. 628.

[2] *Утро*, стр. 369.

персоною ея величества доволенъ и никто не споритъ“ [1]. Но оно считаетъ своимъ долгомъ заявить о незаконной формѣ избранія, дабы этотъ произвольный актъ вельможъ не могъ служить прецедентомъ на будущее время и источникомъ новыхъ смутъ и волненій. „Токмо сіе“, читаемъ мы въ запискѣ, „должно протестовать для предка и сочинить на такой нечаянный случай законъ, что отъ того безпорядка не воспослѣдовало то же, какъ коварнымъ избраніемъ Шуйскаго все государство въ смятеніе и крайнее разореніе приведено было“ [2].

Но шляхетство не хочетъ ограничиться однимъ только голымъ протестомъ: оно считаетъ своимъ долгомъ и обосновать его доводами. Записка ставитъ вопросъ: „По кончинѣ государя безнаслѣдственнаго имѣетъ-ли кто надъ народомъ власть повелѣвать?“ И отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, какъ и Ѳеофанъ, отрицательно.[3] Народъ, лишившись монарха, не оставившаго по себѣ наслѣдника, возвращается къ своему первоначальному состоянію, въ которомъ всѣ равны и нѣтъ ни властныхъ, ни подвластныхъ. Воля, отданная народомъ монарху по первоначальному договору, снова возвращается народу. Всякій поэтому, кто, не давъ высказаться общенародію, присвоитъ себѣ власть больше той, какой онъ владѣлъ по законамъ прежняго монарха, является узурпаторомъ. Такимъ именно узурпаторомъ и выступилъ В. Т. Совѣтъ. Онъ присвоилъ себѣ по смерти Петра II власть, которую при жизни его не имѣлъ. Члены Совѣта не только избрали, не спросясь народа, наслѣдника престола, но и сдѣлали „весьма сего тягчайшее“: „они дерзнули собою единовластительство отставить, а ввести аристократію“ и сдѣлали

[1] Тамъ же, стр. 370.

[2] Тамъ же, стр. 370.

[3] „Попеже“, читаемъ мы въ Запискѣ, „избранному или наслѣдствомъ престолъ пріявшему государю, ему токмо единому присягаемъ и вѣрности и послушанія обязываемся, и ему власть законоположенія уступаемъ по его смерть, которая какъ его отъ власти, такъ подданныхъ отъ присяги освобождаетъ; и хотя онъ при себѣ для помощи своей даетъ власть въ управленіе, и при немъ оные той чести, власти и преимущества правильно достойны, однакожъ опое все кончиною его кончится и власть оныхъ прекѣкается, а остаются равны вообще народы въ ихъ прежнемъ станѣ, и никто ни надъ какимъ ни малѣйшей власти не имѣетъ, доколѣ послѣдовавшій государь оныхъ паки утвердитъ, или, отрѣша, иныхъ опредѣлитъ; но между тѣмъ, чтобы нужная расправа и правленіе не пересѣкались, общенародье уступаетъ имъ токмо ту власть, какову и по прежнимъ законамъ, каковъ прежде имѣли, а болѣе безъ точнаго опредѣленія отъ народа никакъ требовать не могутъ (тамъ же, стр. 370, 371).

это при помощи лжи и обмана, „объявляя ея величества письмо и пункты, яко-бы она сама по своей воли учинила, и принуждаютъ насъ, подъ образомъ слышанія, оное подписками утвердить, яко-бы мы то ихъ продерзости согласовали“ [1].

Показавъ, что вельможи не имѣли права самовластно измѣнить государственные законы, „Записка“ ставитъ далѣе второй вопросъ и спрашиваетъ: „Кто въ такомъ случаѣ, то-есть въ случаѣ смерти государя безъ наслѣдника, можетъ каковъ законъ или обычай застарѣлый перемѣнить и новый учинить?“ и отвѣчаетъ на него въ полномъ согласіи съ теоріей самодержавія Ософана. „Власть законодавства“, говоритъ записка, „уступаетъ токмо самому государю, и нѣтъ приклада у насъ, чтобы государь при себѣ кому оную власть уступилъ, развѣ наслѣдника престола и соуправителя объявитъ, какъ то въ Римской Имперіи было. *Законы же, хотя разнымъ повѣреннымъ сочинять позволяетъ, но безъ утвержденія его ни одинъ не дѣйствителенъ, для того всѣ законы отъ его имени происходятъ*“. Когда-же государь умеръ безъ наслѣдника, то власть возвращается къ народу, „никакой законъ или порядокъ перемѣнить никто не можетъ, развѣ общенародное соизволеніе“ [2].

Если, такимъ образомъ, послѣ смерти монарха, не назначившаго себѣ наслѣдника, право издавать законъ можетъ принадлежать только народу, то спрашивается: имѣетъ-ли этотъ народъ, при данныхъ обстоятельствахъ, поводъ воспользоваться этимъ правомъ съ тою цѣлью, съ какою вельможи задумали государственный переворотъ?

„Ежели нужно намъ, отвѣчаетъ Записка, самовластное древнее правительство перемѣнить, то прежде разсудить, какое по состоянію народа и положенію лучшее?“ Зная, что авторы записки придерживаются теоріи самодержавія Ѳеофана Прокоповича, намъ нетрудно догадаться, какой мы получимъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. „*Къ премѣненію правительства,* говорится въ „Запискѣ“,—никакой нужды, ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ“. Съ цѣлью обосновать это утвержденіе, Записка сравниваетъ различныя формы правленія и, показавъ, при какихъ условіяхъ каждая изъ нихъ можетъ существовать, [3] задается вопро-

---

[1] Тамъ же, стр. 370.

[2] Тамъ же, стр. 371.

[3] „Записка“ различаетъ, во-первыхъ, монархію или единодержавіе, во-вторыхъ, аристократію или избранное правительство, и въ третьихъ, демократію или общественное управленіе. „Изъ сихъ разныхъ правп-

сомъ, какое изъ сихъ трехъ правительствъ, по состоянію нашего государства, есть полезнѣйшее? Во-первыхъ, демократія никакъ употребиться не можетъ, ибо пространство великаго государства тому препятствуетъ. Аристократія насъ довольно вредомъ приключеннымъ научила". И чтобы доказать это послѣднее положеніе, авторъ „Записки" дѣлаетъ бѣглый обзоръ нашего историческаго прошлаго, изъ котораго, по его мнѣнію, вытекаетъ, что Россія крѣпла по мѣрѣ того, какъ ослабѣвали аристократическіе элементы и складывалась и росла власть самодержавная. „Петръ Великій, говорится въ „Запискѣ," — все оное усугубилъ и бо́льшую, нежели его предки, себѣ и государству самовластіемъ честь, славу и пользу принесъ, какъ то весь свѣтъ можетъ засвидѣтельствовать; а посему довольно всякъ благоразсудно видѣть можетъ, *колико самовластног правительство у насъ всѣхъ прочихъ полезнѣе, а прочія опасны.*" Возраженія противъ этой формы правленія [1] шляхетство принимаетъ

тельствъ, разсуждаетъ „Записка", — каждая область избираетъ, разсмотря положеніе мѣста, пространство владѣнія и состояніе людей, а не каждое всюду годно, или каждой власти можетъ быть полезно. Напримѣръ, въ единственныхъ градѣхъ, или весьма тѣсныхъ областяхъ, гдѣ всѣмъ хозяевамъ домовъ вскорѣ собраться можно, въ такомъ демократія съ пользою употребиться можетъ, а въ великой области уже весьма неудобна. Въ областяхъ, хотя изъ нѣсколькихъ градовъ состоящихъ, но отъ нападеній непріятельскихъ безопасныхъ, какъ-то на островахъ и проч. можетъ аристократическое быть полезно, а особливо, если народъ ученіемъ просвѣщенъ и законы хранить безъ принужденія прилежитъ,—тамо такъ остраго смотрѣнія и жестокаго страха не требуется. Великія и пространныя государства для многихъ сосѣдей завидующихъ, оныя нѣкоторымъ изъ объявленныхъ правиться не могутъ; особливо, гдѣ народъ недовольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, а не изъ благонравія или познанія пользы и вреда, законъ хранить, въ таковыхъ не иначе, какъ само или единовластіе потребно, но какъ состоянія областей много разнятся, продолжаетъ Записка, такъ и правительства оныя избираются смѣшанныя въ двухъ или всѣхъ трехъ по части, примѣръ сему имѣемъ, Голландія, Швейцарія, Генуя и пр. изрядно правится демократіею и называются республиками. Венеція почти единна правится аристократіею. Испанія, Франція, Россія, издревле Турецкое, Персидское, Индійское, Китайское, яко великія государства, не могутъ иначе правиться, какъ самовластіемъ. Затѣмъ смѣшанныя: Нѣмецкая имперія и Польша правятся монархіею съ аристократіей. Англія и Швеція изъ всѣхъ трехъ состоятъ, яко въ Англіи нижній парламентъ или камера, въ Швеціи сеймъ — представляютъ общенародіе, верхній парламентъ, а въ Швеціи сенатъ — **аристократію.**

[1] Первое возраженіе состоитъ въ томъ, что единому человѣку великую власть надъ всѣмъ народомъ дать небезопасно, ибо, какъ бы мудръ и добродѣтеленъ онъ ни былъ, онъ все не безгрѣшенъ и во всемъ доста-

во вниманіе, но доказываетъ, что указываемые недостатки вовсе не естественное свойство монархіи, а изъяны, во-первыхъ, встрѣчающіеся и въ другихъ государствахъ, а во-вторыхъ, легко устранимые при соблюденіи извѣстныхъ условій. Главнымъ изъ этихъ условій является то, чтобы монархъ окружалъ себя мудрыми и благонамѣренными совѣтниками и чтобы такимъ же добродѣтельнымъ людямъ поручались и учрежденія. Этимъ путемъ, а никакъ не введеніемъ аристократическаго образа правленія, возможно предупредить злоупотребленіе временщиковъ и безчинство такихъ учрежденій, какъ тайная канцелярія.

Эти соображенія и побуждаютъ шляхетство представить свое мнѣніе о государственной реформѣ. Эта реформа стоитъ на почвѣ существующаго порядка и ничего общаго съ кондиціями не имѣетъ. Шляхетство предлагаетъ создать учрежденія, которыя облегчили бы императрицѣ нести бремя правленія и окружили бы ее совѣтниками „благоразумными, искусными и при-

---

точенъ; на это возраженіе „Записка“ отвѣчаетъ, что хотя человѣкъ, конечно, всякій имѣетъ свои недостатки, однако государи окружены совѣтниками, которыхъ они избираютъ изъ людей благоразсудныхъ, искусныхъ и прилежныхъ; и какъ онъ, яко господинъ въ своемъ домѣ желаетъ оный наилучшимъ порядкомъ править, такъ онъ не имѣетъ причины къ разоренію отчизны умъ свой употреблять, но паче желаетъ для своихъ дѣтей въ добромъ порядкѣ содержать и пріумножить. Другой недостатокъ единовластительства заключается будто бы въ томъ, что самовластный монархъ нерѣдко имѣетъ при себѣ временщика, который, особливо если подлородный или иноземецъ, знатныхъ и заслуженныхъ ненавидитъ, гонитъ и губитъ, а себѣ непамятно имѣніе собираетъ. „Записка“ согласна, что государство отъ временщиковъ много терпитъ, но временщики вовсе не явленіе, свойственное монархической формѣ правленія: они, напротивъ, чаще встрѣчаются въ республикахъ, въ которыхъ нѣкоторые нельзя-можи междоусобіемъ великія разоренія нанесли. Въ монархіи же нѣтъ для такихъ междоусобій пищи и вреда отъ временщиковъ поэтому меньше. Кромѣ того, между сильными людьми, которыхъ приближали къ себѣ наши государи, можно найти не мало и доблестныхъ мужей; нельзя вспомнить одного только Скуратовыхъ, Басмановыхъ, Милославскихъ, Меншиковыхъ, Толстыхъ, слѣдуетъ не забывать и Мстиславскаго, Романова, Шуйскаго, Бориса Морозова, Стрѣшнева, Богдана Хитрова, Языкова, князя Василія Голицына. Третій доводъ тѣхъ, которые не хотятъ признать преимущества самодержавнаго образа правленія надъ другими, сводится къ тому, что при этой государственной формѣ возможны такія учрежденія, какъ Тайная канцелярія, которая, за едино неосторожно сказанное слово пытаетъ, казнитъ и дѣтей невинныхъ имѣнія лишаетъ. Это возраженіе „Записка“ устраняетъ замѣчаніемъ, что тайная канцелярія существовала уже издавна въ Римѣ для безопасности монарха и руководимая благочестивымъ человѣкомъ ни мало не вредна.

лежными.“ Такіе помощники при данныхъ условіяхъ тѣмъ болѣе нужны, что на престолъ взошла „персона женская“, которая при всѣхъ ея высокихъ качествахъ не можетъ обладать достаточнымъ знаніемъ законовъ и не въ силахъ нести всю тяжесть правленія. Выставляя этотъ мотивъ во главѣ своего мнѣнія, шляхетство предлагаетъ не коренное измѣненіе государственнаго строя, а временныя учрежденія, вызванныя исключительными обстоятельствами и долженствующія остаться въ силѣ лишь до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать вызвавшія ихъ чрезвычайныя условія. „О государынѣ императрицѣ, читаемъ мы въ Запискѣ, хотя мы ея мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однакожъ, какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ неудобна; паче же ей знанія законовъ недостаетъ; для того *на время*, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно *нѣчто для помощи* ея величеству вновь учредить.“

Въ чемъ должно заключаться то „нѣчто“, которое предлагается шляхетствомъ для помощи ея величества?

Такъ какъ „власть законодательства уступается токмо самому государю, и нѣтъ приклада у насъ, чтобы государь при себѣ кому оную власть уступалъ“ и „такъ какъ закону, хотя различнымъ повѣреннымъ сочинять позволяетъ, но безъ его утвержденія ни единъ не дѣйствителенъ и всѣ законы отъ его имени происходятъ“, то помощь, которую шляхетство предлагаетъ императрицѣ, въ области законодательной, можетъ заключаться только въ учрежденіи повѣреннаго, который бы помогалъ государынѣ въ дѣлѣ сочиненія законовъ. Этимъ повѣреннымъ должно явиться учрежденіе, а именно Сенатъ (высшее правленіе), состоящій изъ 21 члена. Дабы законодательная работа этого Сената была плодотворною, необходимо, чтобы онъ прежде чѣмъ представлять свои мнѣнія государынѣ, выслушивалъ отзывы и среднихъ правительственныхъ инстанцій, т. е. коллегій [1].

---

[1] Пунктъ 1. Быть при ея Величествѣ въ вышнемъ правленіи Сенатѣ двадцать одной персонѣ, въ которомъ нынѣшній верховный совѣтъ останется. Пунктъ 4. Законоизданіе, хотя состоитъ единственно во власти монаршей, какъ о томъ выше показано, однакожъ, разсудя намѣреніе государя, ни въ чемъ иномъ, какъ пользѣ общей и справедливости состоитъ, такъ оное точно наблюдать должно; и какъ ея величеству не угодно самой сочинять, но нужно кому либо сочиненіе оное повѣрить, въ которомъ опасность немалая, чтобъ кто по прихоти чего непристойнаго и правости

Между коллегіями и Сенатомъ вводится новый органъ нижнее правительство, засѣдающее въ двухъ составахъ. Полный составъ обнимаетъ всѣхъ членовъ (100) неполный — одну треть. Первый мы назовемъ общимъ съѣздомъ, второй — частичнымъ. Чѣмъ же они вѣдаютъ? Со времени учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта, законодательные вопросы не отдѣлялись отъ высшихъ правительственныхъ дѣлъ и тѣ и другіе разсматривались въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Мнѣніе шляхетства выдѣляетъ законодательные вопросы изъ области верховнаго управленія и поручаетъ сочиненіе законовъ выпшему правительству (Сенату), которое должно замѣнить собой Верховный Тайный Совѣтъ, важныя же дѣла внутренней экономіи представляетъ не ему, а общему съѣзду нижняго правительства. Текущія дѣла внутренней экономіи, разрѣшаемыя силой дѣйствующихъ законовъ, остаются за частичными съѣздами нижняго правительства.

Кромѣ этихъ нормальныхъ органовъ, создается еще чрезвычайное учрежденіе, дѣйствующее только въ исключительныхъ случаяхъ. Этимъ учрежденіемъ является собраніе, состоящее изъ всѣхъ членовъ, какъ верховнаго, такъ и низшаго правительства, т. е. изъ членовъ тѣхъ учрежденій, между которыми шляхетство распредѣляетъ функціи Верховнаго Тайнаго Совѣта и Сената [1].

Это же собраніе съ присоединеніемъ генералитета избираетъ

не согласнаго, или паче вреднаго, не внесъ; какъ то Петръ Великій, хотя и мудрый государь былъ, но въ своихъ законахъ многое усмотрѣлъ, что перемѣнить нужно, для котораго велѣлъ всѣ оные, собравъ, разсмотрѣть, и вновь сочинить; того ради лучше оное прежде изданія разсматривать, нежели издавъ перемѣнять, что съ честію монарха не согласуется; оное же сочиненіе никакъ невозможно одному повѣрить хотя бъ онъ искусенъ и въ намѣреніи ни коей собственныя страсти не имѣлъ, по природѣ легко погрѣшить можетъ; того ради какъ скоро ея величества повелѣніе будетъ какой законъ сочинить, оный послать во всѣ коллегіи, чтобъ довольно разсмотрѣли, и чрезъ семь дней сочиня каждая общее, или кто собственное свое, въ собраніи вышнему правительству объявили, и по довольномъ разсужденіи сочиня, ея величеству къ утвержденію представили.

[1] Пунктъ 2. „Чтобы оный дѣлами внутренней экономіи отягченъ не былъ, другое правительство учредить во сти персонахъ, которымъ, по третямъ года, третьей части въ правленіи оставаться, а двѣ части могутъ въ домахъ своихъ управлять; но въ каждой трети въ концѣ, т. е. въ декабрѣ, апрѣлѣ, августѣ, или въ началѣ: въ январѣ, маѣ и сентябрѣ для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ каждогодно собираться или когда чрезвычайное что случится, яко война, кончина государя или другое такъ великое дѣло, то по повѣсткѣ всѣмъ съѣзжаться и не болѣе мѣсяца общее собраніе продолжать.

кандидатовъ на высшія военныя должности, а съ присоединеніемъ президентовъ коллегій въ высшія гражданскія должности [1].

Мнѣніе шляхетства, въ виду личнаго состава Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ которомъ засѣдали двое Голицыныхъ и трое Долгорукихъ, требуетъ, „чтобы въ вышемъ правительствѣ не быть двумъ одной фамиліи, а въ нижнемъ и въ коллегіи токмо ближнимъ сродникамъ не присутствовать“. Мнѣніе предусматриваетъ и злоупотребленія, которыя исходили отъ тайной канцеляріи. Шестой пунктъ мнѣнія гласитъ: „Въ тайной канцеляріи хотя присутствовать опредѣленному отъ ея величества, а къ тому опредѣлять отъ Сената помѣсячно двухъ человѣкъ, чтобы смотрѣли на справедливость; а паче чтобъ при взятіи до пожитковъ ни мало не касались и для того брать всегда отъ полиціи по одному знатному человѣку“. Въ заключеніе шляхетство требуетъ, чтобъ его мнѣніе было разсмотрѣно собраніемъ не менѣе какъ изъ ста человѣкъ и чтобы это собраніе было созвано какъ можно скорѣе. „Сіе представя верховному совѣту, сказало въ запискѣ, требовать, чтобы опредѣлили, выбравъ всѣмъ шляхетствомъ къ разсмотрѣнію сего людей достойныхъ, не меньше ста человѣкъ. И чтобъ сіе не опуща времени начать, о томъ прилежно просить, чтобы конечно того-жъ дня или на завтра черезъ герольдмейстера шляхетству о собраніи объявить, и покой для того назначить“ [2].

---

[1] Ежели случится упадое мѣсто въ высшемъ собраніи, Сенатѣ, коллегіи, президента и вице-президента, въ губерніи губернатора или вице-губернатора, въ войскѣ главнаго командира—то избирать балотированіемъ оными двумъ правительствамъ президентовъ отъ коллегіи; а командира въ войско, вмѣсто президентовъ, военнымъ генераламъ всѣмъ, сколько ихъ обще съ оными правительствы. Балотированіе же такимъ порядкомъ отправлять: герольдмейстеръ долженъ роспись всѣхъ достойныхъ въ кандидаты по рангамъ; потомъ каждый избиратель повиненъ написать на бумажкѣ одно имя, кого кто за достойнаго мнитъ, и положить въ скрынѣ приготовленную. Оныя бумажки, разобравъ при всѣхъ, написать на роспись, котораго имя сколько голосовъ получило, и которымъ больше голосовъ дано, изъ оныхъ трехъ балотировать, и кому болѣе баловъ въ достойную положатъ, того представить ея величеству, а если балы не угодны, то довольно по голосамъ тѣхъ трехъ, которымъ болѣе голосовъ дано, представить ея величеству, кого изъ нихъ опредѣлить. Чрезъ сей способъ можно во всѣхъ правленіяхъ людей достойныхъ имѣть, несмотря на высокородство, въ которыхъ много негодныхъ въ чины производятъ.

[2] Въ мнѣніе шляхетства включены кромѣ того слѣдующіе пункты, которые касаются правъ и льготъ различныхъ сословій; пунктъ 7 говоритъ о пользахъ и нуждахъ шляхетства: для произвожденія шляхетства въ

II. Проектъ большинства.

Это мнѣніе шляхетства было подано княземъ Черкасскимъ[1] въ Верховный Тайный Совѣтъ 5 февраля. Въ журналѣ этого дня записано: „Призванъ былъ Сенатъ и генералитетъ и прочіе тѣхъ рангов; мнѣніе, которое изволили подать послѣ присланныхъ отъ ея императорскаго величества пунктовъ, которое они за руками и подали. А которые не согласны, тѣмъ велѣно изготовить и для совѣта призвать еще изъ знатныхъ фамилій шляхетства, которое въ рангахъ и безъ рангов, кромѣ первыхъ четырехъ классовъ". Въ слѣдующіе дни стали поступать въ Верховный Тайный Совѣтъ и другія мнѣнія шляхетства. Ихъ было подано пять. Наиболѣе вѣскимъ было то, которое было представлено въ трехъ совершенно тожественныхъ копіяхъ (Грекова, Секіотова и Алабердова) и подписано болѣе чѣмъ 700 лицами. Мнѣніе Дмитрія Мамонова имѣло всего 25 подписей, мнѣніе Матюшкина соединило еще менѣе согласниковъ, а имен-

---

войскъ и гражданствѣ искать лучшаго способа нежели нынѣ: 1. Устроить во всѣхъ градѣхъ потребныя училища, опредѣляя на то доходы и домы. 2. Меньше восемнадцати лѣтъ въ службу, а болѣе двадцати лѣтъ въ войскѣ служить не принуждать. 3. Въ матросы и ремесла не писать. 4. Чтобъ подлинное шляхетство извѣстно было, того ради всему во всемъ государствѣ сдѣлать роспись, не включая тѣхъ, которые изъ солдатъ гусаръ однодворцевъ и подъячихъ, хотя бъ и многія деревни имѣли, развѣ на шляхетство, или на жалованныя деревни грамоты жалованныя имѣютъ, однакожъ и тѣхъ всѣхъ, хотя бъ изъ какого чина ни были, а деревни ужъ имѣютъ, написать въ особую книгу. 8 пунктъ говоритъ о духовенствѣ и требуетъ, чтобъ его въ ихъ расходахъ разсмотрѣть, чтобъ деревенскіе могли дѣтей своихъ въ училищахъ содержать и сами не пахали бъ; а у которыхъ есть избытки, оные на полезныя Богу и государству дѣла употребить. 9 пунктъ ходатайствуетъ о томъ, чтобы купечество колико можно отъ постоевъ увольнить и отъ утѣсненія избавить, а подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговъ. Послѣдній 10 пунктъ требуетъ уничтоженія закона о майоратѣ: пункты о наслѣдствѣ отставить, а сочинить о томъ достаточный законъ на основаніи уложенія (*Утро*, стр. 377).

[1] 4 (15) февраля пишетъ де Лирія въ письмѣ отъ 9 (20) февраля опять собирался Верховный Совѣтъ, куда было приглашено и высшее дворянство, которому сообщено, что кто хочетъ содѣйствовать чѣмъ либо наибольшимъ пользамъ имперіи, тотъ можетъ представить свои идеи. Вслѣдствіе этого князь Черкасскій сенаторъ немедленно составилъ проектъ. Проектъ этотъ былъ подписанъ больше чѣмъ 30 лицами и представленъ Верховному Тайному Совѣту („18 вѣкъ", часть 2, стр. 39 и 40).

но 15, мнѣніе Колычева заручилось всего 5 подписями и наконецъ мнѣніе Мусина-Пушкина было подписано только самимъ авторомъ. Эти два послѣднія мнѣнія (Колычева и Мусина-Пушкина), въ виду такого небольшого числа закрѣпившихъ ихъ подписей, не представляютъ для насъ интереса: намъ поэтому и нѣтъ основанія сожалѣть о томъ, что они до насъ не дошли [1]. Мнѣнія же Мамонова и Матюшкина до такой степени близки другъ къ другу, что представляютъ собою собственно двѣ различныхъ редакціи одного и того же проекта. Все кажущееся разнообразіе шляхетскихъ мнѣній сводится такимъ образомъ собственно къ двумъ только предложеніямъ: за одно предложеніе (Грекова, Секіотова, Алабердова) высказалось подавляющее большинство, другое (Мамонова и Матюшкина) собрало ничтожное число голосовъ.

Разсмотримъ прежде всего мнѣніе большинства.

Сравнивая фамиліи лицъ, подписавшихъ мнѣніе князя Черкасскаго, съ подписями, закрѣпившими мнѣніе большинства, мы приходимъ къ очень характерному выводу: оказывается что изъ 36 лицъ, подписавшихъ проектъ князя Черкасскаго, всѣ, за исключеніемъ 5-ти [2], подписали и мнѣніе большинства и этимъ высказали свою солидарность съ ними. *Не подлежитъ поэтому*

---

[1] Мы только знаемъ, что какъ Колычевъ, такъ и Мусинъ-Пушкинъ предлагали увеличить число членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 12 до 15 лицъ, мотивируя это тѣмъ, что если кто изъ нихъ заболитъ или отлучится, чтобы отъ того въ правленіи замедленіе за малолюдствомъ не было (Корсаковъ, стр. 166). Мусинъ-Пушкинъ кромѣ того находитъ, что членовъ правленія государственнаго надлежитъ выбрать общимъ совѣтомъ изъ фамильныхъ и генералитета и изъ шляхетства и во ономъ государственномъ правленіи не быть болѣе двухъ персонъ одного рода (Корсаковъ, стр. 164).

[2] Но изъ этихъ пяти трое, если и не подписались подъ мнѣніемъ большинства, тѣмъ не менѣе обнаружили свой одинаковый съ ними образъ мыслей: Семенъ Салтыковъ тѣмъ, что подписалъ какъ прошеніе, поданное княземъ Черкасскимъ императрицѣ 25 февраля 1730 года, такъ и прошеніе поданное княземъ Трубецкимъ того числа о воспріятіи самодержавія. Кошелевъ и Шепелевъ тѣмъ, что подписали прошеніе князя Черкасскаго. Интересно и то, что, подписавшіе одну изъ трехъ копій мнѣнія большинства, всѣ (за исключеніемъ Юсупова) подписали за симъ и прошеніе Черкасскаго о воспріятіи самодержавія, находились 4 февраля въ домѣ Новосильцева и примкнули къ мнѣнію князя Черкасскаго. Тѣ же, изъ собравшихся въ домѣ Новосильцева единомышленниковъ послѣдняго, которые не подписали этой копіи, подписались на другихъ копіяхъ, такъ князь Черкасскій, самъ авторъ записки Татищевъ подписались подъ копіей Секіотова точно также и Алабердѣевъ, Секіотовъ, Степанъ Грековъ, князь Никита Трубецкой. Нѣкоторые изъ сторонниковъ князя Черкасскаго подписались даже на нѣсколькихъ копіяхъ мнѣнія большинства; такъ напримѣръ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ союзниковъ Черкасскаго — Иванъ Федоровичъ Барятинскій подписалъ и копію Грекова и копію Секіотова точно также поступилъ и П. Б. Вельяминовъ.

сомнѣнію, что сторонники самодержавія съ княземъ Черкасскимъ во главѣ присоединились къ мнѣнію большинства и что это большинство составило вмѣстѣ съ ними одно цѣлое, объединенное общими политическими воззрѣніями и одинаковымъ безусловно отрицательнымъ отношеніемъ къ образу дѣйствія князя Голицына и къ его плану государственной реформы.

Планъ большинства и представляетъ собою ничто иное, какъ упрощенный проектъ кн. Черкасскаго. Онъ составленъ кромѣ того по той же системѣ [1].

1 пунктъ его, совершенно согласно съ планомъ князя Черкасскаго, предлагаетъ учредить вышнее правительство въ 21 персонѣ. 2 пунктъ, опять въ согласіи съ проектомъ князя Черкасскаго, рекомендуетъ для отправленія прочихъ дѣлъ учинить Сенатъ въ 11 человѣкъ, „дабы онаго вышняго суда множествомъ дѣлъ не отягощать". Этотъ Сенатъ очевидно соотвѣтствуетъ постоянному съѣзду нижняго правительства въ проектѣ князя Черкасскаго, который, какъ мы видѣли, долженъ былъ завѣдывать дѣлами текущаго управленія, входившими со времени учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта въ вѣдѣніе Сената. Компетенція этого органа, предлагаемая этими двумя проектами, разнится лишь въ томъ, что тѣ дѣла, которыя въ проектѣ большинства поручаются вышнему правительству, въ проектѣ князя Черкасскаго распредѣляются между вышнимъ правительствомъ и общимъ съѣздомъ нижняго правительства, и притомъ такъ, что первый является по преимуществу законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, а второй — органомъ, завѣдующимъ важнѣйшими правительственными дѣлами. Другими словами, мнѣніе большинства предпочитаетъ существующее распредѣленіе функцій между высшими центральными учрежденіями, между тѣмъ какъ проектъ князя Черкасскаго предлагалъ нововведеніе. Но очевидно, что князь Черкасскій и его единомышленники этому нововведенію большого значенія не придавали. Они подписали мнѣніе большинства и этимъ самымъ заявили, что считали возможнымъ не настаивать на немъ. Остальныя измѣненія въ проектѣ большинства, сравнительно съ проектомъ князя Черкасскаго настолько несущественны, что, приводя въ примѣ-

---

[1] Онъ не включаетъ никакихъ принципіальныхъ разсужденій, въ которыхъ послѣ записки Татищева не было никакой нужды: эта записка исчерпала принципіальныя разсужденія и была закрѣплена подписью тѣхъ, которые подписали проектъ князя Черкасскаго.

чаніи текстъ проекта, мы считаемъ лишнимъ подробнѣе останавливаться на нихъ [1]. Для насъ всѣ эти мелкія отклоненія не имѣютъ никакого интереса, разъ мы знаемъ, что вдохновители проекта князя Черкасскаго и авторы проекта большинства были согласны между собою въ принципѣ и что тѣ и другіе, протестуя противъ затѣи верховниковъ, стояли за сохраненіе самодержавнаго строя.

---

[1] Вотъ подлинный текстъ проекта большинства: „Сего февраля 7 дня при собраніи въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ военнаго и статскаго генералитета, по прочтеніи присланныхъ отъ ея величества государыни императрицы за подписаніемъ ея пунктовъ, объявлено отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: ежели кто что можетъ изобрѣсти къ лучшей пользѣ государству и обществу не для собственныхъ интересовъ, боясь суда Божія, посовѣтовавъ по совѣсти, предъявили бъ; и по тому объявленію, что могли изыскать по совѣсти къ лучшей пользѣ государству и обществу, предъявляемъ нижеслѣдующее: 1) въ началѣ учредить высшее правительство въ 21 персону, 2) дабы онаго вышняго суда правительства множествомъ дѣлъ не отягчать, того ради для отправленія прочихъ дѣлъ учинить Сенатъ въ 11 персонахъ. 3) въ вышнее правительство и въ Сенатъ и въ губернаторы и въ президенты въ коллегіи кандидатовъ выбирать и балотировать генералитету и шляхетству, а въ кандидаты болѣе одной персоны изъ одной фамиліи не выбирать, также и при балотированіи болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, — а при балотированіи быть не меньше ста персонъ, а изъ которой фамиліи выбраны будутъ въ кандидаты, и той фамиліи при балотированіи не быть, 4) въ вышнемъ правительствѣ и въ Сенатѣ впредь, кромѣ обрѣтающихся нынѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, считая въ обоихъ какъ въ вышнемъ правительствѣ, такъ и въ Сенатѣ, 5) въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ такъ же и что потребно будетъ впредь сочинить въ дополненіе уставовъ, принадлежащихъ къ государственному правительству, оные сочинять и утверждать вышнему правительству и Сенату, генералитету и шляхетству общимъ совѣтомъ, 6) для произвожденія въ службу шляхетству искать лучшаго способа а далѣе 20 лѣтъ неволею въ службѣ не содержать, также въ матросы и мастерства невольно не брать, а которые нынѣ имѣются въ матросахъ и въ мастерствахъ изъ шляхетства и объ оныхъ надлежитъ разсмотрѣніе учинить, 7) духовенству, купечеству въ квартирахъ и прочихъ трудностяхъ, также крестьянству въ податяхъ по разсмотрѣнію надлежащее облегченіе учинить, 8) о порядочномъ произвожденіи офицеровъ и солдатъ, по справленіи въ заплатѣ жалованья разсмотрѣніе учинить, чтобъ на сроки могло проходить, 9) о отставкѣ, первенство въ наслѣдствѣ и какъ впредь быть надлежитъ надлежащее разсмотрѣніе учинить, 10) которые офицеры и солдаты за раны и за старостью отставлены будутъ отъ службы, а собственнаго своего пропитанія не имѣютъ, онымъ надлежитъ учинить разсмотрѣніе, и о награжденіи имъ пропитанія“.

III. Проекты меньшинства.

Проекты Дмитрія Мамонова и Матюшкина, какъ мы уже сказали, очень схожи между собою.

Оба требуютъ увеличенія числа членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: одинъ до 16, другой отъ 12 до 15 [1]. Оба возлагаютъ на Сенатъ, который, по плану Матюшкина, состоитъ изъ 11 членовъ, а по проекту Мамонова—изъ 21 члена,—обязанность объѣзжать губерніи для наблюденія за губернаторами. Оба требуютъ, чтобы кандидаты для замѣщенія открывающихся мѣстъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ выбирались въ собраніи военнаго и статскаго генералитета. (Это собраніе по плану Матюшкина, состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ 70 персонъ: по плану Мамонова—изъ ста [2]. Такое-же собраніе созывается для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ [3].

---

[1] Проектъ Матюшкина: Къ Верховному Тайному Совѣту къ настоящимъ персонамъ мнится прибавить, чтобы съ прежними было отъ 12 до 15, понеже для важныхъ дѣлъ призываны будутъ общества, какъ показано будетъ ниже въ 6 пунктѣ, и *однако же то не малолюдно, но и многолюдно будетъ, а для повседневнаго правленія довольно-бы вышеписанныхъ персонъ*. Проектъ Мамонова почти буквально воспроизводитъ этотъ пунктъ, лишь измѣняя цифру 12—15 на цифру 16 и опуская послѣднія подчеркнутыя нами слова.

[2] Проектъ Матюшкина говоритъ только объ избраніи членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, проектъ-же Мамонова, въ согласіи съ проектами Черкасскаго и большинства, говоритъ и объ избраніи въ „коллежскіе вице-президенты и воеводы и прочіе гражданскіе чины, которыхъ выбирать и баллотировать обществомъ не менѣе 50 персонъ и по баллотированіи для опредѣленія представить высокому Сенату“.

[3] Это требованіе изложено въ проектѣ Мамонова такъ: „Что потребно впредь сочинять въ дополненіе уставовъ, принадлежащихъ государственному правительству или какія дѣла касаться будутъ къ государству общей пользѣ, оныя сочинять и утверждать верховному правительству и шляхетству общему совѣту“. А проектъ Матюшкина формулируетъ это предложеніе почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ: „Все, что будетъ впредь потребно для пополненія уставовъ, или какія дѣла касаться будутъ, какъ государственныя и общей пользѣ, должно быть утверждено съ общаго совѣта Верховнаго Тайнаго Совѣта, Сената, генералитета и шляхетства“. Замѣчательно, что это требованіе взято изъ проекта большинства, въ которомъ мы читаемъ: „Въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ также и что будетъ впредь сочинить, въ дополненіе уставовъ, принадлежащихъ государственному правительству, оное сочинять и утверждать вышнему правительству и Сенату, генералитету и шляхетству общимъ совѣтомъ“.

Ходатайство о пользахъ и нуждахъ сословій въ разсматриваемыхъ двухъ проектахъ изложено въ очень общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Оно очень близко соприкасается съ соотвѣтствующими требованіями проекта большинства, который въ свою очередь черпаетъ ихъ изъ проекта Черкасскаго [1].

IV. Общая характеристика шляхетскихъ проектовъ.

Сравнивая всѣ постановленія, касающіяся нуждъ и пользъ сословій въ различныхъ проектахъ (кн. Черкасскаго, большинства, Матюшкина и Мамонова), мы приходимъ къ заключенію, что въ послѣднихъ трехъ опущены требованія проекта кн. Черкасскаго, касающіяся тайной канцеляріи, устройства училищъ, составленія росписи шляхетства, улучшенія быта духовенства. Въ остальномъ-же проекты очень близко сходятся между собою.

---

[1] „Для произвожденія въ службу шляхетству искать лучшаго способа и положить время, до скольких лѣтъ въ службѣ быть, также въ матросы и мастерства неволею не брать". Это постановленіе проекта Матюшкина буквально повторяетъ проектъ Мамонова и по формѣ и по содержанію совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ параграфомъ проекта большинства. Пунктъ 5 проекта Матюшкина гласитъ: „Шляхетству, духовенству, купечеству и прочимъ, всякому, по состоянію ихъ, учинить удовольствіе въ чемъ возможно, понеже отъ того зависитъ цѣлость и постоянство правленія; крестьянамъ-же по должномъ разсмотрѣніи доставить нѣкоторое облегченіе въ податяхъ". Пунктъ 8 проекта Мамонова воспроизводитъ это требованіе опять съ тою-же мотивировкой и въ тѣхъ-же выраженіяхъ. Этотъ пунктъ разсматриваемыхъ нами проектовъ соотвѣтствуетъ 7 параграфу проекта большинства, который желаетъ духовенству, купечеству въ квартирахъ и прочихъ трудностяхъ, также крестьянству въ податяхъ по разсмотрѣнію надлежащее облегченіе учинить. Пунктъ 9 проекта Матюшкина требуетъ обсудить производство офицеровъ и солдатъ и исправную имъ выдачу жалованья, назначивъ для этого извѣстные сроки. Пунктъ 7 проекта Мамонова говоритъ буквально то же самое, повторяя дословно параграфъ 8 предложенія большинства (о порядочномъ произвожденіи офицеровъ и солдатъ и о справленіи въ заплатѣ жалованья (разсмотрѣніе жалованья) разсмотрѣніе учинить, чтобы на сроки могли походить. Пунктъ 10 проекта Матюшкина предлагаетъ сдѣлать постановленіе о наслѣдствѣ недвижимаго имущества и о послѣднемъ фамиліи для руководства въ будущемъ. Пунктъ этотъ буквально воспроизводитъ параграфъ 6 проекта Мамонова и соотвѣтствуетъ 9 параграфу проекта большинства. Постановленіе, которое мы находимъ въ параграфѣ 10 проекта большинства объ обезпеченіи судьбы офицеровъ и солдатъ, отставленныхъ за раны и за старостью, мы въ другихъ проектахъ не находимъ, также требованіе Матюшкина о перенесеніи резиденціи въ Москву—въ остальныхъ проектахъ не воспроизводится.

Всѣ они единодушно и нерѣдко въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ требуютъ: 1) опредѣленія срока службы, 2) отмѣны обязательнаго поступленія въ матросы и въ обученіе ремеслами, 3) улучшенія быта офицеровъ и солдатъ и исправной имъ выдачи жалованья, 4) пересмотра закона объ единонаслѣдіи, 5) облегченія духовенству, купечеству и крестьянству въ податяхъ и повинностяхъ. Повтореніе этихъ однородныхъ требованій въ различныхъ проектахъ производитъ такое впечатлѣніе, что всѣ они имѣютъ одинъ общій источникъ и являются лишь различными копіями съ одного и того-же оригинала. Несомнѣнно одно, что въ шляхетствѣ не существовало по этимъ вопросамъ разногласія и что, еслибы позволило время и обстоятельства, оно легко могло-бы составить одно общее ходатайство, которое подписали-бы всѣ, закрѣпившіе своими подписями проекты большинства, князя Черкасскаго, Мамонова и Матюшкина.

Но и въ предложеніяхъ, касающихся высшихъ учрежденій, нѣтъ принципіальнаго разногласія между отдѣльными мнѣніями, внесенными шляхетствомъ въ Верховный Тайный Совѣтъ. Всѣ они требуютъ, чтобы важные государственные вопросы не рѣшались-бы такъ, какъ было рѣшено избраніе императрицы въ ночь на 19 января, то-есть келейно, въ собраніи немногихъ вельможъ, а обсуждались-бы всѣми государственными чинами, какъ то со времени смерти Петра I практиковалось во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Всѣ ставятъ во главѣ управленія Верховный Тайный Совѣтъ, давая ему только различныя названія и не сходясь въ воззрѣніяхъ на его численный составъ. Князь Черкасскій называетъ его вышнимъ правительствомъ или Сенатомъ и требуетъ, чтобы онъ состоялъ изъ 21 члена; точно то же требуетъ и мнѣніе большинства, которое называетъ его только вышнимъ правительствомъ, а не Сенатомъ. Мнѣнія Матюшкина и Мамонова, сохраняя за нимъ и названіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, предлагаютъ, чтобы онъ состоялъ отъ 12 до 16 членовъ. Всѣ требуютъ, чтобы въ немъ не засѣдало болѣе одного члена одной фамиліи и чтобы къ избранію кандидатовъ на упалыя мѣста въ немъ привлекалось высшее служилое шляхетство. Всѣ наконецъ сохраняютъ Сенатъ съ тѣмъ кругомъ вѣдомства, который онъ имѣлъ со времени учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Этимъ Сенатомъ являются, по проекту князя Черкасскаго, постоянныя засѣданія нижняго правительства, обнимающія одну треть всѣхъ членовъ нижняго правительства, состоящаго изъ ста человѣкъ, и каждую треть года мѣняющаго свой

составъ. По плану Мамонова Сенатъ долженъ состоять изъ 25 членовъ, а по проектамъ Мамонова и Матюшкина—изъ 11.

Всѣ проекты, такимъ образомъ, своими предложеніями примыкаютъ къ существующей системѣ государственныхъ учрежденій съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ во главѣ. Они лишь желаютъ болѣе широкаго и болѣе равномѣрнаго участія въ нихъ шляхетства. И если они всѣ единодушно признаютъ необходимость Верховнаго Тайнаго Совѣта и не сомнѣваются въ его пользѣ, то всѣ также единодушно порицаютъ тотъ порядокъ назначенія новыхъ членовъ, которымъ были введены въ его составъ новые члены послѣ смерти Петра II [1].

V. Отзывы иностранцевъ о шляхетскихъ проектахъ.

Слухи о томъ, что происходило въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ эти дни, когда поступали туда одинъ проектъ за другимъ, вызывая безконечныя пренія и толки, нашли себѣ отголосокъ и въ донесеніи иностранныхъ пословъ. „Двери залы", пишетъ Вестфаленъ, „гдѣ засѣдаетъ Верховный Тайный Совѣтъ, были открыты всю прошлую недѣлю для всѣхъ, кто пожелалъ бы заявить или предложить что-нибудь за или противъ задуманнаго измѣненія старой формы правленія. Это право дано

[1] Мы поставили проекты Матюшкина и Мамонова особнякомъ, не потому, что могли замѣтить въ нихъ принципіальнаго разногласія съ мнѣніемъ большинства, а только потому, что эти два проекта, во-первыхъ, по своей редакціи очень близки другъ къ другу, во-вторыхъ, потому что проектъ Матюшкина не подписанъ въ кругу лицъ, къ которымъ принадлежали вдохновители и руководители большинства. Если подъ проектомъ большинства подписались, какъ мы видѣли, всѣ главные представители шляхетства, собравшіеся 4 февраля въ домѣ Новосильцева и закрѣпившіе своею подписью проектъ Черкасскаго, то подъ проектомъ Матюшкина никто изъ кружка Татищева не подписался за исключеніемъ одного (Измайлова П. В.), но между ними мы встрѣчаемъ зато нѣсколько лицъ, близко стоявшихъ къ членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Такими лицами являются Сергѣй Григорьевичъ Долгорукій, дядя фаворита, за симъ самъ Матюшкинъ, Ѳедоръ Наумовъ, Левъ Измайловъ и Дмитрій Еропкинъ. Всѣ эти лица вмѣстѣ съ членами Верховнаго Тайнаго Совѣта подписали заявленіе, въ которомъ говорилось, что Верховному Тайному Совѣту одному надлежитъ все учрежденіе учинять, не требуя ничьего совѣта (*Утро*, стр. 378). Этотъ кружокъ, очень, впрочемъ, малочисленный стоялъ ближе къ кружку Голицына, чѣмъ къ сторонникамъ самодержавія съ княземъ Черкасскимъ и Татищевымъ во главѣ, что впрочемъ не помѣшало нѣкоторымъ изъ нихъ (Еропкину, Л. Измайлову, Матюшкину и Савелову) подписать прошеніе о воспріятіи самодержавія.

было изъ военныхъ чиновъ генераламъ, бригадирамъ до полковника включительно, точно также и всѣ члены Сената и другихъ коллегій, всѣ, имѣющіе полковническій рангъ, архіепископы, епископы и архимандриты были приглашены явиться не всею корпораціей, а по три епископа и по три архимандрита заразъ. По этому поводу столько было наговорено хорошаго и дурного за и противъ реформы, съ такимъ ожесточеніемъ ее критиковали и защищали, что въ концѣ-концовъ смятеніе достигло чрезвычайныхъ размѣровъ и можно было опасаться возстанія; но оба фельдмаршала не изъ такихъ людей, чтобы легко поддаться страху. Однако, такъ какъ я не привыкъ опровергать сегодня то, что я утверждалъ вчера, то въ виду того броженія, въ которомъ находится это крупное дѣло, я отложу на нѣсколько дней свое сужденіе о томъ, что изъ него выйдетъ". По истеченіи нѣсколькихъ дней Вестфаленъ сообщаетъ, что, несмотря на неустрашимость двухъ фельдмаршаловъ, затѣянное ими дѣло встрѣтило серьезный отпоръ. „Образовалась", пишетъ онъ, „партія подъ руководствомъ князя Черкасскаго, члена Сената, который хочетъ и требуетъ громкимъ голосомъ не только сохраненія существующей формы правленія, но даже исключенія Долгорукихъ и Голицыныхъ, за исключеніемъ одного представителя каждой фамиліи". А. И. Маньянъ въ письмѣ отъ 12 (23) февраля доноситъ: „Еще по прежнему столько разногласій относительно различныхъ проектовъ новой формы правленія: это, можно сказать, такой хаосъ, изъ котораго почти уже нельзя выйти, не испытавъ столкновенія, или-же придется оставить все въ томъ видѣ, какъ было въ прошлое царствованіе" [1]. Де-Лиріа также думаетъ, что все останется по старому, и что всѣ эти волненія и разногласія окончатся воспріятіемъ императрицей самодержавія. „Теперь всѣ заняты составленіемъ проектовъ", пишетъ онъ 9 (20) февраля, „но еще не остановились ни на одномъ, и эти господа магнаты такъ раздѣлены между собою, что нельзя сказать что-нибудь положительнаго объ ихъ системѣ. Я могу легко обмануться, но мнѣ кажется, что теперь не согласятся между собою тѣ, которые думаютъ перемѣнить форму правленія и что мы увидимъ царицу столь неограниченною, какими были ея предшественники" [2].

Де-Лиріа не ошибался. Не успѣло пройти и двухъ недѣль со

[1] С. Р. И. О. т. XXV, стр. 487, 488.

[2] XVIII в., ч. II, стр.

времени пріѣзда императрицы въ Москву, какъ уже шляхетство единодушно потребовало уничтоженія пунктовъ и возвращенія къ тому порядку, „къ перемѣненію котораго“, по его мнѣнію, „никакой нужды ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ“.

Глава X.

Настроеніе главныхъ участниковъ государственнаго переворота наканунѣ уничтоженія кондицій.

I. Императрица въ Всесвятскомъ.

„10 числа этого мѣсяца“, разсказываетъ де-Лирія въ своемъ письмѣ отъ 16 февраля, „царица пріѣхала въ одно мѣстечко, отстоящее отъ города на одну милю. Тотчасъ же отправились къ ней туда для цѣлованія руки всѣ магнаты, дворянство, военные и клиръ. Она оставалась тамъ до вчерашняго дня, а вчера имѣла свой торжественный въѣздъ въ городъ въ той же формѣ и съ тѣми же церемоніями, какъ имѣлъ его и Петръ II. 11 числа совершилось погребеніе сказаннаго царя съ пышностью и великолѣпіемъ... Среди прекраснаго яснаго солнечнаго дня, въ то время какъ выносили изъ дворца трупъ, на небѣ показалась радуга, которая была видима около получаса. 12 числа царица объявила себя капитаномъ кавалергардовъ и полковникомъ Преображенскаго полка, что̀ было принято этими двумя полками съ величайшею радостью и удовольствіемъ [1]. Эта рѣшимость многихъ поразила потому, что это формальный актъ самодержавія. 14 числа министръ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Сенатъ, генералитетъ и дворянство отправились всѣ ко двору и представили ея царскому величеству орденъ св. Андрея, который возложилъ на нее, какъ старшій изъ кавалеровъ,

[1] Къ этимъ свѣдѣніямъ Лефортъ прибавляетъ еще слѣдующія подробности: Наконецъ, пріѣхала новая государыня. На другой день прибытія ея въ Всесвятское отправили туда батальонъ гвардіи Преображенскаго полка и эскадронъ кавалергардовъ для занятія почетныхъ карауловъ. Видя желаніе ихъ поздравить ее, она вышла къ нимъ. Принявъ поздравленіе маіора Пайбуша, она обратилась къ отряду войскъ, хвалила ихъ поведеніе, усердіе и вѣрность, просила ихъ продолжать также служить и въ ея царствованіе и, дабы поощрить ихъ, объявила себя шефомъ этого полка. Услыша это, весь отрядъ бросился передъ ней на колѣни съ криками и со слезами радости. Затѣмъ она призвала въ свои покои отрядъ кавалергардовъ, объявила себя начальникомъ этого эскадрона и каждому собственноручно подносила стаканъ вина. (Л. 355.355).

великій канцлеръ графъ Головкинъ, признавая ее за великаго магистра сказаннаго ордена“ [1].

На этой аудіенціи кн. Голицынъ произнесъ рѣчь, „благодаря“, какъ сказано въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, „ея величество за милость, учиненную ко всему народу, которую изволила письменно своею рукою подписать, обнадеживал подданнымъ ея величеству вѣрность, что во оной непремѣнно пребудутъ, не жалѣя и живота своего [2]. На слѣдующій день

---

[1] Это было сдѣлано, прибавляетъ де-Лирія, чтобъ дать ей понять, что и въ этомъ она должна зависѣть отъ нихъ“ (стр. 41 и 42). Манштейнъ въ своихъ запискахъ, приложенныхъ къ *Русской Старинѣ* 1875 г., по поводу поднесенія ордена св. Андрея Первозваннаго разсказываетъ о слѣдующемъ будто бы имѣвшемъ мѣсто инцидентѣ. Увидѣвъ орденъ, Императрица сказала: „да вѣдь я и забыла надѣть его“, она взяла ленту и просила кого-то изъ окружающихъ надѣть на нее, не допуская до этого никого изъ членовъ Верховнаго Совѣта; когда же великій канцлеръ вздумалъ сказать ей рѣчь, она велѣла ему замолчать (стр. 25). Этотъ разсказъ Манштейна, писавшаго свои записки много лѣтъ спустя, не заслуживаетъ довѣрія; современники и свидѣтели разсказываемыхъ событій, день за днемъ записывавшіе все, что творилось на ихъ глазахъ, ничего о разсказанномъ Манштейномъ эпизодѣ не знаютъ.

[2] По словамъ Вестфалена рѣчь кн. Голицына имѣла слѣдующее содержаніе: „Благочестивѣйшая и Всемилостивѣйшая Государыня, мы твои и всенижайшіе и вѣрные подданные Верховнаго Совѣта Россіи вмѣстѣ съ генералитетомъ и шляхетствомъ Россіи,—источникомъ, изъ котораго въ Россіи должны истекать почести и должности, мы являемся вручить тебѣ твой орденъ св. Андрея, первѣйшій и почетнѣйшій, а также и орденъ св. Александра, установленный императоромъ Петромъ I по случаю славнаго мира съ могущественнымъ государствомъ шведскимъ, дабы ты своевременно носила каждый изъ нихъ и жаловала бы ими тѣхъ, которыхъ признаешь достойными. Мы благодаримъ тебя за то, что ты соблаговолила принять наше избраніе твоей особой всемилостивѣйшей императрицей для царствованія надъ нами; благодаримъ тебя за то, что ты удостоила принять изъ нашихъ рукъ корону и возвратиться въ отечество; съ немепьшей признательностью благодаримъ мы тебя за то, что ты изволила подписать пункты, которые нашимъ именемъ предложили тебѣ наши депутаты на славу тебѣ и на благо твоему народу. Вотъ почему всемилостивѣйшая императрица мы всѣ пеплись передъ твоимъ величествомъ. Удостой все сіе милостиво принять и уповай на нашу непарушимую вѣрность къ особѣ твоей“ (стр. 78). На это императрица, по словамъ Лефорта, отвѣтила слѣдующее: „Я соблаговолила подписать пункты, предложенные вами, будучи увѣрена въ неизмѣнномъ усердіи и вѣрности вашей къ государю и отечеству, и постараюсь давать вамъ такіе мудрые совѣты, которые вамъ докажутъ, что я ищу только блага своего отечества и своихъ подданныхъ; прошу васъ съ вашей стороны содѣйствовать мнѣ, пусть правосудіе будетъ предметомъ на-

15 февраля состоялся торжественный въѣздъ императрицы въ Москву.

Поведеніе Анны Іоанновны, которая распоряжалась самодержавною императрицей, явно показывало, что она не намѣрена стѣсняться подписанными ею кондиціями. И если уже прежде иностранные министры не вѣрили въ прочность задуманныхъ нововведеній, то теперь, въ виду образа дѣйствій императрицы и того всеобщаго сочувствія, которое онъ встрѣчалъ, они еще рѣшительнѣе предсказывали скорый конецъ затѣямъ князя Голицына. На слѣдующій день, по въѣздѣ императрицы въ Москву, Лефортъ пишетъ: „Нельзя довольно налюбоваться на начало царствованія ея величества. Знатные хотѣли ограничить ея власть пунктами, которые она подписала. Какъ только она пріѣхала въ Москву, она тотчасъ же отказалась отъ своихъ обѣщаній, которыя обязалась свято исполнять, и по собственной волѣ назначаетъ себя шефомъ кавалергардовъ. Всѣ ее одобряютъ, обожаютъ и никто не думаетъ ей препятствовать. Подобный поступокъ всѣмъ нравится“ [1].

II. Князь Д. М. Голицынъ.

Къ этимъ „всѣмъ“ во всякомъ случаѣ не принадлежалъ кн. Голицынъ. Если уже до пріѣзда императрицы число его единомышленниковъ было не велико, то теперь онъ долженъ былъ опасаться еще болѣе открытаго и упорнаго противодѣйствія своимъ планамъ.

Положеніе его было, дѣйствительно, очень тяжелое. Не только ему не удалось привлечь на свою сторону шляхетство, подавляющее большинство котораго высказалось противъ его плана,

---

шихъ особенныхъ заботъ и пусть мои подданные не терпятъ никакого угнетенія“. Эту рѣчь императрицы Вестфаленъ передаетъ такъ: „Дмитрій Михайловичъ и вы, прочіе господа изъ генералитета и шляхетства, да будетъ вамъ извѣстно, что я смотрю на избраніе меня императрицей какъ на выраженіе преданности, которую вы имѣете ко мнѣ лично и къ памяти покойнаго моего родителя. Я постараюсь поступать такъ, что всѣ будутъ мною довольны; согласно вашему желанію, я подписала въ Митавѣ кондиціи, о которыхъ упомянулъ ты, Дмитрій Голицынъ, и вы можете быть увѣрены, что я буду хранить ихъ свято до конца дней моихъ, въ надеждѣ, въ которой и теперь пребываю, что вы никогда не преступите границъ вашего долга и вѣрности въ отношеніи меня и отечества, коего благо должно составлять единственную цѣль нашихъ заботъ и трудовъ (стр. 78).

[1] С. Р. И. О., т. V, стр. 357. Ср. также „Восемнадцатый вѣкъ“, ч. III, стр. 42.

но и ряды его ближайшихъ союзниковъ начинали замѣтно рѣдѣть. Онъ не находилъ болѣе поддержки въ своихъ товарищахъ, разногласія среди которыхъ становились все рѣзче и все наглядиѣе· „Верховный Тайный Совѣтъ, пишетъ Мардефельдъ, съ сенатомъ и генералитетомъ собираются ежедневно, чтобы только успѣть окончательною выработкой новыхъ основныхъ законовъ имперіи еще до пріѣзда императрицы. Сильное сопротивленіе этому оказывается, однако, не только со стороны генералитета и низшаго дворянства, но и *члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ особенности фельдмаршалы князья Долгоруковы и Голицыны придерживаются не одного мнѣнія въ этомъ дѣлѣ*, такъ что оно находится въ сильномъ броженіи и можетъ имѣть весьма дурныя послѣдствія. Обѣ партіи стараются привлечь на свою сторону барона фонъ-Остермана и поэтому посѣщаютъ его ежедневно, до сихъ поръ онъ не объявился еще ни на чью сторону, а строго держится въ сторонѣ подъ предлогомъ, что онъ иностранецъ, которому не подобаетъ вмѣшиваться въ подобныя дѣла. Головкинъ, послѣ ареста Ягужинскаго, не будучи въ состояніи помочь ему, доброю волей устраняется отъ засѣданій Верховнаго Тайнаго Совѣта; отецъ любимца покойнаго императора (князь Алексѣй Долгоруковъ) находится въ подозрѣніи, баронъ же фонъ-Остерманъ болѣетъ, а слѣдовательно, все зависитъ въ настоящее время отъ обоихъ Голицыныхъ и фельдмаршала".

III. Остерманъ и Головкинъ.

Воздержаніе Остермана отъ всякаго участія въ дѣлѣ, затѣянномъ 19 января, особенно смущало Голицына и оставшихся ему вѣрными товарищей. „Они, по словамъ Мардефельда, — явились къ нему въ полномъ составѣ и принудили его подписать нѣкоторые пункты новыхъ основныхъ государственныхъ законовъ. Этотъ опытный министръ съ замѣчательною дальновидностью именно и дожидался такого насильственнаго съ ихъ стороны поступка, чтобы не навлечь на себя никакой отвѣтственности и быть въ состояніи говорить за истинное благо Русской Имперіи. Пока онъ не предпринимаетъ ничего, отчего Верховный Тайный Совѣтъ и не можетъ справиться съ новою формой правленія" [1]. Онъ продолжалъ отговариваться болѣзнью и не выходилъ изъ своего кабинета. Между тѣмъ его содѣйствіемъ и совѣтами особенно дорожилъ князь Голицынъ, кото-

[1] С. Р. И. О. т. XV, стр. 414.

рый въ это время еще и не подозрѣвалъ, что Остерманъ за его спиной имѣлъ уже тайныя сношенія съ императрицей. И вотъ фельдмаршалъ Голицынъ отправляется къ нему поговорить о дѣлахъ и побудить его къ болѣе живому участію въ затѣянномъ имъ дѣлѣ. „Придя къ Остерману, котораго онъ считалъ опасно больнымъ, разсказываетъ Маньянъ, — онъ былъ очень пораженъ, убѣдившись въ противномъ. Увидя Остермана, онъ сталъ рѣзко осуждать его, жестоко упрекая въ усвоенномъ имъ способѣ не присутствовать на засѣданіи совѣта, когда болѣе всего нуждаются въ его совѣтахъ. Рѣзкость, проявленная большинствомъ по этому поводу, произвела на Остермана такое впечатлѣніе, что онъ, какъ говорятъ, чуть не умеръ отъ досады. Такое обращеніе Голицына и побудило болѣе всего этого министра рискнуть всѣмъ ради уничтоженія проекта новой формы правленія“ [1]. Какъ бы то ни было, Голицынымъ пришлось отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ привлечь Остермана на свою сторону, и они должны были скоро убѣдиться, что они имѣютъ въ его лицѣ не союзника, а опаснѣйшаго врага.

Со времени ареста Ягужинскаго князья Голицыны не могли болѣе разсчитывать и на Головкина, сыновья и цѣлый сонмъ родственниковъ и свойственниковъ котораго открыто стали въ ряды князя Черкасскаго и единодушно примкнули къ шляхетскому большинству. „Арестомъ Ягужинскаго, говоритъ Вестфаленъ,—Голицыны и Долгоруковъ отчудили отъ себя этого почтеннаго старца и побудили его броситься въ объятія партіи недовольныхъ“ [2].

пункты и сопровождавшій ее изъ Митавы въ Москву, со-

IV. Князь Василій Лукичъ Долгорукій.

Князь Василій Долгорукій былъ для Голицына также ненадежнымъ союзникомъ, хотя и по совершенно другимъ причинамъ: онъ очень мало интересовался государственною реформой и былъ готовъ служить съ одинаковымъ рвеніемъ и самодержавной царицѣ изъ рода Долгорукихъ и императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, связанной кондиціями, лишь бы играть роль и стоять ближе къ власти. Ему очень льстило то положеніе, которое онъ занялъ при новой государынѣ и которое поглощало всѣ его мысли и всѣ его силы. Онъ, подписній ей пресловутые

---

[1] Тамъ же, т. 75, стр. 508.

[2] Корсаковъ. Приложеніе стр. 82.

стоялъ теперь при ней неотлучно, разыгрывая роль самаго приближеннаго къ ней человѣка. Въ письмѣ отъ 19 февраля (2 марта) Лефортъ пишетъ: „Василій Долгорукій пріобрѣтаетъ огромное вліяніе и власть: онъ твердо укрѣпился; онъ не присутствуетъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; ищетъ расположенія особы царицы и предоставляетъ другимъ разобрать запутанное дѣло. [1] „Князь Долгоруковъ, говоритъ Маньянъ,—подчинивъ царицу своему вліянію, не покидаетъ ее ни на мгновенье, такъ что во время пребыванія царицы вблизи этого города никто не могъ съ нею говорить, не будучи введенъ княземъ.“ [2] Нѣсколькими днями позднѣе Маньянъ замѣчаетъ: „Онъ, повидимому, захватываетъ въ качествѣ оберъ-гофмейстера тѣ же должности, какія въ прошлое царствованіе имѣлъ при дворѣ Остерманъ, происходитъ ли это вслѣдствіе болѣзни этого министра и только до его выздоровленія, или же, какъ было бы основательнѣе думать, князь Долгоруковъ легко можетъ воспользоваться случаемъ, чтобы стать во главѣ государственнаго дѣла; вѣрно во всякомъ случаѣ то, что въ настоящее время всѣ обращаются къ нему; онъ даже занялъ аппартаменты во дворцѣ, близко прилегающіе къ аппартаментамъ царицы, и нѣтъ такихъ любезностей и знаковъ вниманія, которые бы онъ всюду не расточалъ, чтобы снискать любовь каждаго и поставить такимъ образомъ себя посредникомъ между царицей и вельможами здѣшняго государства при затрудненіяхъ, встрѣчающихся по поводу составленія плановъ новой формы правленія“ [3].

Но эта роль посредника, которую взялъ на себя князь Василій Лукичъ, была до такой степени двусмыслена, что нѣкоторые подозрѣвали его въ тайной агитаціи противъ плана князя Голицына и въ намѣреніи возстановить старый порядокъ, при которомъ онъ надѣялся стать первымъ человѣкомъ въ государствѣ. „Нѣкоторые полагаютъ, пишетъ Маньянъ,—что онъ имѣетъ намѣреніе стать во главѣ государства, внушая для этой цѣли здѣшней государынѣ намѣренія сдѣлаться неограниченною монархиней, какъ были ея предки, воспользовавшись для этой цѣли замѣшательствомъ, въ которомъ находятся составители проектируемыхъ реформъ государственнаго правленія.“ [4]

---

[1] Тамъ же, т. V, стр. 358.
[2] Тамъ же, т. LXXV, стр. 495.
[3] Тамъ же, т. LXXV, стр. 498.
[4] Тамъ же, т. LXXV, стр. 495.

V. Князь Алексѣй Долгоруковъ.

Князь Алексѣй Долгоруковъ въ царствованіе Петра II держалъ князя Василія Лукича въ черномъ тѣлѣ и не давалъ ему выдвинаться. Теперь роли перемѣнились, и князь Василій Лукичъ отплачивалъ ему тою же монетой. „Князь Алексѣй Долгоруковъ, по словамъ Маньяна,—не только не пользуется никакимъ вліяніемъ, но, какъ увѣряютъ, обязанъ будетъ возвратить все, что было получено имъ отъ царя. Ему дали, какъ говорятъ, понять, что онъ хорошо сдѣлаетъ, если воздержится отъ появленія при дворѣ, вслѣдствіе чего онъ удалился съ семействомъ на нѣсколько льё изъ Москвы. Это могло бы показаться страннымъ и невѣроятнымъ при той милости, которою пользуется теперь князь Василій Долгорукій, еслибъ я не сказалъ вамъ, что этотъ послѣдній и самъ не прочь участвовать въ нанесеніи ему какихъ-либо непріятностей ради неудовольствія, возбужденнаго въ немъ поведеніемъ, какъ этого князя, такъ и его сына во время прошлаго царствованія.“ Фельдмаршалъ Долгорукій раздѣлялъ взглядъ Василія Лукича на князя Алексѣя Григорьевича и ничего не имѣлъ противъ той приниженности, которая теперь выпала на долю еще недавно всесильнаго отца царской невѣсты.

„Князь Василій и фельдмаршалъ Долгорукій и оба Голицыны, пишетъ Лефортъ,—сдѣлались вліятельнѣйшими. Первые считаютъ князя Алексѣя и его сына столь безсильными, что даже упрекаютъ ихъ въ смерти царя.“ „Судьба надсмѣхается надъ Алексѣемъ и его сыномъ, замѣчаетъ Лефортъ въ другомъ мѣстѣ, - они ничтожны и презираемы... Можно ли повѣрить, что этотъ тщеславный Алексѣй Долгорукій имѣлъ дерзость явиться въ Верховный Тайный Совѣтъ и какъ членъ присутствовать на засѣданіи, но онъ замѣтилъ, какъ только онъ вошелъ, другіе встали и вышли вонъ изъ Совѣта.“ [1] Въ письмѣ отъ 19 февраля (2 марта) Лефортъ увѣряетъ, что дворянство открыто требовало запрещенія Алексѣю Долгорукому участвовать въ какомъ-либо высшемъ правительствѣ.

Въ кружкѣ лицъ, собравшихся въ ночь на 19 января въ особую камеру для надписанія кондицій, тогда уже не сплоченныхъ общностью интересовъ, господствовали теперь, такимъ образомъ,

---

[1] Тамъ же, т. V, стр. 3.

пестрая разноголосица и полный разладъ. Каждый шелъ своею дорогой и имѣлъ свои скрытыя цѣли и намѣренія. Остерманъ и Головкинъ совсѣмъ отошли въ сторону, и если дѣйствовали, то въ направленіи, прямо противоположномъ намѣченному Голицынымъ. Князь Алексѣй Долгорукій былъ забитъ и униженъ, а князь Василій Долгорукій—весь поглощенъ своею новою ролью перваго приближеннаго императрицы, столь льстившею его честолюбію. Прямой и честный фельдмаршалъ Долгорукій, чувствовавшій себя сильнымъ въ открытомъ бою съ непріятелемъ, ощущалъ большую неловкость на секретныхъ совѣщаніяхъ, на которыхъ келейно сочинялись двусмысленные документы; соперничество фельдмаршала Голицына, который стоялъ на сторонѣ своего брата, отодвигало его, кромѣ того, на задній планъ и парализовало его энергію. При такомъ настроеніи и при такихъ отношеніяхъ авторовъ кондицій никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій и настойчивой политики отъ нихъ ждать было нельзя. А между тѣмъ, если они хотѣли выиграть дѣло, то они не могли болѣе терять времени и должны были спѣшить принять быстрыя и энергичныя мѣры. Но на такія мѣры не хватало силы у людей, лѣзшихъ врозь и избравшихъ скользкій путь подпольныхъ интригъ. Кондиціи можно было еще сочинять второпяхъ и келейно, государственная же реформа требовала публичности и свѣта.

VI. Пункты присяги.

Пріѣздъ императрицы ставилъ на очередь вопросъ о присягѣ. Кому же будетъ присягать народъ—самодержавной ли императрицѣ или герцогинѣ Курляндской, принявшей ограничительные пункты? Съ этимъ вопросомъ и столкнулся теперь лицомъ къ лицу князь Голицынъ. Но у него не хватило мужества дать на него прямой отвѣтъ. Онъ первоначально хотѣлъ воспользоваться присягой съ цѣлью народнымъ голосованіемъ закрѣпить пункты, подписанные императрицей. Съ этою цѣлью имъ были составлены пункты присяги, въ которые были введены кондиціи. Впослѣдствіи, однако, онъ не рѣшился провести эту новую форму присяги, которая такъ и осталась на степени проекта.

Проектъ этотъ, однако, настолько интересенъ, что мы должны познакомиться съ его содержаніемъ.

Присяга начинается извѣщеніемъ о кончинѣ Петра II и о воцареніи Анны Іоанновны „по общему избранію какъ мірскаго,

такъ и духовнаго чина людей". Затѣмъ говорится о поѣздкѣ въ Митаву трехъ депутатовъ съ прошеніемъ къ Аннѣ Іоанновнѣ о воспріятіи престола и о полученіи отъ нея второго февраля „къ неописанной всему государству радости и благополучію всемилостивѣйшаго писанія и пунктовъ за собственнымъ ея величества подписаніемъ". Послѣ этого вступленія идутъ подписанные Анной Іоанновной восемь пунктовъ и наконецъ самая форма писанія: „Того ради мы ея императорскаго величества вѣрные подданные, какъ Верховный Тайный Совѣтъ, духовный синодъ, сенатъ и генералитетъ, такъ и всего россійскаго народа духовнаго и свѣтскаго всякаго чина люди, благодаря всемогущаго Бога за такія показанныя его къ россійскому народу щедроты, обѣщаемся ея величеству быть вѣрными подданными и хранить ея величества честь и здравіе паче своего живота непарушимо. *И клянемся передъ сотворившимъ насъ всемогущимъ Богомъ*, что по силѣ вышеозначенныхъ ея императорскаго величества постановленныхъ и утвержденныхъ кондицій въ общую пользу и благополучію всего государства правленіе во всемъ содержать по сему [1]". Затѣмъ слѣдуютъ 16 пунктовъ [2]. Въ нихъ говорится о порядкѣ назначенія членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, о пользахъ и нуждахъ духовенства, войска, шляхетства, купечества, крестьянства, о положеніи Балтійскихъ провинцій, о перенесеніи резиденціи въ Москву. На этихъ пунктахъ отражаются до извѣстной степени требованія шляхетства и сквозитъ намѣреніе идти нѣкоторымъ изъ нихъ навстрѣчу. Но такъ какъ въ форму присяги были введены самыя кондиціи безъ вся-

---

[1] Корсаковъ, стр. 183, 184.

[2] Первый изъ этихъ пунктовъ гласитъ: понеже Верховный Тайный Совѣтъ состоитъ не для какой-либо собственной того собранія власти, точію для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ императорскихъ величествъ, а впредь если то собраніе смерть пресѣчетъ или какимъ случаемъ отлученъ будетъ, то на тѣ упалыя мѣста выбирать кандидатовъ Верховному Тайному Совѣту, а обще съ Сенатомъ и для апробаціи представлять ея императорскому величеству изъ первыхъ фамилій, изъ генералитета и изъ шляхетства людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ, не вспоминая объ иноземцахъ. И смотрѣть того, дабы въ такомъ первомъ собраніи одной фамиліи больше двухъ персонъ умножено не было и должны разсуждать, что не персоны управляютъ законами, но законъ управляетъ персонами и не разсуждать ни о фамиліяхъ, ниже о какихъ опасностяхъ, токмо искать и общей пользы безъ всякой страсти, памятуя всякому судъ вышнему.

кихъ измѣненій, то эти второстепенныя и несущественныя уступки не могли, конечно, никого удовлетворить. Пункты присяги кромѣ того должны были произвести тяжелое впечатлѣніе тѣмъ, что въ нихъ допускалась прямая ложь; авторы ихъ, лучше другихъ помнившіе то краснорѣчивое молчаніе, которымъ было встрѣчено чтеніе кондицій государственными чинами, хотѣли теперь заставить этихъ самыхъ государственныхъ чиновъ присягать и цѣловать крестъ на томъ, что будутъ свято хранить пункты, полученные будто бы „къ неописанной всему государству радости и благополучію“. Такое возмутительное издѣвательство надъ чувствомъ народа и надъ его здравымъ смысломъ предрѣшало судьбу этого „новаго ловительства“, измышленнаго самозванными реформаторами. Неудивительно, что они ни съ чьей стороны не нашли поддержки и что верховники оказались вынужденными отказаться отъ нея [1] и замѣнить ее другою, въ которой уже не было никакихъ намековъ на ненавистныя всѣмъ кондиціи [2].

Со времени подписанія императрицей пунктовъ дѣло, затѣянное вельможами 19 января, не только такимъ образомъ ни на шагъ не двинулось впередъ, а напротивъ, все болѣе и болѣе теряло подъ собой почву. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта должны были въ манифестѣ, объявлявшемъ о восшествіи на

---

[1] Но слухи о нихъ проникли все же въ общество и волновали его. „Между тѣмъ“, разсказываетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, „верховные господа прежнюю присяги форму, которою народъ на вѣрность государю своему себѣ обязуетъ, перемѣня, новую выковали, вымаравъ многія, какъ обносилось, рѣчи самодержавію служащія, и потомъ всѣхъ чиновъ созвали для присяги къ первопрестольной церкви, которая вдругъ на площади многимъ воинствомъ оставлена была.

[2] Когда, говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, принесена и прочтена формула, стало ясно слышавшимъ, что хотя нѣкія прежнія рѣчи, самодержавіе означающія, выключены, однакожъ не включено другихъ, которыя ясно бы изображали новый и отъ прежняго разнствующій владѣнія образъ и осмоличные оные владѣтели не именованы (чего паипаче весь народъ, ожидая, дрожалъ), и о подтвержденныхъ государынѣ договорахъ ничего не упомянуто и всей присягѣ въ сихъ перемѣна рѣчахъ была, что присягаютъ государынѣ и отечеству, того ради какъ архіереи, такъ и изъ мірскихъ паисильнѣйшіе, поразсудивъ, что формула верховникамъ не къ пользѣ и впредь къ разсужденію намѣренія изъ помѣшки сдѣлать не можетъ, приговорили: принять оную снисходительно, и тако по словамъ оной формулы присягу исполнили. Относится же, что сочинена была формула иная, затѣйкамъ Верховныхъ господъ служащая весьма, да произвести ее господа оные не посмѣли.

престолъ Анны Іоанновны, сохранить за ней титулъ самодержавной государыни, сама императрица первыми же своими распоряженіями обнаружила явное намѣреніе не стѣсняться кондиціями, народъ присягнулъ ей безо всякихъ „кондицій“; шляхетство отклонило всѣ заискиванія вельможъ и все рѣзче и рѣзче обнаруживало свое недовольство задуманнымъ нововведеніемъ.

Глава XI.

Уничтоженіе кондицій и мнимый проектъ кн. Голицына

I. Прошеніе шляхетства о возстановленіи самодержавія.

23 февраля главные руководители шляхетства собрались въ домѣ князя Барятинскаго и рѣшили обратиться къ императрицѣ съ просьбой объ уничтоженіи пунктовъ и о возстановленіи самодержавія. „Какъ шляхетское мнѣніе“, разсказываетъ Татищевъ, „Верховный Тайный Совѣтъ уничтожилъ и какъ свое мнѣніе перемѣнить не хотѣли, того ради шляхетство знатнѣйшіе февраля 23 числа, собравшись въ домѣ генералъ-поручика Барятинскаго, согласились, чтобы самодержавство государыня приняв, оную ея подписку уничтожила, а Верховнаго Тайнаго Совѣта отставя, повелѣла быть Сенату, какъ было при Петрѣ Великомъ. Съ тѣмъ Василій Татищевъ поѣхалъ къ князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому, гдѣ, довольно со многими разсуждая, челобитную князь Антіохъ Кантемиръ бѣлую написалъ и оную привезли въ домъ паки Барятинскаго; и оную, въ первомъ часу ночи подписавъ 74 человѣка, поѣхали всѣ въ домъ Алексѣя Михайловича Черкасскаго, гдѣ онаго согласія многіе изъ генералитета лейбъ-гвардіи офицеры ожидали. Тутъ подписали 93, да черезъ посланныхъ въ полки гвардіи графа Ѳедора Матвѣева, князя Антіоха Кантемира подписали офицеровъ 58, а кавалергардовъ, которые были у гроба, 37 (всего слѣд. 262). Государыни съ тою вѣдомостью, что согласились, къ вечеру послали Прасковью Юрьевну Салтыкову. Какъ разсвѣло, въ 8-мъ часу по полуночи, по отпѣтіи молебна, всѣ поѣхали во дворецъ и, прибывъ, послали князя Черкасскаго просить государыню, чтобы къ себѣ допустила, и хотя князь Василій Лукичъ Долгорукій просилъ ее прилежно, чтобы она ихъ не допущала, обѣщевая, что Верховный Тайный Совѣтъ ей само-

властіе возвратить, но она, того не послушавъ, велѣла двери отворить".

Императрица послала за членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, и когда тѣ явились, то князь Юсуповъ подалъ ей отъ имени генералитета и дворянства прошеніе [1], которое государ-

---

[1] Это прошеніе имѣло слѣдующее содержаніе:

„Хотя волею Всевышняго Царя согласнымъ соизволеніемъ всего народа единодушно ваше величество на престолъ Имперіи Россійской возведены, ваше же императорское величество, въ показаніе высокой вашей ко всему государству милости, изволили, представленные отъ Верховнаго Совѣта пункты подписать, за которое ваше милостивое намѣреніе всенижайше рабски благодарствуемъ, и не токмо мы, но и вѣчно наслѣдники наши имени вашему безсмертное благодареніе и почитаніе воздавать сердцемъ и устами причину имѣютъ; однакоже, всемилостивѣйшая государыня, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тѣхъ пунктовъ находятся сумнительства такія, что большая часть народа состоитъ въ страхѣ предбудущаго безпокойства, изъ котораго только непріятелямъ отечества нашего польза быть можетъ, и хотя мы съ благоразсуднымъ разсмотрѣніемъ, написавъ на оные наше мнѣніе, съ подобающею честію и смиреніемъ Верховному Тайному Совѣту представили, прося, чтобы изволили для пользы и спокойствія всего государства по оному, яко по большему числу голосовъ, безопасную правленія государственнаго форму учредить, однакоже, всемилостивѣйшая государыня они еще о томъ не разсудили, а отъ многихъ и мнѣній подписанныхъ не принято, а объявлено, что того безъ воли вашего императорскаго величества учинить невозможно.

„Мы же, вѣдая вашего императорскаго величества природное человѣколюбіе и склонность къ показанію всей Имперіи милости, всепокорно нижайше ваше величество просимъ, дабы всемилостивѣйше по поданнымъ отъ насъ и прочихъ мнѣніямъ соизволили собраться всему генералитету, офицерамъ и шляхетству по одному или по два отъ фамилій разсмотрѣть и всѣ обстоятельства изслѣдовать, согласнымъ мнѣніемъ по большимъ голосамъ форму правленія государственнаго сочинить и вашему величеству къ утвержденію представить". Засимъ слѣдуютъ 87 подписей.

Это прошеніе не было челобитной, составленной въ домѣ Барятинскаго. Хотя въ немъ пункты и очень рѣзко осуждаются и прямо заявляется, что эти пункты исходятъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а не отъ общенародья, тѣмъ не менѣе о возстановленіи самодержавія и объ уничтоженіи кондицій, чего требовала челобитная, въ немъ прямо ничего не говорится. Мы не знаемъ, когда и гдѣ было составлено это прошеніе, мы не знаемъ также, было ли оно подано императрицѣ по иниціативѣ авторовъ челобитной или же это прошеніе подписанное этими авторами, было подано государынѣ помимо ихъ желанія. Мы склонняемся, однако, къ первому мнѣнію, и думаемъ, что вожди шляхетства считали несосторожнымъ выступать прямо съ челобитной объ уничтоженіи пунк-

рыня передала Черкасскому, прося его прочесть вслухъ. „По окончаніи чтенія“, разсказываетъ Лефортъ, „князь Василій Долгорукій, требуя молчанія, спросилъ его, то-есть князя Черкасскаго, кто позволилъ ему присвоить право законодателя. Черкасскій отвѣчалъ: „Дѣлаю это по причинѣ обмана ея величества, въ который она была вовлечена вами, сказавшими ей, что условіе, подписанное ею въ Митавѣ, составлено съ согласія всѣхъ чиновъ государства, но это было сдѣлано безъ нашего вѣдома и участія“ [1].

По разсказу Маньяна, Юсуповъ попросилъ засимъ императрицу или утвердить проектъ большинства или же прямо объявить себя самодержавной. „При этомъ“, продолжаетъ Маньянъ, „послышались сейчасъ же различные голоса, заявлявшіе, что все дворянское сословіе единодушно проситъ сохраненія самодержавной власти; это заявленіе не примирило, какъ говорятъ, породить довольно горячія пренія въ собраніи, прекращенныя, однако, въ самомъ началѣ значительнѣйшими офицерами гвардіи, которые, замѣтивъ, что императрица начинаетъ приходить въ смущеніе, стали ее умолять склониться на желаніе своего дворянства“ [2].

товъ, все же императрицей подписанныхъ, тѣмъ болѣе, что такой рѣзкій протестъ могъ бы прямо закрыть имъ доступъ во дворецъ, который такъ тщательно охранялся Долгорукимъ. Подавая же прошеніе, въ которомъ они прямо ссылались на заявленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, отказавшагося подвергнуть обсужденію ихъ мнѣніе на томъ основаніи, что на такое обсужденіе требуется согласіе императрицы, они этимъ самымъ вступали на путь, указанный самимъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и отнимали у него всякій поводъ не допускать ихъ прошеніе до подачи императрицѣ. Между тѣмъ это прошеніе не только ихъ не связывало въ будущемъ, а напротивъ, служило первымъ шагомъ къ обсужденію пунктовъ, которое давало имъ возможность высказать прямо и откровенно все то, что было наложено въ мнѣніи и челобитной. Такъ именно поступилъ князь Черкасскій.

[1] Стр. 369.

[2] Это вмѣшательство офицеровъ гвардіи, поддержавшихъ заявленія Черкасскаго и Юсупова, станетъ вамъ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что проектъ большинства былъ подписанъ 51 лейбъ-гвардіи офицерами, 159 военной коллегіи, штабъ и оберъ-офицерами и 48 кавалергардами. Объ этомъ вмѣшательствѣ офицеровъ гвардіи знаетъ и де-Лириа. „Между тѣмъ“, пишетъ онъ, „возмутились офицеры гвардіи и другіе изъ присутствовавшихъ у царицы, начали кричать, что они не хотятъ, чтобы кто-нибудь предписывалъ законы ихъ государынѣ, которая должна быть такою же самодер-

Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, пользуясь смущеніемъ императрицы, старались побудить ее отложить рѣшеніе. Князь Василій Долгорукій обратился къ ней, между прочимъ, съ предложеніемъ спокойно обсудить выслушанное заявленіе. Но тутъ подоспѣла герцогиня Мекленбургская съ чернилами и перомъ въ рукахъ и сказала: „Нѣтъ, государыня, не въ разсужденіяхъ теперь дѣло, вотъ перо, соблаговолите подписать“. [1] Императрица подписала прошеніе, приказавъ въ то же время офицерамъ гвардіи слушаться только распоряженій подполковника лейбъ-гвардіи Салтыкова. Дворянство перешло тогда въ особую залу, императрица же удалилась въ свои покои вмѣстѣ съ членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, которымъ предложила отобѣдать съ ней. Въ три часа пополудни дворянство вышло изъ залы совѣщанія и представило прошеніе о принятіи самодержавія. Въ этомъ прошеніи шляхетство проситъ всемилостивѣйше принять самодержавство, каково ея славные и достохвальные предки имѣли, а присланные ея императорскому величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанные ея величества рукою пункты уничтожить. [2]

Просьба эта и была тутъ же исполнена императрицей... „Пополудни въ четвертомъ часу, читаемъ мы въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, къ ея императорскому величеству при-

---

жавною, какъ и ея предшественники. Шумъ дошелъ до того, что царица была принуждена пригрозить имъ, но они всѣ упали къ ея ногамъ и сказали: „Мы, вѣрные подданные вашего величества, вѣрно служили вашимъ предшественникамъ и пожертвуемъ нашу жизнь на службу вашему величеству, но не можемъ терпѣть тиранію надъ нами. Прикажите намъ, ваше величество, и мы повергнемъ къ вашимъ ногамъ головы тирановъ“ (стр 53).

[1] Маньянъ, стр. 512, де-Лиріа, стр. 505.

[2] Далѣе шляхетство въ согласіи съ проектомъ большинства проситъ сочинить вмѣсто Верховнаго Совѣта и высокаго сената одинъ правительствующій сенатъ, какъ при Петрѣ I было, и исполнить его довольнымъ числомъ 21 персоною и ходатайствуютъ, дабы пынѣ въ члены и впредь на упалыя мѣста въ оный правительствующій сенатъ и въ губернаторы и въ президенты повелѣно было шляхетству выбирать балотированіемъ, какъ то при Петрѣ Великомъ установлено было. Въ заключеніе прошеніе выражаетъ надежду, что въ благоравсудномъ правленіи государствомъ въ правосудіи и въ облегченіи податей по природному ея величества благоутробію призрѣнными будутъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣютъ (Соловьевъ, стр. 269 и 270).

званъ статскій совѣтникъ Масловъ и приказано ему пункты и письмо принесть къ ея величеству, которые въ то же время отнесены и ея величеству отъ гг. министровъ поднесены, и тѣ пункты ея величество при всемъ народѣ изволила принять и разорвать".

II. Мнимый проектъ князя Голицына.

Въ предшествующемъ изложеніи мы познакомили читателя съ участіемъ князя Голицына въ событіяхъ, связанныхъ съ воцареніемъ Анны Іоанновны, и показали, что его поведеніе очень мало походило на роль общественнаго дѣятеля, воодушевленнаго стремленіемъ обновить государственный строй и двинуть его впередъ во имя интересовъ общенародія.

Иначе смотрятъ на образъ дѣйствія князя Голицына Карновичъ, Корсаковъ, Бѣловъ и Милюковъ. Они видятъ въ немъ человѣка передоваго, безкорыстно ставшаго во главѣ общественнаго движенія и рѣшившагося смѣлою реформой ввести Россію на путь политическаго прогресса.

Объ этой реформѣ не слѣдуетъ, по ихъ мнѣнію, судить по кондиціямъ: онѣ являются лишь случайнымъ и преходящимъ элементомъ въ этомъ движеніи, настоящій смыслъ котораго раскрывается въ планѣ князя Голицына, созрѣвшаго задолго до 19 января 1730 года.

„Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ", говоритъ проф. Корсаковъ, „занятый своимъ политическимъ проектомъ, надѣялся осуществить въ немъ свои лучшія мечты. Кондиціи, посланныя Аннѣ Іоанновнѣ въ Митаву, являлись только черновымъ наброскомъ этого проекта. Голицынъ былъ увѣренъ, что Анна Іоанновна приметъ его, и тогда русское государство будетъ подвинуто на прямой путь своего дальнѣйшаго гражданскаго развитія". [1] „Взятыя сами-по-себѣ", замѣчаетъ г. Милюковъ, „онѣ (то-есть кондиціи), конечно, производили то впечатлѣніе, что составители ихъ только и заботились объ огражденіи личности и имущества членовъ Верховнаго Совѣта... Но въ наше время, когда давнымъ давно утихли послѣдніе отголоски страстей, возбужденныхъ замыслами верховниковъ, пора было бы признать, что впечатлѣніе это было если не совсѣмъ случайное, то во всякомъ случаѣ очень преувеличенное. Современ-

[1] Корсаковъ стр. 105.

ними частію не знали, частію не хотѣли вѣрить, что содержаніе кондицій составляло только часть плана, составленнаго Голицынымъ. Выдвигая эту часть впередъ, онъ дѣйствительно руководствовался тѣми практическими соображеніями, которыя дошли до Ѳеофана. Необходимо было, по его мнѣнію, поскорѣе закрѣпить исходный пунктъ уступокъ самодержавной власти... Согласіе Анны должно было, какъ казалось верховникамъ, оправдать ихъ инициативу и поставить все дѣло на твердое основаніе. Въ ожиданіи же этого согласія Верховный Совѣтъ приступилъ немедленно къ выработкѣ общаго плана государственной реформы, болѣе широкаго, чѣмъ содержаніе кондицій". [1] „Проектъ Голицына", говоритъ г. Милюковъ въ другомъ мѣстѣ, „не имѣлъ своекорыстнаго, личнаго характера, но не имѣлъ даже своекорыстно сословнаго. На всемъ проектѣ лежитъ отпечатокъ теоретизирующей и идеализирующей политической мысли". [2] „Обвиненіе Голицына въ олигархизмѣ", замѣчаетъ г. Бѣловъ, [3] „основывается на извѣстныхъ кондиціяхъ, предложенныхъ верховниками Аннѣ Іоанновнѣ; но кондиціи имѣли въ виду только очертить тотъ кругъ дѣятельности, которая на первое время предстояла новой государынѣ. Сущность же плана Голицына заключается не въ этихъ кондиціяхъ, а въ проектѣ... Ближайшее сопоставленіе проекта Голицына съ проектами шляхетства лучше всего убѣдитъ читателя *насколько проектъ перваго былъ шире, гуманнѣе и, такъ сказать, государственнѣе канцелярскихъ проектовъ русскаго шляхетства*". Г. Бѣловъ сравниваетъ Голицына съ Симономъ Монфоромъ. „Въ немъ, то-есть въ Голицынѣ", говоритъ онъ, „сказался инстинктъ настоящаго аристократа, но для роли Монфора Лайчерскаго Голицыну недоставало содѣйствія такого же политическаго смысла въ русскомъ шляхетствѣ, какое обнаружило британское джентри". „Очевидно", говоритъ Карновичъ, „что, намѣреваясь предоставить право участія въ завѣдываніи государственными дѣлами представителямъ дворянства и городовъ, князь Голицынъ былъ слишкомъ далекъ отъ желанія создать олигархію или, что̀ еще менѣе вѣроятно, возвратиться къ допетровскому боярству. Во всякомъ случаѣ, нельзя сомнѣваться

---

[1] Милюковъ, „Попытка государственной реформы" стр. 15 и 16.

[2] Тамъ же, стр. 19:
Русская Старина 1881 г. стр. 200 и 201.

въ томъ, что князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ хотѣлъ по обдуманному имъ пути двинуть государственное устройство Россіи впередъ, но не поворотить его къ отжившему уже свое время порядку. Вообще весь образъ дѣйствія Голицына говоритъ въ пользу его ума и нравственныхъ качествъ, а если признавать въ немъ лишь честолюбиваго олигарха, то это значитъ обращать нашу исторію, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ обвинительный только актъ, хотя бы къ этому и не представлялось никакихъ основательныхъ поводовъ". [1]

Проектъ князя Голицына является, такимъ образомъ, тою свѣтлою точкой, которая придаетъ всѣмъ событіямъ, связаннымъ съ воцареніемъ Анны Іоанновны, въ глазахъ приведенныхъ писателей очень симпатичный колоритъ. Не будь этого проекта, отъ всего политическаго движенія 1730 года остались бы только одни „канцелярскіе" проекты шляхетства, да кондиціи, узкость политическаго кругозора которыхъ никто не рѣшается отрицать.

Между тѣмъ мы не могли отыскать въ историческихъ свидѣтельствахъ дошедшихъ до насъ, ни малѣйшихъ слѣдовъ политическаго проекта князя Голицына и должны были придти къ заключенію, что этотъ политическій проектъ никогда не существовалъ.

Не безъинтересно однако прослѣдить исторію возникновенія въ нашей исторической литературѣ легенды о мнимомъ проектѣ князя Голицына.

Карновичъ первый упоминаетъ объ этомъ проектѣ. Но въ его работѣ онъ выступаетъ еще въ довольно скромной формѣ: онъ имѣетъ только два параграфа и составленъ по одному только письму Маньяна, которое мы привели выше. Въ историческомъ этюдѣ г. Корсакова, который привлекаетъ къ сотрудничеству уже не одного только Маньяна, но и Рондо и де-Лирія, проектъ разростается до довольно почтенныхъ размѣровъ и обнимаетъ шесть параграфовъ. Еще полнѣе содержаніемъ является проектъ въ изложеніи г. Милюкова.

Этимъ послѣднимъ изложеніемъ мы и воспользуемся, чтобы показать, что проектъ, приписанный князю Голицыну, есть не что иное какъ компиляція, составленная изъ различныхъ донесеній иностранныхъ пословъ, которые, каждый по своему, сообщаютъ различные ходившіе по Москвѣ слухи о затѣянномъ княземъ Голицынымъ переворотѣ и которые ничего не знаютъ о проектѣ послѣдняго, отличнаго отъ кондицій.

---

[1] *Отечественныя Записки*, стр. 490.

Проектъ Голицына въ изложеніи г. Милюкова.

Императрица лично и безконтрольно распоряжается только своими личными карманными деньгами, размѣръ которыхъ опредѣляется въ 50000 ежегодно.

Она начальствуетъ только надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для ея личной охраны и карауловъ во дворцѣ.

Верховная власть принадлежитъ императрицѣ вмѣстѣ

Матеріалы компиляціи.

Нѣкоторыя лица увѣряютъ, что въ планѣ правленія, составленномъ государственными чинами, будутъ слѣдующія статьи...

4) Ей будетъ ассигноваться ежегодно сумма въ 50000 рублей на расходы ея двора. (Письмо Маньяна отъ $^{7}/_{28}$ февраля стр. 484). Не могу съ точностью изложить вашему превосходительству, какую форму правленія русскіе думаютъ установить, но молва идетъ, будто, во-первыхъ, императрицѣ назначена будетъ опредѣленная сумма на расходы по двору. (Письмо Рондо отъ 2 го (13)февраля (стр. 134).

5) Относительно командованія войсками она будетъ начальствовать лишь однимъ отрядомъ, который ей будетъ данъ для личной ея охраны и охраны ея дворца (письмо Маньяна отъ 7—17 февраля).

Во первыхъ... она не будетъ завѣдывать никакою частью войска, кромѣ частей гвардіи, содержащихъ караулъ въ ея дворцѣ (Рондо, стр. 134). Царица будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи только ту гвардію, которая будетъ на дѣйствительной службѣ во дворцѣ (письмо Де-Лирія отъ 26 января, 6 февраля, стр. 34.)

Какъ говорятъ, старый князь Голицынъ, членъ Верховнаго Со-

съ Верховнымъ Совѣтомъ, который состоитъ изъ 10—12 членовъ, принадлажащихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ.

вѣта, принялъ это дѣло на себя. Увѣряютъ, что этотъ министръ намѣревался, во-1-хъ, ограничить власть царицы лишь внутреннимъ управленіемъ своего двора и возложить ея верховную власть на собраніе Верховнаго Совѣта, состоящаго изъ десяти членовъ, которые одни будутъ располагать должностями и войскомъ (письмо Маньяна отъ 2—13 февраля, стр. 476). Во-2-хъ, учрежденъ будетъ новый верховный совѣтъ изъ 12 знатнѣйшихъ вельможъ, которому ввѣрится управленіе всѣми важнѣйшими дѣлами, объявленіемъ мира и войны, заключеніемъ дружественныхъ союзовъ и т. п. (письмо Рондо).

Послѣдній, т. е. Верховный Совѣтъ, будетъ составленъ изъ 12 членовъ и всѣ дѣла будутъ восходить къ этому трибуналу (письмо Лирія).

Императрица имѣетъ въ совѣтѣ только два, по другимъ свѣдѣніямъ три голоса.

Царица не должна заключать мира и вести войны иначе, какъ съ вѣдома Верховнаго Совѣта, въ которомъ она будетъ имѣть два голоса. (Письмо Маньяна отъ 7—18 февраля).

Иностранцы, за личнымъ исключеніемъ Остермана, въ члены Совѣта не допускаются.

Во-первыхъ, всякій иностранецъ будетъ исключенъ изъ состава Верховнаго Совѣта, но во-вторыхъ, принимая во вниманіе оказанныя графомъ Остерманомъ заслуги, хотя онъ и останется въ числѣ членовъ Совѣта, но съ тѣмъ однако, чтобы это не могло имѣть вліянія на будущее назначеніе. (Письмо Маньяна отъ 7—18 февраля).

Совѣтъ вѣдаетъ важнѣйшія дѣла по иностранной политикѣ, войны, миръ, договоры, онъ-же назначаетъ на всѣ должности и начальствуетъ надъ всѣми войсками, къ числу которыхъ прибавляется два новыхъ гвардейскихъ полка. По другому болѣе точному извѣстію, войсками начальствуютъ два фельдмаршала, отдающіе отчеты Совѣту. (Де-Лирія).

Въ третьихъ, Царица не должна заключать мира или вести войну иначе какъ съ вѣдома и согласія Верховнаго Совѣта... въ шестыхъ, войска, включая сюда и четыре гвардейскихъ полка, не должны исполнять иныхъ приказаній, кромѣ исходящихъ отъ Верховнаго Совѣта. (Письмо Маньяна отъ 7—18 февраля).

Планъ управленія, который хотятъ установить здѣсь, отнимаетъ у ея царскаго величества всякую власть. Она не будетъ имѣть никакой власти надъ войскомъ, которымъ будутъ распоряжаться фельдмаршалы, давая во всемъ отчетъ Верховному Совѣту.

Для финансовъ избирается Верховнымъ Совѣтомъ Государственный (у Де-Лирія великій) казначей, который долженъ отдавать Совѣту самый точный отчетъ о мельчайшихъ государственныхъ расходахъ.

7) Государственная казна будетъ поручена храненію главнаго казначея, избираемаго совѣтомъ, въ которомъ будутъ изготовляться приказы о выдачѣ суммъ. (Письмо Маньяна отъ 7—18 февраля).

Будетъ одинъ великій казначей, который подаетъ отчеты только Верховному Совѣту. (Письмо Де-Лирія).

Назначенъ будетъ государственный казначей, обязанный давать Верховному Совѣту отчетъ въ расходованіи государственныхъ суммъ (Письмо Рондо).

3) Сенатъ изъ 30 до 36 человѣкъ предварительно разсматриваетъ дѣла, вносимыя въ Совѣтъ, а также представляетъ высшую судебную инстанцію.

2)... Образовать... Сенатъ, состоящій изъ 36 членовъ. (Письмо Маньяна 2—13 февраля).

Учреждается Сенатъ изъ 36 членовъ, разсмотрѣнію котораго важнѣйшія дѣла подлежатъ до внесенія ихъ въ Верховный Совѣтъ. (Письмо Рондо).

Сенатъ будетъ составленъ изъ 30 лицъ и онъ будетъ заниматься дѣлами судебными.

4) Палата низшаго шляхетства изъ 200 человѣкъ охраняетъ права этого сословія въ случаѣ нарушенія ихъ.

2)... Образовать... дворянскую палату изъ 200 человѣкъ (Письмо Маньяна отъ 2—13 февраля).

4) Учреждается собраніе изъ 200 лицъ низшаго дворянства для охраненія правъ его въ случаѣ если-бы Верховный Совѣтъ покусился нарушить ихъ. (Письмо Рондо).

Кромѣ этихъ двухъ трибуналовъ будетъ еще одинъ изъ 200 мелкаго дворянства, вродѣ нижней палаты. (Письмо Де-Лирія).

Всякій знатный шляхтичъ, уличенный въ преступленіи, наказывается по закону, но наказаніе не распространяется на его семейство.

Если кто либо изъ знатнаго рода будетъ уличенъ въ какомъ либо преступленіи, онъ будетъ наказанъ по закону, но разъ его поступокъ будетъ признанъ совершеннымъ единолично, кара его будетъ имѣть дѣйствіе, какъ это дѣлалось прежде. (Письмо Маньяна отъ 7 февраля).

5) Палата городскихъ представителей по два отъ каждаго города вѣдаетъ торговыя дѣла и интересы простого народа.

2)... Образовать... наконецъ третью палату, составленную изъ городскихъ депутатовъ отъ каждаго города. (Письмо Маньяна отъ 2—13 февраля).

5) Учреждается еще особое собраніе, частью изъ дворянства, частью изъ купечества; собраніе это обязано будетъ наблюдать, дабы народъ не подвергался притѣсненіямъ.

Это сопоставленіе характеризуетъ тотъ пріемъ, при помощи котораго г. Милюковъ выкраиваетъ мнимый проектъ кн. Голицына изъ различныхъ свѣдѣній о проектѣ государственной реформы, сообщаемыхъ различными министрами въ различное время. Этотъ пріемъ возбуждаетъ большія сомнѣнія. Врядъ ли допустимо въ научномъ изслѣдованіи, претендующемъ на точность и достовѣрность сообщаемыхъ фактовъ, излагать въ видѣ цѣльнаго проекта — мозаику, составленную изъ отдѣльныхъ отрывковъ, выбранныхъ изъ различныхъ документовъ, ничего достовѣрнаго объ этомъ проектѣ не сообщающихъ. А между тѣмъ такъ именно поступаетъ г. Милюковъ. Утверждая, что онъ излагаетъ содержаніе проекта Голицына по сообщеніямъ де-Лирія, Маньяна и Рондо, онъ вводитъ въ это изложеніе постановленія, которыхъ или нѣтъ вовсе ни у де-Лирія, ни у Маньяна, ни у Рондо [1], или же такія, которыя сообщаются лишь однимъ изъ этихъ писателей, другими же не упоминаются [2].

[1] Нигдѣ иностранные послы не говорятъ о карманныхъ деньгахъ императрицы, а упоминаютъ только о суммахъ, которыя будутъ ей отпускаться на расходы ея двора. Нигдѣ они не выставляютъ той общей формулы о власти императрицы и Верховнаго Тайнаго Совѣта, которую приписываетъ имъ г. Милюковъ, и которая будто бы гласила, что верховная власть будетъ принадлежать Верховному Совѣту вмѣстѣ съ императрицей. Маньянъ, напротивъ, прямо заявляетъ, что вся верховная власть возлагается на собраніе вельможъ, состоящее изъ десяти членовъ; Рондо говоритъ, что этому совѣту ввѣряется управленіе всѣми важнѣйшими дѣлами. Лирія утверждаетъ, что всѣ дѣла будутъ восходить къ этому трибуналу. Ни одинъ изъ иностранныхъ министровъ не говоритъ далѣе о государственномъ казначеѣ, который будетъ избираться будто бы Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ для финансовъ (для завѣдыванія финансовымъ управленіемъ). Въ письмахъ иностранныхъ пословъ нѣтъ также и постановленія о томъ, что палата городскихъ представителей будетъ вѣдать торговыя дѣла, а Сенатъ явится высшею судебною инстанціей.

[2] Такъ, напримѣръ, постановленія о 50.000 отпускаемыхъ императрицѣ, нѣтъ ни у Маньяна въ письмѣ отъ 2-го февраля, ни въ письмахъ Рондо и де-Лирія. Далѣе постановленіе, что императрица имѣетъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ только два голоса, мы встрѣчаемъ лишь въ письмѣ Маньяна отъ 7-го февраля, но не встрѣчаемъ его ни въ письмѣ его отъ 2-го февраля, ни въ письмахъ Рондо и де-Лирія. Объ исключеніи всѣхъ иностранцевъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, кромѣ Остермана, говорится только въ письмѣ Маньяна отъ 7 февраля; во всѣхъ же остальныхъ донесеніяхъ нѣтъ и слѣдовъ такого постановленія. О двухъ фельдмаршалахъ, которые начальствуютъ надъ войскомъ, упоминаетъ одинъ только де-Лирія. Постановленія о знатномъ шляхтичѣ, уличенномъ въ преступленіи, мы не находимъ ни въ письмѣ Маньяна отъ 2-го февраля, ни въ письмахъ Рондо, ни де-Лирія. Въ письмѣ отъ 7-го февраля Маньяна, изъ

Но съ этими неточностями можно было еще помириться и узнать въ изложеніи г. Милюкова проектъ князя Голицына, если бы тѣ планы государственной реформы, о которыхъ говорятъ документы г. Милюкова, были бы дѣйствительно планами, приписанными иностранными министрами князю Голицыну. Но именно этого-то мы, какъ это видно будетъ изъ послѣдующаго изложенія, и не въ правѣ утверждать.

Источниками, изъ которыхъ гг. Милюковъ и Корсаковъ черпаютъ свои свѣдѣнія о планѣ князя Голицына, служатъ два письма Маньяна отъ 2 и 7 февраля, письмо Рондо отъ 2 февраля и письмо де-Лирія отъ 26 января. Ни въ письмѣ Маньяна отъ

котораго г. Милюковъ черпаетъ всего болѣе свѣдѣній, о Сенатѣ вовсе даже не упоминается; въ немъ также не говорится ни слова ни о палатѣ городскихъ представителей, ни о дворянской палатѣ. О сенатѣ, какъ высшей судебной инстанціи, мы безусловно не находимъ никакихъ свѣдѣній ни въ одномъ изъ источниковъ, на которые ссылается г. Милюковъ. О компетенціи сената, шляхетской палаты и палаты городскихъ представителей, одни вовсе не упоминаютъ (Маньянъ), другіе опредѣляютъ ее не согласно съ показаніями г. Милюкова. Послѣдній утверждаетъ, что сенатъ предварительно разсматриваетъ дѣла, вносимыя въ Совѣтъ, а также представляетъ высшую судебную инстанцію. Между тѣмъ ни въ одномъ источникѣ такого постановленія мы не встрѣчаемъ. Рондо о судебныхъ функціяхъ сената не упоминаетъ, а де-Лирій ничего не знаетъ о сенатѣ, какъ объ учрежденіи, въ которомъ предварительно разсматриваются дѣла, вносимыя въ Совѣтъ. Онъ говоритъ, что сенатъ будетъ заниматься судебными дѣлами, но объ томъ, что сенатъ имѣетъ высшей судебной инстанціей ему ничего неизвѣстно, точно такъ же какъ и о ѣмъ остальныхъ министрамъ. Опредѣленіе компетенціи шляхетской палаты заимствовано г. Милюковымъ изъ письма Рондо; въ письмахъ же остальныхъ министровъ объ этой палатѣ или вовсе не упоминается (какъ въ письмѣ Маньяна отъ 7-го февраля), или же о ея компетенціи умалчивается (въ письмѣ Маньяна отъ 2 февраля и въ письмѣ де-Лирія). Испанскій министръ говоритъ только, что она будетъ въ родѣ нижней палаты. Сопоставляя это его выраженіе съ предшествующими строками, въ которыхъ онъ говоритъ, что въ Совѣтъ будутъ восходить всѣ дѣла, сенатъ же заниматься судебными дѣлами, можно думать, что эта нижняя палата будетъ завѣдывать тѣми дѣлами, которыми не вѣдаетъ ни Верховный Тайный Совѣтъ, ни сенатъ, а именно текущими правительственными дѣлами. О палатѣ городскихъ представителей, по два отъ каждаго города, никто изъ иностранныхъ агентовъ не знаетъ, кромѣ Маньяна, который, однако, упомянувъ о палатѣ въ письмѣ отъ 2 февраля, въ письмѣ отъ 7 февраля уже ничего о ней не говоритъ. Рондо, кромѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената и собранія изъ 200 лицъ, упоминаетъ еще объ особомъ собраніи; но это собраніе никакъ не палата городскихъ представителей по два отъ каждаго города, а собраніе частью отъ дворянства, частью отъ купечества.

7 февраля, ни въ указанныхъ письмахъ Рондо и де-Лирія, ни слова не говорится о томъ, что сообщаемый въ нихъ планъ правленія принадлежитъ князю Голицыну.

Только въ письмѣ Маньяна отъ 2 февраля сообщаемый въ немъ проектъ становится въ связь съ именемъ князя Голицына. Но эта связь не даетъ намъ права говорить о проектѣ, сообщаемомъ Маньяномъ въ этомъ письмѣ, какъ о проектѣ князя Голицына, отличномъ съ одной стороны отъ того, который былъ формулированъ въ кондиціяхъ, съ другой — отъ тѣхъ, которые содержались въ шляхетскихъ проектахъ. Въ этомъ письмѣ Маньянъ передастъ какъ слухъ, что князь Голицынъ намѣревался ограничить власть царицы лишь внутреннимъ управленіемъ двора, всю же Верховную власть возложитъ на собраніе Верховнаго Совѣта, состоящее изъ десяти лицъ, и образовать еще три трибунала; но недовольство мелкаго дворянства, продолжаетъ Маньянъ, которому неминуемо грозила бы гибель при измѣненіи старыхъ государственныхъ порядковъ, разстроило этотъ его первоначальный проектъ. Подъ этимъ проектомъ, вызвавшимъ недовольство дворянства, Маньянъ очевидно не могъ понимать проекта князя Голицына, отличнаго отъ кондицій, ибо о самыхъ кондиціяхъ это дворянство получило болѣе точныя извѣстія только 2 февраля; до 2 февраля князь Голицынъ не могъ также отказаться отъ своего плана, ибо только 2 февраля онъ сообщаетъ дворянству о кондиціяхъ и въ патетической рѣчи рисуетъ то счастіе и благоденствіе, которыми эти кондиціи надѣлятъ Россію. Проектъ, сообщаемый Маньяномъ въ разбираемомъ письмѣ, имѣетъ кромѣ того очень мало общаго съ тѣмъ политическимъ проектомъ, который приписываютъ Милюковъ и Корсаковъ князю Голицыну; въ немъ ничего не говорится о сословномъ представительствѣ на широкихъ основаніяхъ; вся верховная власть безъ остатка передается Верховному Совѣту состоящему изъ десяти лицъ; о компетенціи палатъ, которыя охраняли бы права шляхетства и вѣдали бы интересы простого народа, нѣтъ ни полслова [1].

---

[1] Въ этомъ письмѣ Маньянъ очевидно передастъ слухи, которые ходили о кондиціяхъ. Если эти слухи невѣрно передаютъ содержаніе кондицій, то объясняется это тѣмъ, что упомянутое письмо было написано еще въ то время, когда никто кромѣ посвященныхъ въ тайну ночнаго засѣданія 19 января, не зналъ ничего опредѣленнаго о политическомъ проектѣ вельможъ, сочиненномъ ими въ эту ночь. Только на засѣданіи 2 февраля были прочитаны кондиціи государственнымъ чинамъ Маньянъ,

Въ письмѣ Маньяна отъ 7 февраля говорится о планѣ правленія, имѣющемъ съ планомъ, изложеннымъ имъ въ письмѣ отъ 2 февраля, лишь то общее, что въ обоихъ вся полнота верховной власти передается Совѣту. Не только въ немъ ничего не говорится о сословномъ представительствѣ, но въ немъ нѣтъ даже упоминанія о какихъ бы то ни было палатахъ. О томъ, что этотъ планъ принадлежитъ князю Голицыну, въ немъ ничего не говорится. Его вдохновителями, по утвержденію Маньяна, является не князь Голицынъ, а государственные чины. [1]

Въ письмѣ Рондо отъ 2 февраля, изъ котораго гг. Милюковъ и Корсаковъ только и могли почерпнуть свѣдѣнія о компетенціи собранія молодаго дворянства, даже имени князя Голицына не упоминается. [2]

Въ письмѣ де-Лирія отъ 26 января мы опять не встрѣчаемъ ни малѣйшихъ намековъ на проектъ князя Дмитрія Михайловича. Его имя въ этомъ письмѣ де-Лиріа даже не упоминается.

какъ и другіе министры, старался добыть свѣдѣнія объ ограничительныхъ пунктахъ, но это удалось ему только гораздо позднѣе и лишь въ письмѣ отъ 16 февраля онъ можетъ сообщить текстъ кондиціи и то не совсѣмъ точный.

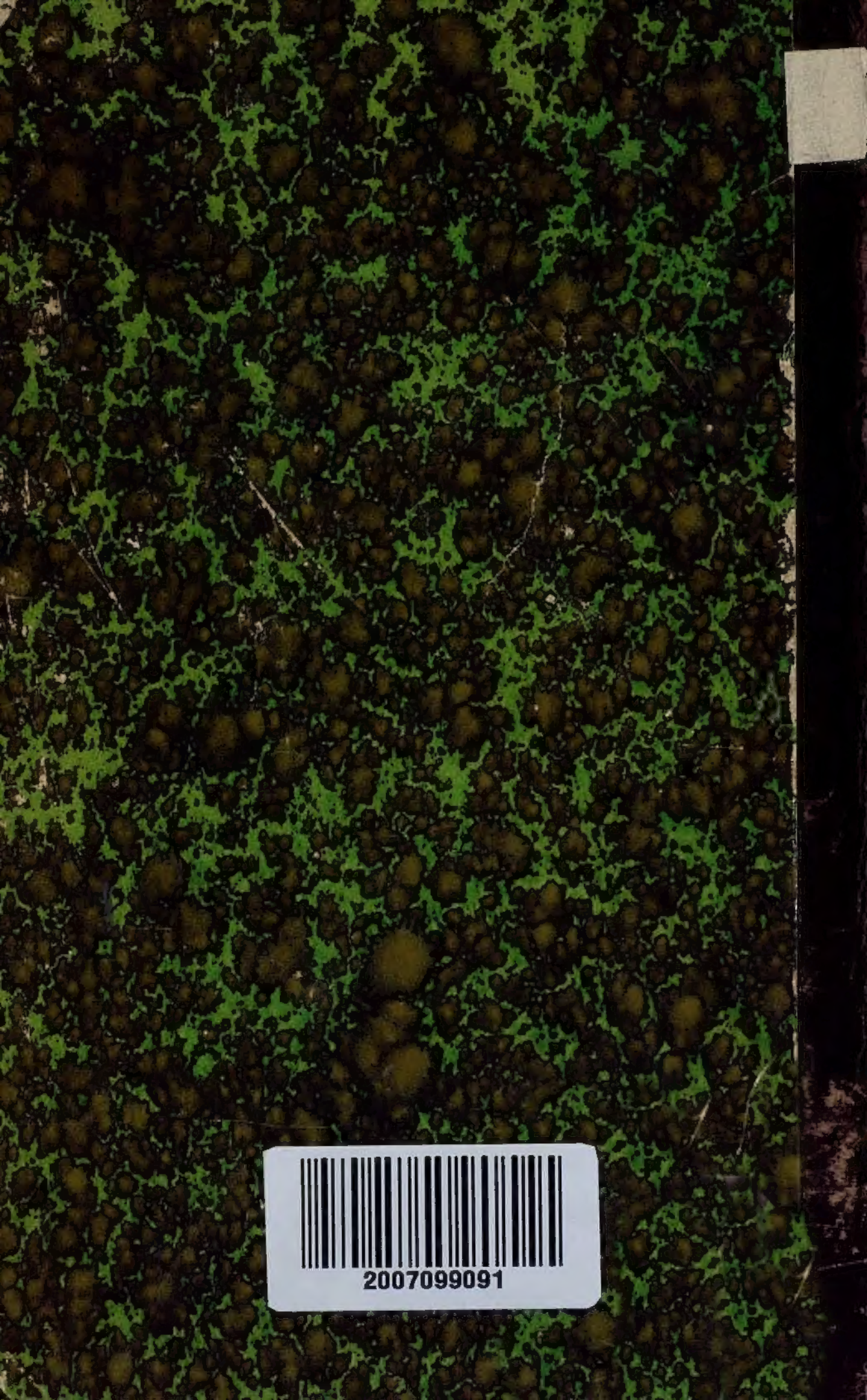
[1] „Нѣкоторыя лица увѣряютъ, пишетъ Маньянъ въ этомъ письмѣ, — что въ планѣ правленія составленномъ государственными чинами, будутъ заключаться слѣдующія статьи.“ Изложивъ эти статьи, изъ которыхъ послѣдняя постановляла, что всѣ посты и должности будутъ назначаться Совѣтомъ, Маньянъ продолжаетъ: „Однако этотъ Совѣтъ еще не сформированъ и, какъ увѣряютъ, съ величайшими затрудненіями сопряженъ въ настоящее время выборъ 12 членовъ, изъ которыхъ онъ долженъ будетъ состоять. Эти первенствующія лица, имѣющія наибольшее вліяніе въ собраніи государственныхъ чиновъ, имѣющія тамъ голосъ, суть слѣдующія. Князь Димитрій Голицынъ, фельдмаршалъ и его братъ, соединившіеся съ ними фельдмаршалъ Долгорукій и князь Черкасскій, человѣкъ, который слыветъ ученымъ законовѣдомъ.“ Эти свѣдѣнія, которыя здѣсь сообщаетъ Маньянъ показываютъ, что онъ былъ плохо освѣдомленъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ стояли другъ къ другу князья Голицыны и Долгорукіе съ одной стороны и князь Черкасскій съ другой и что онъ имѣлъ очень смутное представленіе какъ о дѣятельности авторовъ кондицій, такъ и объ агитаціи вождя шляхетскаго большинства.

[2] Въ немъ говорится: „Не могу пока въ точности изложить вашему превосходительству, какую форму правленія русскіе думаютъ установить, но молва говоритъ...“ Послѣ изложенія плана Рондо прибавляетъ: „Таковъ общій планъ, надъ которымъ они работаютъ, хотя пока еще не столковались, какъ устроить дѣло; во всякомъ случаѣ они зашли слишкомъ далеко, чтобъ идти вспять, почему большинство во всякомъ случаѣ ожидаетъ важныхъ перемѣнъ“ (стр. 134).

„Планъ правленія“, говоритъ де-Лиріа,—„который хотятъ установить здѣсь, отымаетъ у ея царскаго величества всякую власть.“ Затѣмъ, изложивъ самый планъ правленія, де-Лирія продолжаетъ: „Вотъ проектируемая доселѣ идея плана правленія. Богъ знаетъ, будетъ ли она строго развита, какъ есть, или что-нибудь въ ней измѣнятъ, но то вѣрно, что ни въ какомъ случаѣ не хотятъ оставить царицѣ какой-нибудь авторитетъ.“ Изъ этого письма де-Лирія не только не видно, что излагаемый въ немъ планъ правленія есть особый проектъ, задуманный Голицынымъ въ дополненіе и исправленіе кондицій, но изъ его дальнѣйшихъ сообщеній можно вынести скорѣе заключеніе, что этотъ планъ воспроизводитъ ограничительные пункты, подписанные императрицей. Въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдующемъ письмѣ отъ 2 февраля мы читаемъ: „Три дня тому назадъ пріѣхалъ изъ Митавы курьеръ, присланный княземъ Долгорукимъ, съ извѣстіемъ, что... они объявили герцогинѣ Курляндской о ея выборѣ съ условіями, которыхъ отъ нея желаетъ русская нація, что ея высочество приняла и согласилась на все, чего отъ нея желали. *Я не могъ еще точно узнать каковы эти условія, но, судя по тому, что я узналъ, они мало отличаются отъ тѣхъ, которыя я сообщилъ вамъ прошлою почтой*“ (то-есть въ письмѣ отъ 26-го января).

Мы ко всему сказанному ничего прибавить не имѣемъ. Приведенныя свидѣтельства, изъ которыхъ наши историки извлекаютъ мнимый планъ князя Голицына, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ этихъ свидѣтельствахъ нѣтъ никакихъ указаній на существованіе политическаго проекта князя Дмитрія Михайловича, отличнаго отъ кондицій, и что эти извѣстія иностранныхъ пословъ о политическомъ проектѣ вельможъ представляютъ собою ничто иное, какъ отзвуки слуховъ, ходившихъ въ обществѣ о задуманной верховниками перемѣнѣ формы правленія, о которой никто, кромѣ небольшаго кружка лицъ, до 2 февраля никакихъ точныхъ свѣдѣній не имѣлъ...

2007099091


2007099091